ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН.

Фото А. Устинова

Да здравствует 35-я годовщина Советской Армии и Военно-Морского Флота, стоящих на страже мира и безопасности нашей Родины!

Слава нашему великому вождю и полководцу товарищу Сталину!

В. Е. Цигаль. СЕМЬЯ ГОЛОСУЕТ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

В. Е. Цигаль. ПРАЗДНИК ВЫБОРОВ.

На четвертой странице обложки: Юный фотолюбитель, воспитанник Сталинградского суворовского училища Эдуард Литвинов снимает школьника Олега Крыжановского и суворовца Валерия Чеченева.

Фото Галины Санько

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 8 (1341)

22 ФЕВРАЛЯ 1953

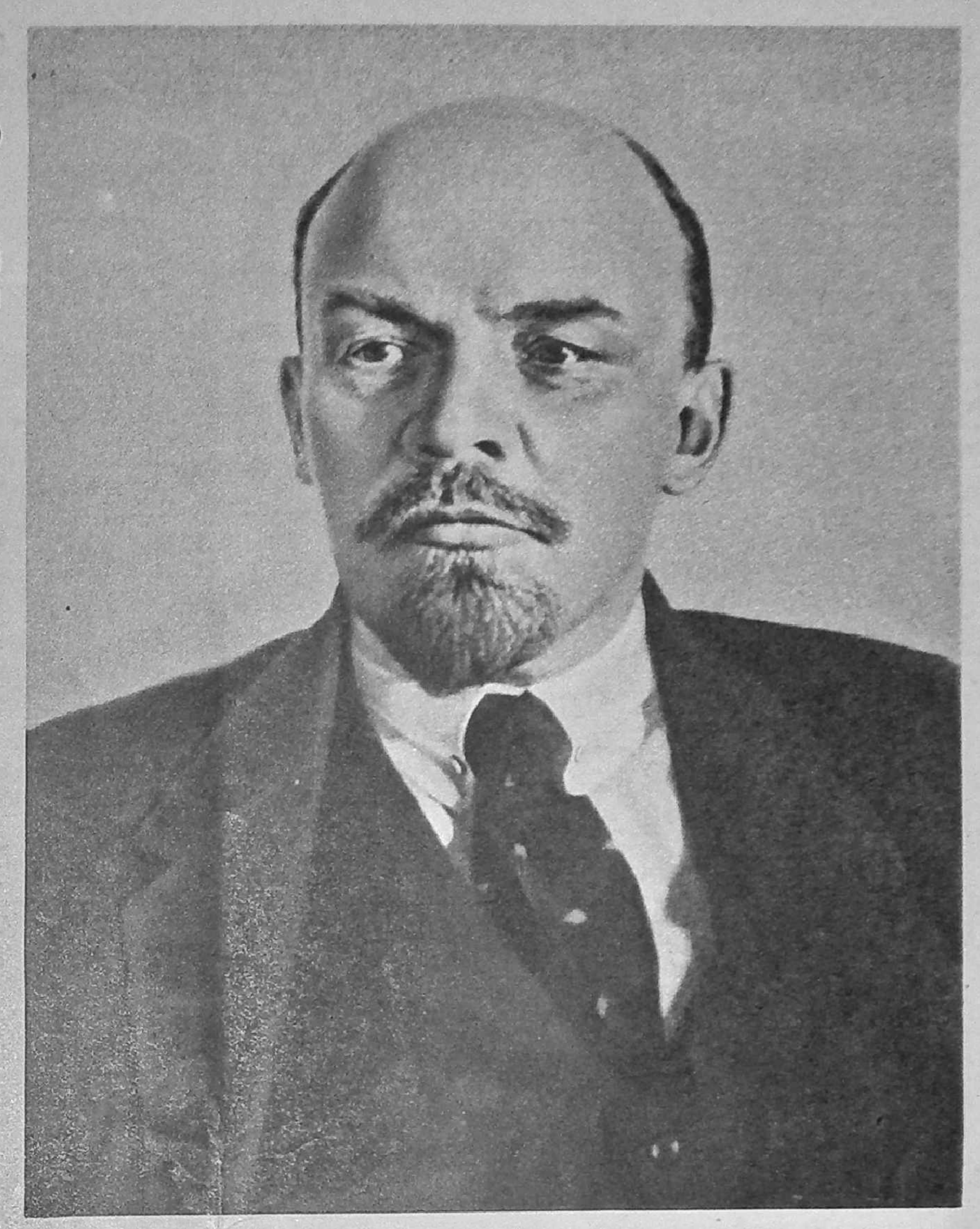
31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

«...эта армия призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть, Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, весь новый, истинно-демократический строй от всех врагов народа...»

В. И. ЛЕНИН.

Из речи на проводах первых эшелонов социалистической армии 14 января 1918 года.



НА СТРАЖЕ МИРНОГО ТРУДА

Советской Армии исполнилось тридцать пять лет...

Славен ее исторический путь! У ее колыбели стояли бесстрашные вожди трудящихся Ленин и Сталин. Ее ряды сплотила великая Коммунистическая партия, сильная своим революционным духом и дисциплиной, непревзойденная в своем умении организовать и правильно руководить миллионными массами. Наша армия вышла из народа, смело идущего во главе передового человечества. Ее знамена увенчаны бессмертными подвигами освобождения сотен миллионов тружеников от ига империализма. Ее солдат и офицеров вдохновляют идеи братства между народами и счастья всех людей на земле.

Четверть века назад в своей речи «О трех особенностях Красной Армии» товарищ Сталин говорил:

«Партия гордится, что Красная Армия, пройдя долгий путь освобождения рабочих и крестьян от ига помещиков и капиталистов, завоевала, наконец, себе право праздновать свой юбилей на десятом году своего рождения».

«Партия гордится...» Несколько раз повторяются эти два слова в сталинской речи. Да, Коммунистическая партия законно и заслуженно гордится, что ее усилиями, с помощью широчайших народных масс, впервые в истории человечества была создана армия для освобождения тружеников, а не для их угнетения, для укрепления братской дружбы и мира между народами, а не для закабаления слабых наций сильными.

Товарищ Сталин говорил тогда о любви народа к своей армии. Разве не стала эта любовь еще крепче и животворнее? С первых дней зарождения Советской Армии это благородное и возвышенное чувство было и остается тем источником, который порождает героизм ее бойцов и командиров, славные победы над врагами Отечества.

Любовь советского народа к своей армии — выражение патриотизма и беззаветной преданности Родине. Свежи еще в памяти грозные дни Великой Отечественной войны. Они были живым подтверждением сталинских слов о единстве тыла и фронта, как источнике непобедимости Вооруженных Сил социалистического государства. Об это стальное единство разбили лбы немецко-фашистские претенденты на мировое господство.

На смену Гитлеру и гитлеровцам ныне явились новые кандидаты в «руководители всего мира». Подхватив опозоренное знамя немецкого фашизма, слуги Уолл-стрита из Пентагона собирают силы для нового «крестового антикоммунистического похода».

Кого они ставят под это грязное знамя? Правительства стран-сателлитов, предавшие свои народы и выбросившие за борт знамя национального суверенитета и независимости. Наемников из бывшего вермахта, эсэсовских головорезов и остатки армий японских самураев. Оболваненных, обманутых и насильно завербованных людей, вроде турецких солдат, бесславно сложивших свои головы в Корее. Подонки капиталистического общества, растленных негодяев и гангстеров, продавших душу и тело за доллары.

Народы мира не станут под ненавистное им знамя. Передовое человечество объединяется для отпора силам кровавой империалистической реакции. И если агрессоры осмелятся развязать подготовляемую ими войну,— любовь, сочувствие и поддержка народов будут всецело на стороне социализма и демократии. Это означает, что и нынешних претендентов на мировое господство ждет такая же участь, как и вчерашних.

Товарищ Сталин говорил в своей речи, что наша армия является армией братства между народами. Эта особенность Советской Армии раскрылась уже в годы войны с интервентами и белогвардейщиной, а наиболее полно проявилась в войне 1941—1945 годов. Известно, какие надежды питали главари фашизма, рассчитывая первыми же серьезными ударами вызвать конфликты между народами СССР. Действительность опрокинула все их упования, разбила в прах всякие попытки поссорить между собою социалистические нации и нарушить их единство.

Народы всех шестнадцати союзных республик стеною стали на пути врага. Москву защищали сыны всех советских народов. Разъезд Дубосеково вошел в славную историю Великой Отечественной войны как символ несокрушимого сплочения всех входящих в СССР наций вокруг русского народа. Он остался в памяти человечества бессмертным воплощением твердости духа воинов-патриотов, до последнего вздоха преданных своему социалистическому Отечеству.

Сталинград обороняли советские люди, родившиеся на берегах Волги и Аму-Дарьи, Днепра и Западной Двины, Арагви и Березины, Иртыша и Урала. Идея братства народов окрыляла сотни тысяч говорящих на разных языках советских людей, делала их легендарными богатырями. Они сломали хребет гитлеровской армии. Они, герои Сталинграда, возвестили порабощенным в то время фашистами народам близость избавления от рабства и национального унижения.

Товарищ Сталин говорил в своей речи о духе и чувствах интернационализма, проникающих всю нашу армию.

Советской Армии чужды и враждебны межнациональная рознь и унижение достоинства других народов. Глубокий патриотизм, любовь к своей стране, искреннее уважение ко всем народам — именно эти качества нашей армии привлекают к ней, как говорил товарищ Сталин, «бесчисленное количество друзей и союзников во всех частях мира, от Шанхая до Нью-Йорка, от Лондона до Калькутты».

Советская Армия была и будет до конца верна традициям интернационализма, ленинско-сталинской политике укрепления и развития дружбы между народами, сохранения мира между ними. Этими же идеями проникнуты армии стран народной демократии Европы и Азии.

Мы живем в эпоху грандиозной борьбы за сохранение мира, за ликвидацию угрозы новой войны, подготовляемой американскими агрессорами. Недавний Конгресс в Вене продемонстрировал, насколько велика жажда мира у большинства населения земного шара и как велики силы прогрессивного человечества. Вместе с тем политика и практика врагов мира говорит, что они способны на самые безумные авантюры. Надо помнить: чем безнадежнее положение империалистов, тем безрассуднее становятся их намерения путем насилия и разбоя поправить свои пошатнувшиеся дела. Безрассудству поджигателей войны лагерь мира, возглавляемый нашим народом, противопоставляет активную борьбу за мир, бдительность и постоянную готовность дать сокрушающий отпор любителям международного разбоя и насилия.

Главная задача Вооруженных Сил Советского Союза — охрана мирного труда народа, строящего коммунизм. Советские люди, вдохновленные решениями XIX съезда Коммунистической партии, новыми гениальными трудами товарища Сталина, твердой поступью идут вперед по пути созидания. Мы крепим мощь сухопутных, морских и воздушных сил Родины, чтобы спокойно трудились строители, воздвигающие плотины и гидростанции, чтобы спокойно шли на трудовую вахту сталевары и шахтеры, чтобы спокойно возделывали поля колхозники, чтобы мирно спали наши дети. Мир дорог нам, как счастье творить, строить, и горе тем, кто помешает нам это делать, попытается отнять это счастье. Наша армия свято хранит свои традиции и свой опыт. Напрасно агрессоры пытаются запугать наш народ. Советские люди не из пугливых. Они непоколебимо убеждены, что новая война может кончиться только окончательным крахом капитализма.

Тридцатипятилетний юбилей Советской Армии и Военно-Морского Флота трудящиеся нашей Родины отмечают с гордым чувством уверенности в их мощи, бдительности и готовности защитить всемирно-исторические завоевания социалистического государства, его честь и достоинство. Крепка любовь народа-героя к своему детищу. В этой любви — источник непобедимости!

АРМИЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНИЦА

Виктор **ПОЛТОРАЦКИЙ**

Была осень 1941 года. Враг рвался к столице нашей советской Родины.

7 ноября по Красной площади проходили полки Советской Армии, готовые прямо отсюда отправиться на защиту Отечества. Напутствуя их, товарищ Сталин сказал:

— На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!

И советские воины с достоинством и честью выполнили эту высокую, благородную миссию. От стен Москвы, с берегов Волги, от предгорий Кавказа ратным путем прошли советские солдаты до самого фашистского логова. Вот они, воины-победители, идут к рейхстагу от Бранденбургских ворот.

По многим землям, по многим странам прошли они. С радостью и благодарностью встречал советского солдата освобожденный народ. Как к другу-освободителю обращается румынский бедняк к Герою Советского Союза майору Морозову. (Снимок справа.) О тяжелой, бесправной жизни румынского крестьянства рассказывает бедняк и спрашивает:

— Скажите: как жить?..

Советские люди собственным примером указали румынскому народу путь к новой жизни, к коллективному труду. Следуя примеру советских людей, освобожденный румынский народ строит новую, счастливую жизнь.

Тысяча шестьдесят два килограмма пшеницы в этих мешках. Это только аванс, полученный бывшим бедняком Андреем Штефаном, членом коллективного хозяйства из румынского села Коцофене де Фаце (снимок слева, внизу).

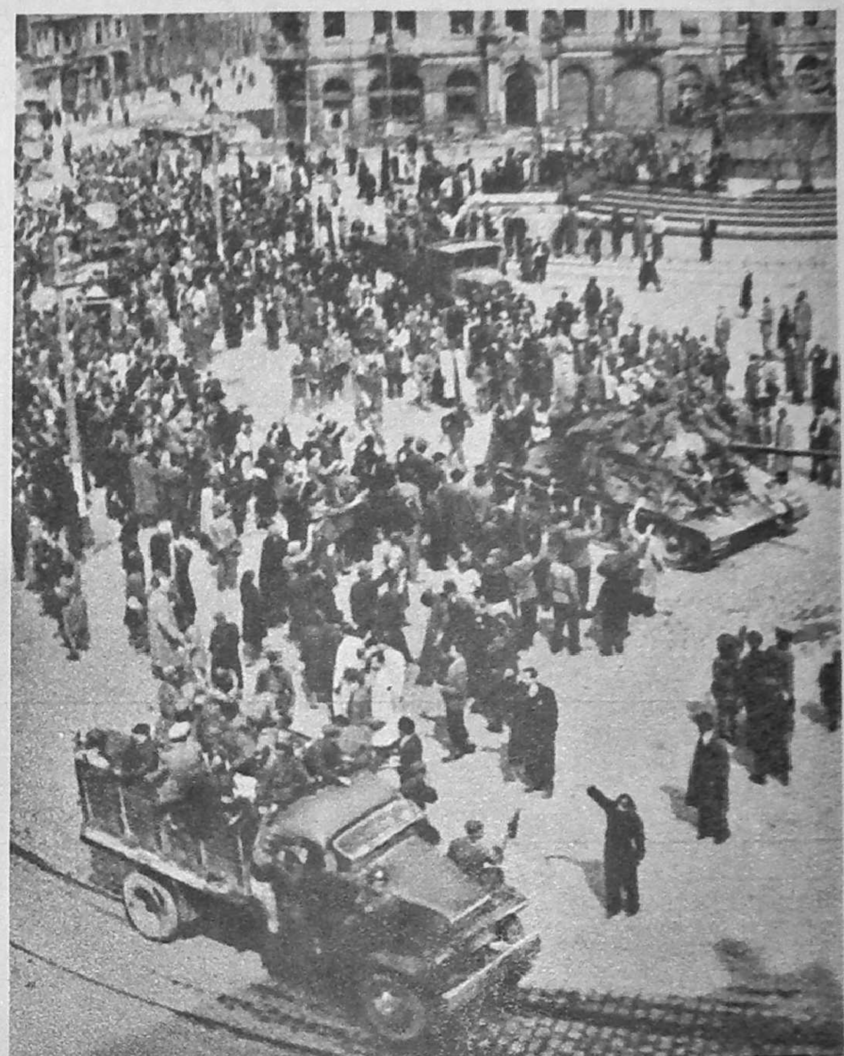
Радостно встречает народ Болгарии Советскую Армию. С приветственными плакатами вышли тысячи людей навстречу воинам-освободителям.

Не порабощение и гибель, а свободу и жизнь несли народам наши советские воины. Своим солдатским хлебом делились они с населением освобождаемых городов. Этот снимок сделан в Будапеште.

Эта беседа завязалась в Берлине в первый день занятия его Советской Армией. Не грабителей, не насильников, а освободителей от гитлеровской тирании увидели немцы в этих солдатах с красной пятиконечной звездочкой на пилотках.

— Мы не враги немецкому народу.

И вот через несколько лет немец из Германской Демократической Республики едет в Советский Союз, как друг к своим лучшим друзьям. Рабочий Герой Труда ГДР Хорст Радекер беседует с советской колхозницей орденоносцем Н. В. Турковой.



Утро 9 мая 1945 года... Советские танкисты и части моторизованной пехоты вступили в Прагу, столицу Чехословакии. Это был день ликования, день радости города. Жители встречали солдат, как братьев.

— С Советским Союзом на вечные времена! — стало самым популярным лозунгом народов новой Чехословакии.

За свободу и независимость народов отдали свою жизнь многие воины Советской Армии. Человечество никогда не забудет об этом.

С благоговением слушают китайские школьники рассказ учительницы о подвигах советских солдат. Цветы на могиле воинов — знак глубокого уважения к тем, кто пал в бою за свободу народов.

Советский воин! Это — гордое звание. Гуманность и благородство, героизм и верность великим целям — основные черты нашего славного воина. Таким он запомнился на берегах Дуная и Эльбы, на равнинах Польши, в горах Болгарии, на площадях Праги и далеко на Востоке. Таким он вошел в историю...

У нас в гарнизоне

Прибудет новый офицер в Н-ский гарнизон и от первого же человека, с кем успеет разговориться, непременно услышит:

— Это хорошо, что вы у нас служить будете. У нас в гарнизоне...

И польется рассказ о том, как интересна, содержательна жизнь здешних офицеров, как высоко чтут они законы войскового товарищества, какую большую заботу проявляют командиры о многообразных запросах авиаторов.

— Позвольте,— заметит новичок,— ведь и в других гарнизонах так же...

— Это правильно, конечно. Но все же у нас в гарнизоне...

И ветеран расскажет своему новому товарищу о славном боевом прошлом части, об орденах, украшающих ее знамя, о героях, воспитанных в ее рядах, об авиаторах, приумножающих славу, добытую в битвах за Родину.

Пройдет немного времени, новичок уже станет старожилом, и случись ему встретить вновь прибывшего товарища, он с тем же чувством гордости начнет свой рассказ словами:

— У нас в гарнизоне...

* * *

Самолеты один за другим взмывали в воздух. В высоком, подернутом белесой дымкой небе они вычерчивали фигуры высшего пилотажа, разыгрывали «воздушные бои».

В этот будничный летный день хорошо действовали все авиаторы. Но особенно отличились летчики подразделения офицера Григория Кальченко. Присутствовавший на полетах старший авиационный командир объявил им благодарность.

Офицер Г. Д. Кальченко — бывалый летчик, участник Великой Отечественной войны. Свой богатый опыт он умело передает молодежи, воспитывает ее в духе железной воинской дисциплины и высокой организованности.

Когда полеты были закончены, офицер Кальченко собрал летчиков и подвел итоги дня.

— Хорошо летали, — заявил он.— Поздравляю с успешным выполнением задания. Только не забывайте: завтра надо летать еще лучше...

* * *

Настойчиво овладевают офицеры марксистско-ленинской теорией. И дома, и в читальном зале гарнизонной библиотеки, и в библиотеке горкома партии увидишь их вечером за изучением труда товарища И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», его речи на заключительном заседании XIX съезда КПСС, материалов съезда.

В читальном зале гарнизонной библиотеки мы встретились с офицером-коммунистом Владимиром Федоровичем Бученковым. Он готовился к очередному семинару по марксистско-ленинской подготовке. Много, упорно работает Владимир Федорович над повышением своего идейно-теоретического уровня.

— Хорошо летали,— пожимая руки летчикам, говорит командир подразделения офицер Григорий Кальченко (справа).— Поздравляю с успешным выполнением задания.

* * *

Кровные узы связывают офицеров Н-ского гарнизона, как и всех воинов нашей армии, с советским народом. Солдаты и офицеры проявляют горячий интерес к тому, как трудятся советские люди на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах; воины принимают активное участие в общественной жизни села, района, города.

Накануне выборов в местные Советы депутатов трудящихся группа авиаторов-лыжников совершила агитпоход в один из ближайших колхозов. Радушно встретили тут посланцев Советской Армии.

Многолюдно в агитпункте. Внимательно слушают колхозники доклад офицера-авиатора о 35-й годовщине Советской Армии, о ее славных традициях. Тепло приветствует воинов секретарь колхозной парторганизации учительница Нина Кузьминична Исаева. И не только приветствует. Она обстоятельно рассказывает воинам, как колхозники борются за высокий урожай, как радостно живут здесь люди, чей мирный, созидательный труд зорко оберегает доблестная Советская Армия.

...А на следующее утро в ясном зимнем небе снова мощно и ровно гудят моторы. И жители окружных сел с восхищением следят за тем, как, оставляя за собой белый след, проносятся в морозной вышине могучие краснозвездные машины.

Подполковник Б. МЯСНИКОВ

Офицер-коммунист В. Ф. Бученков в читальном зале гарнизонной библиотеки готовится к очередному семинару по марксистско-ленинской подготовке.

Радушно встретили колхозники воинов-авиаторов — участников агитпохода.

Фото С. Лоскутова.

НА РОДИНЕ ГЕРОЯ

Иг. КОБЗЕВ

Перед боем... Снимок военных лет.

Воскресное утро выдалось солнечным и морозным. Снег слепит глаза. Светлой искоркой сверкает в зените самолет.

По дороге из города догнал я в поле шумную ватагу ребят — школьников плавской десятилетки. У всех у них заметно приподнятое настроение: ребята направляются на экскурсию в село Синявино, на родину своего земляка, дважды Героя Советского Союза Бориса Сафонова.

Значит, нам как раз по пути...

От районного городка Плавска до Синявина недалеко: всего около четырех километров. Ребята шагают бодро, в ногу. Некоторые поют...

Позади всех идут два паренька. Один из них — невысокий, темноволосый — ученик девятого класса Володя Громов. Треух с опущенными ушами лихо сидит на его голове, напоминая меховой шлем летчика. Ни для кого из его товарищей не секрет, что Володя уже давно твердо решил стать летчиком. И хотя он ревниво оберегает эту свою мечту от шуток насмешливых одноклассников, хотя он покамест еще только строит модели и никем еще не стал в действительности, но его уже и в школе и на улице называют не иначе, как «летчиком». Да к тому же и фамилия у него как раз авиационная...

Идущий рядом юноша ростом почти на целую голову выше Володи. У него продолговатое лицо, длинные, музыкальные пальцы и застенчивые, как у девушки, глаза. Это десятиклассник, школьный поэт Николай Невижин.

Я замечаю, что приятели никак не могут исчерпать уже давно начавшийся спор.

— Все-таки ты ошибаешься, что Борис Сафонов в детстве был отчаянным! — резко жестикулируя, доказывает Николай Невижин.

— Нет, не ошибаюсь,— настаивает на своем Володя Громов.— Только таким, смелым, решительным, отчаянным, мог быть в детстве будущий герой!

— А мать его, Фекла Терентьевна, когда из Москвы приезжала, рассказывала, что он был тихим, скромным, послушным...

— Это он при матери был таким. А на улице, наверно, становился бедовым.

Оба спорщика, размахивая руками, останавливаются друг против друга.

— Вот какой был с Борисом случай! — громко доказывает Володя.— Поехал он с ребятами из Синявина в ночное, коней пасти... Ребята ночью у костра начали махорку курить. И Борису дают. «Кури»,— говорят. А он отказывается: «Не хочу». Ему: «Кури!» А он: «Не буду!» Хотели его силой заставить закурить, так он двоим или троим носы разбил, вырвался, вскочил на коня — и поминай как звали! А там были ребята постарше него!..

— Этот случай как раз против тебя оборачивается,— перебивает Николай.— В том-то и дело, что Борис был сознательный, понимаешь, сознательный, а не отчаянный и не драчун!

— Интересно, а когда же он закалялся, набирался храбрости? — не сдается Володя.— Вот ты, например, тихоня, и поэтому ты даже стихи свои робеешь на вечере прочитать, когда тебя просят. А Борис ничего не боялся.

— По-твоему, выходит, что героем становится тот, кто в детстве часто дрался, скандалил, по деревьям лазил?! А Олег Кошевой? А Зоя Космодемьянская? Разве они такими были?.. Просто они сильно любили Родину. Сафонов проявил бы себя, даже если бы не стал летчиком!..

Дорога, пролегающая среди заснеженных полей, начинает постепенно спускаться вниз. И вот наконец показывается село Синявино, рассеченное пополам широким, извилистым оврагом. С его крутого берега крохотными, точно увиденными с самолета, кажутся редкие ветлы, плотина, разноцветные бусинки домов, нанизанные на тонкую стеклянную ниточку реки. Где-то вдали, не боясь сорвать на морозе голос, звонко поет девушка...

— Верхняя часть села когда-то называлась Колотовкой,— рассказывает руководитель экскурсии, учитель.— Говорят, именно об этом селе писал Тургенев в рассказе «Певцы». Вот и овраг здесь есть. Сергиевское же, о котором он там упоминает,— это не что иное, как наш Плавск.

На реке возле проруби женщина колотит белье. Топчутся на льду тоскующие по воде гуси. Чуть подальше ребятишки, разрубив топорами тонкий лед у кромки берега, малиновыми, замерзшими руками вытаскивают из воды трепещущих красноперок.

На коньках с книжкой в руке бежит шустрый мальчонка. Наверное, торопится в библиотеку. Он дружелюбно, но несколько свысока оглядывает экскурсантов: дескать, пожалуйста, смотрите и завидуйте!

Невольно лица ребят становятся торжественными. Все взгляды устремлены туда, где на бугре, на фоне белой стены школы, четко вырисовывается бронзовый бюст Героя. Приближаясь к постаменту, огороженному дощатым заборчиком, ребята постепенно замедляют шаги и наконец молча останавливаются.

С гранитного постамента глядит вдаль, в голубые необозримые поля своей страны, гордый богатырь. Грудь его, точно панцырем, покрыта металлом орденов. Широкие, словно крылья, плечи откинуты назад, как будто он разминает их для боя. А лицо у него доброе, русское, с такими же, как у его матери-крестьянки, выпуклыми, чуть приподнятыми кверху надбровьями, с ямочкой на сильном подбородке. Нет, он никому не грозит! Он улыбается доверчиво и спокойно...

Я знаю, что не только Николай с Володей, но все стоящие перед бюстом ребята сейчас думают об одном: где взял эту богатырскую силу человек, чтобы совершить свои славные подвиги?! И каким надо быть, чтобы сделать для Родины столько же?

Я вдруг вспомнил, как с искренним, почти мальчишеским восхищением рассказывали мне о Сафонове североморцы, закаленные военные люди, герои, сами не раз совершавшие чудеса! Вспомнились мне грозные дни июня 1941 года. Тогда впервые услышала страна имя Бориса Сафонова...

...Это случилось утром, на третий день войны. Первая группа фашистских бомбардировщиков «хейнкель» пересекла нашу государственную границу. Навстречу врагу поднялись советские истребители.

В первом же завязавшемся в воздухе сражении летчик морской авиации старший лейтенант Сафонов сбил вражеский самолет, отрубив ему пулеметной очередью хвост.

Это не было счастливой случайностью.

Во всех последующих боях он неизменно одерживал одну победу за другой.

Но никогда не был Борис Сафонов героем-одиночкой. Командир-коммунист, он обладал замечательным талантом педагога, воспитателя себе подобных. Применяя сафоновскую наступательную тактику, летчики-североморцы не дали противнику ни на один день установить своего господства в воздухе.

Стремительная, меткая атака с короткой дистанции вскоре стала называться на Севере «сафоновским ударом». Фашистские «ассы» трусливо уклонялись от боя с краснокрылым истребителем, на фюзеляже которого крупными буквами было написано: «За Сталина!» и «Смерть фашизму!». Пленные фашистские летчики рассказывали, что у них даже подавался сигнал: «В воздухе Сафонов!» — и это означало, что надо оставить поле боя.

Однажды всю страну облетело сообщение Совинформбюро о проведенном семью сафоновскими истребителями победоносном сражении с пятьюдесятью двумя «юнкерсами» и «мессершмиттами»!..

В тот день, пользуясь сильной облачностью, враги задумали совершить налет на корабли Северного флота. Но облака им не помогли. Наоборот, неожиданно из облаков на их машины обрушились советские самолеты... Фашистам показалось, что этих самолетов сотни!

30 мая 1942 года командир гвардейского авиационного полка гвардии подполковник Сафонов провел над морем свой последний бой. Сбив три самолета, он на поврежденной машине лишь немного не дотянул до берега. Холодное Баренцово море захлестнуло своими волнами непобедимого воина.

Двадцать пять вражеских самолетов уничтожил он, провоевав менее года. А было ему всего двадцать шесть лет...

Когда ребята с трудом усаживались за низкие парты школы-семилетки, у каждого была мысль: может, как раз на этой скамье сидел когда-то будущий герой-летчик? И рассказывал о нем учитель синявинской школы Сергей Иванович Меркулов, который много лет тому назад показывал первокласснику Борису Сафонову первые буквы азбуки.

Вскоре экскурсанты начинают собираться в обратный путь. Только Володя с Николаем еще долго о чем-то расспрашивают учителя...

Попрощавшись с ребятами, я пошел по селу. Мне хотелось знать, как живет и работает колхоз имени дважды Героя Советского Союза Б. Ф. Сафонова.

Знакомясь с колхозниками, я узнал, что в Синявине во многих семьях кто-нибудь служит или служил в авиации. В годы войны, услышав о подвигах своего земляка, почти все синявинские парни решили стать летчиками. В авиацию ушли Петр Гаврилин, Сергей Трофимов, Иван Сухарьков и другие. Парторг колхоза Петр Павлович Писанов служил стрелком-радистом на бомбардировщике... Некоторые бывшие летчики работают теперь трактористами.

Парторг посоветовал мне побывать у родственницы героя, колхозной птичницы Пелагеи Дмитриевны Сафоновой. Я удивился, застав у нее в доме Володю и Николая. Оказывается, друзья отстали от экскурсии, чтобы наконец решить свой спор.

Пелагея Дмитриевна — скромная, трудолюбивая женщина. Ухаживая за колхозной птицей, она смотрит буквально за каждым цып-

ленком. Парторг рассказал мне, как однажды ночью забрался в овечий загон волк и как Пелагея Дмитриевна (тогда работала она ночным сторожем на животноводческой ферме) встретила хищника вилами.

Первое, что видишь в доме Пелагеи Дмитриевны, — это длинная галерея портретов близких родственников хозяйки. Рядом с фотографией Бориса Сафонова из аккуратных рамочек смотрят мужественные лица ее брата, мужа, сыновей. На одном старинная солдатская бескозырка, на другом буденновка, а сыновья — танкист, шофер и летчик — в форменных солдатских фуражках.

Беседа шла о детстве Бориса.

— Хороший он был мальчик, скромный, уважительный. И ловкий был, — рассказывала Пелагея Дмитриевна. — Бывало, прыгал с высокой ветлы в бучило (самое глубокое место у запруды), на глазах у всех сбивал из ружья ястребов прямо на лету. Случалось, конечно, лазил он с ребятишками за яблоками в чужой сад. Словом, рос, как все деревенские ребятишки...

Учился всегда хорошо. Книжек много читал. Брал книгу в библиотеке, садился на крылечке и часто тут же прочитывал ее и шел просить другую. Песни очень любил. У самого у него голоса, правда, не было. Зато часами мог сидеть на спевках, слушать. Когда учился в седьмом классе, химию любил. Потом стал увлекаться самолетами, окончил в Туле планерную школу. Поступил в летную школу. После лишь изредка видели мы его, когда приезжал он к матери в отпуск...

— Теперь я понимаю, — задумчиво сказал Володя, обращаясь к Николаю, — ты был прав. Вот, наверно, у Игоря Морозова сафоновский характер!..

Ребята рассказали мне о моряке-комсомольце Игоре Морозове, приехавшем в Плавск.

...В конце декабря в оттепель на Плаве вода неожиданно взломала лед. Работник охраны моста переходил реку и вдруг оказался на отколовшейся от берега льдине. Его понесло вниз по течению. Он не удержался и упал в воду. В отчаянии хватался за лед. Лед жег и резал ему руки. Набухшее пальто тянуло вниз. А впереди стеклянной стеной из нагроможденных друг на друга льдин маячил большой торос, о который его наверняка разбило бы, если бы во-время не подоспела помощь.

Игорь Морозов еще издали увидел все это и побежал по берегу вслед за льдиной. На ходу он успел раздеться и сбросить ботинки. Кто-то сунул Игорю в руки веревку.

Отличному спортсмену понадобилось всего несколько минут для того, чтобы доплыть до утопающего, передать ему конец веревки и, выбравшись на берег, вытянуть его из воды.

Игорь учился в плавской семилетке, а потом уехал в Ленинград, поступил матросом на корабль торгового флота. За два года молодой матрос побывал во многих портах, повидал гавани различных стран: от Франции до Индии. И наконец, соскучившись по дому, полный ярких впечатлений, приехал навестить свою мать в родной город.

Учитель Сергей Иванович Меркулов рассказывает школьникам о подвигах их земляка, дважды Героя Советского Союза Б. Ф. Сафонова.

Фото Б. Кузьмина.

Несколько дней подряд имя Игоря Морозова не сходило с уст жителей Плавска. Мальчишки «играли в Игоря». О благородном поступке Игоря писала районная газета. А он, стесняясь своей неожиданной славы, старался реже выходить из дома, читал книги или часами сражался с приятелями в шахматы. Ребята были правы, заметив в нем черточки сафоновского характера.

...Незаметно наступил вечер. Володя и Николай отправились домой.

Луны в небе нет. Зато обильным урожаем созрели в вышине крупные звезды. В колхозном клубе, что стоит над оврагом, может быть, как раз на том самом месте, где когда-то находился описанный Тургеневым в его «Певцах» кабачок «Притынный», приветливо светятся окошки, — как не зайти? Сегодня здесь по плану собрание агитаторов. Послушать доклад учителя Меркулова о международном положении пришли, однако, не только агитаторы.

Сергей Иванович рассказывает колхозникам о росте движения в защиту мира, о странах народной демократии, о событиях в Корее. Слушают с таким напряженным интересом, с каким слушают только самое волнующее...

Уже докладчик ответил на все вопросы и снял со стены карту. Однако никто не уходит.

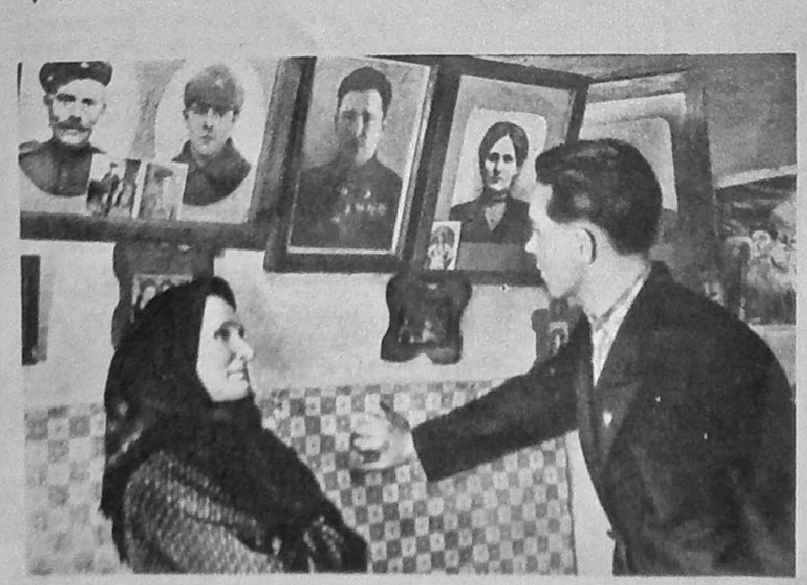
На лавочке недалеко от меня сидит курносая, большеглазая девушка в сером пуховом платке. На нее глядит, подперев рукой кудрявую голову, парторг колхоза Петр Павлович.

— Ну давай, Валя, говори, — деловито предлагает он. («Говори» — в Синявине означает: запевай куплет.)

Валя прячет в карман варежку и семечки. Голос ее — высокое лирическое сопрано — бережно вырисовывает мелодию песни:

За горою, у колодца,
Где студеная вода...

Лицо ее преобразилось: оно сделалось таким торжественно-прекрасным, что глазам больно смотреть на него, как будто смотришь на огонь...



Пелагея Дмитриевна Сафонова охотно отвечала на все вопросы Николая Невижина.

Хор дружно подхватывает песню.

Поют все: и молодые парни, и пожилые женщины с морщинистыми лицами, те, что узнали в жизни и радость и горе, и старики-сторожа в гигантских овчинных тулупах, «на минутку» зашедшие в теплый клуб. Молодые прицепщики сели рядом: это тенора. Конюхи — басы. Доярки — дисканты...

Едва заканчивается песня, сразу же в наступившей тишине рождается другая: «Во поле березонька стояла», потом «Ты взойди, взойди, солнце красное», потом «Эх, ты степь, ты степь» — протяжные, раздольные, удалые песни о Родине, иногда такие высокие, что нужно всю душу вложить в звук, чтобы не оборвалась песня...

А вот запевает Валя песню, которую особенно любят в Синявине:

Песнею и словом сокола родного
Прославляют в нашем солнечном краю.
С песней вырос сокол и любил глубоко
Свой народ советский, Родину свою.
. . . .
Подвиги героя с каждым новым боем
Озарялись ярко перед всей страной.
Богатырский воин славы той достоин,
И среди героев — дважды он Герой!..

Долго в клубе не умолкают песни... И хотя это не спевка, не репетиция, не выступление перед публикой, однако все поют очень серьезно, торжественно, самозабвенно. И чудится, будто в помещении буквально все начинает звучать.

И в эти минуты особенно видно, как здесь, в колхозе, дружно живут люди, с каким почтительным уважением относятся друг к другу. В первый же день мне бросилась в глаза эта особенность села Синявина.

...В углу, возле сцены, заметил я черноглазого мальчугана, который сидел, как загипнотизированный, не шевелясь, и, судя по выражению его лица, переживал каждый звук.

Наверное, вот так же слушал когда-то песни синявинских крестьян мальчик Борис Сафонов... И, может быть, именно они, задушевные, вольные русские песни, научили его так горячо любить и беречь свою Родину!

Кто знает, может, и этот черноглазый мальчуган со временем станет таким же знаменитым героем, как Борис Сафонов!

Синявино, Тульской области.

При развернутом ЗНАМЕНИ ПОЛКА

Рослый, на две головы выше матери, Павел Бузылев по всем статьям годился в солдаты. Вернувшись из военкомата, он сказал всего два слова:

— Да, мама...

Дарья Ивановна не могла сразу разобраться в чувстве, которое наполнило ее сердце. Разлука с сыном...

Дарья Ивановна — мастерица из комбината бытового обслуживания на улице имени Горького в Москве. Павел работал там же, в комбинате, в обувном цехе. Две сестры-студентки весело беседуют с Павликом о том, что ему здорово подходит военная карьера.

...Настал час прощания. Мать сказала просто и душевно:

— Павлуша, ты о нас не беспокойся. Иди, выполняй долг перед Родиной. Со всей честью выполняй!..

* * *

Под командой лейтенанта вошли во двор казармы по-разному одетые, с вещевыми мешками и чемоданчиками парни, с любопытством озираясь по сторонам. Монументальные стены старинного здания, лихо марширующие на просторном асфальтовом плацу отделения и взводы, четкие выкрики команд — непривычная обстановка настраивала на романтический лад, и Павлу стало неловко за свой сугубо штатский вид. Скорей бы обмундирование дали, что ли...

Произошло это очень быстро. Павла Бузылева и его товарищей повели немедленно в баню. Вошли штатскими, вышли солдатами. Знаток обувного дела рядовой Павел Бузылев выбрал себе ладную пару сапог, но брюки и гимнастерку подобрать по росту не сумел. И эта возня с обмундированием его смущала.

— Экий парень вымахал,— сказал ему приветливо старшина, прикинув опытным взглядом: — сто восемьдесят четыре сантиметра, не меньше. Однако ты не робей: со временем у нас еще подрастешь. Да, да!.. У нас, брат, запросто! Брусья, турник, щи мясные, каша гречневая, воздух свежий, через год пуд весу и пять сантиметров росту прибавишь. Будь благонадежен, гвардейцем станешь примерным. Ты откуда сам? Москвич?..

От заботливого старшины Павел Бузылев узнал, что попал он в гвардейский полк, дравшийся на многих фронтах войны против гитлеровцев. В музейном зале новичков познакомили с историческими реликвиями полка. Ветераны-сверхсрочники рассказали им о жарких боях под Ельней, которые вели гвардейцы, обороняя дальние подступы к Москве. Об ожесточенных битвах в кубанских степях, об изнурительных наступательных боях в болотах Прибалтики, о штурме прусской крепости Кенигсберг,— словом, нарисовали весь боевой путь полка...

Молча слушал Павел. Молчали и другие новички, а в душе ликовали: так вот в каком знаменитом полку доведется им служить!

Любознательный и прилежный рядовой Павел Бузылев свободно одолел премудрости курса, который полагается изучить молодому воину до приведения к присяге, быстро освоился со своеобразной солдатской жизнью. Он еще дома научился ценить время. Но здесь, на военной службе, где каждый шаг солдата заранее предусмотрен уставами и наставлениями, время особенно дорого, и это понравилось Павлу.

В шесть утра резко прозвучала, отдавая гулким эхом по длинным коридорам казармы, труба — подъем! Павел в три минуты собирается на зарядку. Он полюбил эти 20 минут ритмичных движений на плацу под оркестр духовой музыки. Действительно, энергическая зарядка на весь трудовой солдатский день!

Павел Бузылев приучился точно в 23 часа по сигналу «отбой» ложиться спать. Спать безмятежно и глубоко, однако всегда быть готовым проснуться мгновенно.

Командование определило Бузылева в пулеметчики — вначале помощником наводчика. Станковый пулемет конструкции Горюнова мало чем напоминал отживший свой век «максим». Новая система настолько легка, остроумна и удобна, что Павел привык даже впотьмах безошибочно и быстро разбирать и собирать пулемет.

Вскоре пулеметчик Бузылев узнал, что техника, с которой побеждала гитлеровцев Советская Армия, сошла с арены, уступив место более мощному и совершенному вооружению.

Однажды хмурым зимним утром поднялся полк на боевую учебу в походных лагерях. Теперь уже гвардии ефрейтор и наводчик станкового пулемета Павел Бузылев привычным движением вскочил в бронетранспортер. Он впервые увидел полк в походе, во всем его грозном оснащении — с танками и противотанковыми орудиями, с гаубицами и минометами. И когда колонна бронетранспортеров, в которых сидели автоматчики, тронулась в путь, он с гордостью подумал:

— Вот мощь! Мышь, и та не перебежит поле под нашим огнем...

На стрельбище сложное упражнение № 1 Павел выполнил отлично. Он поразил движущуюся мишень танка, попав десятью выстрелами не в четыре обусловленных задачей квадрата, а в шесть.

Слава о молодом пулеметчике распространилась по полку. Товарищи по оружию подружились с этим толковым и культурным парнем. Комсомольцы избрали Бузылева секретарем ротной организации. Командование направило его на учебу в школу и затем присвоило звание младшего сержанта. И когда он нашивал вторую золотистую ленточку на погоны мундира, сослуживцы дружелюбно спросили:

— Что, Бузылев, на повышение пошел?

Теперь он командует тем самым пулеметным расчетом, в котором начал службу помощником наводчика. Большая все-таки должность для солдата: ведь надо отвечать за боевую подготовку и морально-политическое состояние четырех подчиненных.

И, видимо, младшему сержанту удается это, если на днях старшина роты зачитал на поверке приказ командира полка: за образцовое несение службы гвардии младшего сержанта Павла Бузылева сфотографировать при развернутом, овеянном боевой славой знамени полка. Высокая мера поощрения!

По традиции, сложившейся в Советской Армии, полковник отправил фотоснимок Дарье Ивановне. В письме командир благодарил мать, сумевшую воспитать отличного советского воина. «Ваш материнский наказ — со всей честью служить любимой Родине — гвардии младший сержант Павел Бузылев выполняет добросовестно и образцово, в строгом духе требований уставов. Примите наш гвардейский привет, дорогая Дарья Ивановна, и пожелание долгого доброго здоровья».

Павел у полкового знамени! Драгоценный фотоснимок Дарья Ивановна поспешила показать в комбинате своим подругам — работницам, которые хорошо знают и помнят её сына, техника из обувного цеха.

— Дарья Ивановна! Поздравляем, родненькая! Хороший сынок у тебя! — воскликнула шляпочница Ксения Ивановна.

— Нет, вы только посмотрите, как он возмужал и вырос, наш гвардеец! — отозвалась молодая чулочница Тамара.— А между прочим, мундир ему очень идет...

С. КАНЕВСКИЙ

Дарья Ивановна (третья справа) на радостях поспешила показать драгоценную фотокарточку сына подругам — работницам...

Гвардии ефрейтор Павел Бузылев быстро овладел техникой: он отлично стреляет из станкового пулемета.

Солдаты подружились с ним. Комсомольцы избрали Павла Бузылева секретарем своей ротной организации.

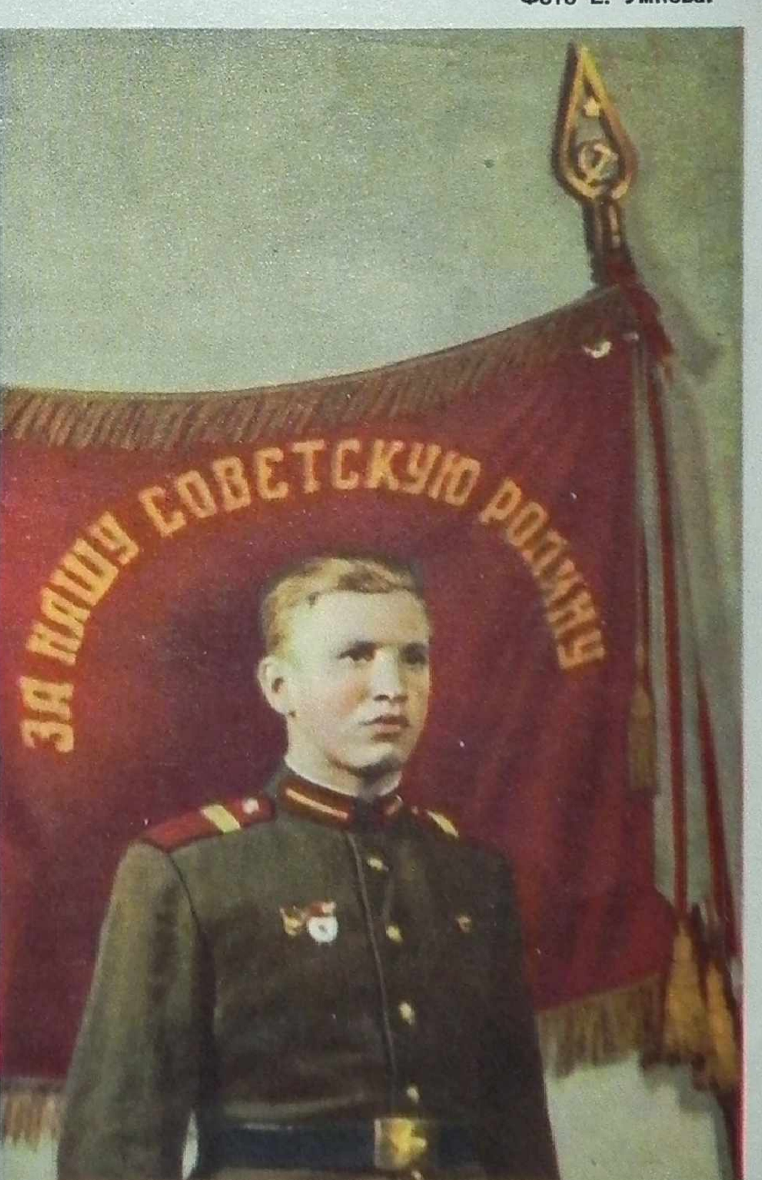
Павлу Бузылеву присвоили звание младшего сержанта. Сослуживцы наблюдают, как он пришивает вторую золотую ленточку на погон мундира.

— Что, Павел, на повышение пошел?..

Старшина зачитал перед строем приказ: сфотографировать гвардии младшего сержанта Павла Бузылева при развернутом знамени полка.

Этот снимок командир полка отослал в подарок Дарье Ивановне — матери славного гвардейца.

Фото Е. Умнова.



Л. З. МЕХЛИС

После продолжительной и тяжелой болезни 13 февраля 1953 года скончался видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, член Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Лев Захарович Мехлис.

Л. З. Мехлис родился в 1889 году. Всю свою сознательную жизнь он отдал делу служения советскому народу. Выполняя ответственную работу в «Правде», Л. З. Мехлис вел активную борьбу за генеральную линию партии, против врагов партии и советского народа.

Всю Отечественную войну Л. З. Мехлис проводит на фронтах в качестве члена Военных Советов армий и фронтов.

15 февраля трудящиеся Москвы провожали Л. З. Мехлиса в последний путь. На Красной площади состоялся траурный митинг. После митинга урна с прахом Л. З. Мехлиса переносится к Кремлевской стене и устанавливается в нише.

ПОЛК — РОВЕСНИК СОВЕТСКОЙ АРМИИ

— Вас интересует история полка? Порядком утекло воды с того времени, и многое забыто. Но день создания полка, первый бой, в котором мне привелось участвовать, сохранился в памяти до мельчайших подробностей,— начал свой рассказ старый большевик Федор Андреевич Лемешев.

То было тяжелое для молодой Советской республики время. Враг стоял у ворот Петрограда. Ленинский призыв — стать на защиту социалистического Отечества — глубоко взволновал рабочих Питера. На фронт уходили прямо из цехов. Наш красногвардейский отряд — рабочие Путиловского и Обуховского заводов — привел под Псков комиссар-большевик Ян Фабрициус. На станции Гдов мы встретили батальон солдат бывшего Капорского полка. Они собрались было разъезжаться по домам. Но товарищ Фабрициус убедил солдат вместе с нами идти на врага. Капорцы вышли из вагонов и присоединились к нам. Так постепенно разрастался наш отряд.

Ночью 22 февраля 1918 года мы заняли оборону под Псковом. Красногвардейцы залегли по обе стороны шоссе. Дул сильный ветер. Холод пробирал до костей. Перед нами находились вооруженные до зубов кадровые части немецкой армии. А красногвардейцы располагали лишь старой пушкой, двумя «максимами» и винтовками. Но мы были крепки духом, мы выполняли приказ Ленина и Сталина — во что бы то ни стало преградить путь врагу к Питеру!

На рассвете немцы перешли в наступление. Красногвардейцы держались стойко. К концу дня по цепи передали приказ:

— Вперед! Да здравствует власть Советов!

Геройски дрались солдаты революции, наголову разгромили они вооруженных до зубов немецких юнкеров. 23 февраля 1918 года вошло в историю как день рождения Советской Армии. Этот день был началом и славной истории полка.

Прошло 35 лет. Старый путиловец — бывший красногвардеец, потом красноармеец, ныне персональный пенсионер — Ф. А. Лемешев бережно хранит выписку из приказа, подписанного в первую годовщину Красной Армии. В тот день полку вручалось знамя ВЦИК.

И вот мы в историческом полку. В зале клуба солдаты и сержанты. На стене красочная карта боевого пути Н-ской части. Ее ветеран офицер А. Г. Юшков рассказывает о былых походах, славных традициях, о боях с наймитами англо-американских империалистов — с бандами Юденича, Деникина, Махно. Воины слушают рассказ о том, как во время Великой Отечественной войны полк участвовал в прорыве блокады Ленинграда, в боях за освобождение Прибалтики...

Шесть воинов части удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них гвардии рядовой Дмитрий Семенович Молодцов. В бою под Ленинградом он закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота и обеспечил роте продвижение вперед. Имя Молодцова носит теперь один из населенных пунктов Ленинградской области.

Велика честь — служить в таком полку! Солдат, придя сюда, с волнением рассматривает боевые реликвии своей части.

К. ЧЕРЕВКОВ,
Я. ЗАХАРОВ

В Минском Доме офицера

Даже в нынешнем, обновленном Минске, где одно строение лучше другого и не знаешь, какому из них отдать предпочтение, величественное здание, обращенное своим фасадом в сторону Центральной площади, производит особенно сильное впечатление.

Это Минский окружной Дом офицера Советской Армии имени маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова (см. цветное фото на вкладке).

Летом в небольшом, с вековыми деревьями парке всегда тенисто и прохладно. Теперь он светел и тих, и сквозь запорошенное снегом кружевное переплетение сучьев еще издали видны колонны, украшающие фасад Дома.

Проходим по многочисленным гостиным, учебным кабинетам, лекционным, концертным и другим залам, заглядываем в уголки отдыха, ресторан, тир, шахматную комнату...

Многолюдны, как всегда, учебные кабинеты и библиотеки. Офицеры приходят сюда заниматься, получить консультацию, прочитать новую книгу.

В коридор доносятся звуки вальса «Дунайские волны». Это в музыкальной гостиной группа военнослужащих собралась возле рояля и слушает игру офицера Никиты Максимовича Лукьянова.

В другой комнате идет беседа, оживленная, прерываемая то и дело возгласами и репликами. Среди военных различаем человека в штатском костюме. К воинам пришел в гости белорусский писатель лауреат Сталинской премии Иван Петрович Шамякин.

Жизнь в Доме офицера начинается с самого утра, когда сюда приходят члены семей военнослужащих. Жены, матери и сестры обучаются в кружках кройки и шитья, иностранных языков, машинописи и ряде других. Дети занимаются в средней музыкальной школе. Особенно оживленно тут вечерами, когда проходят встречи со знатными людьми, читательские конференции, спортивные соревнования.

Не случайно этот Дом стал излюбленным местом отдыха офицеров Белорусского военного округа. Здесь встречаем мы и бывалых офицеров, прошедших боевую школу нескольких войн, и молодых людей, плечи которых недавно украсились офицерскими погонами.

В. ПОНОМАРЕВ

Памятник Александру Матросову

На снимке — фигура молодого советского солдата, отлитая из бронзы по модели лауреата Сталинской премии скульптора Е. В. Вучетича на ленинградском заводе «Монументскульптура». Это памятник Герою Советского Союза Александру Матросову. Мужественное, полное ненависти к врагу лицо солдата, стремительный в наступлении шаг — знакомый советским людям образ воина, прославившего свою Родину-мать бессмертным подвигом.

Над воплощением замысла ваятеля трудились лучшие специалисты «Монументскульптуры». Художественная формовка выполнена под руководством бригадира И. Е. Степанова, работающего здесь почти с самого основания завода. В последние годы им были отлиты: памятник В. И. Ленину для Минска, скульптурный портрет товарища И. В. Сталина, установленный на родине вождя в Гори, памятник воинам Советской Армии, павшим в боях с фашистами, возвышающийся в Трептов-парке Берлина.

Сложная чеканка осуществлена опытнейшим чеканщиком Ф. И. Катковым и молодым мастером М. Н. Щербаковым.

Памятник отправлен в Великие Луки. Заместитель председателя исполкома Великолукского городского Совета депутатов трудящихся Н. В. Белов сообщает, что памятник Александру Матросову будет установлен против нового городского парка, где покоится прах славного воина Советской Армии.

71-й семестр

После зимних каникул вновь полны кабинеты, аудитории, лаборатории Тбилисского государственного университета имени И. В. Сталина.

Как обычно после каникул, повсюду заметно новое: приобрели спортивный инвентарь, отремонтировали помещение, пополнили гербарий. Студенты-геологи, побывав на отдыхе в родных местах, доставили в музей минералогии новые экземпляры горных пород.

Больше всего новостей у студентов физического факультета: закончено строительство здания лаборатории низких температур.

Много нового обнаружат студенты и в фундаментальной библиотеке — одной из крупнейших в нашей стране университетских библиотек. Она непрерывно пополняется. Сейчас в ней 1 115 тысяч книг на различных языках народов СССР и мира. В фондах библиотеки можно найти редкие и ценные книги, такие, например, как труды Аристотеля, изданные в Базеле в 1538 году.

В этом году начало нового семестра совпало со значительной для университета датой: ему исполнилось 35 лет, он вступил в свой 71-й семестр.

Университет дал стране 18 тысяч специалистов. Сейчас каждый семидесятый житель Грузии имеет высшее образование.

И. МЕСХИ

На снимке: здание Тбилисского государственного университета.

Фото М. Квирикашвили

ЛЕДОВАЯ ОПЕРАЦИЯ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

Беседа с адмиралом флота в отставке И. С. ИСАКОВЫМ

В дни всенародного праздника Советских Вооруженных Сил военные моряки отмечают славную дату в истории флота — 35-летие Ледовой операции на Балтике.

Участник Ледовой операции адмирал флота в отставке И. С. Исаков рассказал корреспонденту «Огонька»:

— 22 февраля 1918 года, когда великий Ленин провозгласил: «Социалистическое отечество в опасности!», — когда первые отряды Красной Армии грудью встречали вторгающегося врага под Нарвой и Псковом, Балтийский флот находился в исключительно тяжелом положении. Корабли — участники боев минувшей осени и лета — стояли зимой на ремонте во льдах гаваней Ревеля (ныне Таллин) и Гельсингфорса. Значительная часть матросов ушла на берег, чтобы с оружием в руках защищать молодую республику Советов. Среди офицерства, оставшегося на кораблях после Октябрьской революции, было немало скрытых контрреволюционеров и саботажников.

На этом строило свои расчеты верховное командование кайзеровской Германии, которое, готовясь к нападению на Петроград и подавлению революции в Финляндии, мечтало одновременно захватить Балтийский флот. Правительства держав Антанты, в свою очередь, рассчитывали с помощью германской интервенции задушить революцию в России. Примечательно, что после нарушения немцами перемирия в Брест-Литовске, когда огромные силы германского Восточного фронта двинулись в сторону Петрограда, Украины и Донбасса, бывшие союзники России не предприняли никаких наступательных действий на Западе. Позднее Владимир Ильич дал анализ причин этого молчаливого сговора мировой реакции: «Именно за то, что Советская Россия предложила мир всему миру, на нас в феврале были двинуты германские войска». Организаторами и заправилами интервенции были монополисты США. Еще в августе 1917 года товарищ Сталин указывал: «...американский капитал снабжает миллиардами коалицию Керенского — Милюкова — Церетели для того, чтобы, обуздав вконец русскую революцию, подорвать разрастающееся на Западе революционное движение». Опубликованная впоследствии переписка американского посла в Петрограде Д. Фрэнсиса с государственным секретарем Р. Лансингом показала, с каким вниманием следили в США за событиями на Балтике, какие надежды возлагали на захват русского флота немцами.

Ленин и Сталин, большевистская партия гениально предугадали замыслы врага. 18 февраля кайзеровские войска начали наступление, а еще 17-го Центробалт (Центральный комитет моряков Балтийского флота) получил директиву советского правительства готовить корабли к выходу из баз, которым угрожает захват интервентами.

В Ревеле, расположенном близко к фронту, на кораблях начался грандиозный аврал. Революционные матросы и верные Родине офицеры работали без сна и отдыха, собирая механизмы, устанавливая вооружение, принимая топливо и боеприпасы. Тем временем сильная группа германских войск, захватив Гапсаль, пробивалась к Ревельскому военному порту. Сухопутный отряд, организованный большевиками, задерживал продвижение врага, а корабли выводились на рейд. 25 февраля, когда на набережной появились немецкие броневики, а в воздухе — самолеты «Таубе», последний корабль, «Адмирал Макаров», отошел от стенки. После нескольких дней форсирования тяжелых льдов 56 боевых кораблей и транспортов во главе с ледоколом «Ермак» пришли в Гельсингфорс и соединились там с основными силами флота.

В числе условий мирного договора между Германией и Советской Россией, подписанного 3 марта, было и такое: «Свои военные суда Россия либо переведет в русские порты и оставит там до заключения всеобщего мира, либо немедленно разоружит». Когда «Ермак», проведя первый отряд кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт, возвращался обратно, его обстреляли белогвардейцы, установившие батарею на острове Лавенсаари.

3 апреля немцы высадили десант в финском порту Ганге, где зимовали наши подводные лодки. Но моряки-балтийцы, своевременно заметив приближение германской эскадры, успели взорвать корабли и отошли в Гельсингфорс по суше. Там еще оставалось к тому времени около двухсот наших кораблей.

В апреле в Финском заливе начались подвижки льда, стали образовываться торосы. Наступила самая трудная пора, когда обычно прекращается всякое плавание даже с помощью ледоколов. Казалось, флот в западне.

Но революционные балтийцы, неуклонно выполняя директивы Ленина и Сталина, готовили к выходу следующие отряды кораблей. 5 апреля открытой частью залива двинулся второй отряд под проводкой небольших ледоколов «Силач» и «Город Ревель». Линкор «Андрей Первозванный», шедший в составе этого отряда, сам был вынужден работать как ледокол. Подводные лодки шли на буксирах. 8 апреля отряд встретился с «Ермаком» и 10-го прибыл в Кронштадт.

Более трудным и долгим путем внутри финских шхер, где лед был еще неподвижен, прошел третий отряд в составе шести эшелонов — 172 кораблей. Затем в Кронштадт из Котки прибыл четвертый отряд. Все 211 кораблей, ушедшие из портов Финляндии, были приведены революционными балтийцами в Кронштадт и Петроград. Ни один боевой корабль не погиб, не был захвачен противником.

Мне, служившему в ту пору на эсминце «Изяслав» и исполнявшему обязанности старшего офицера, довелось уходить из Гельсингфорса 10 апреля, когда на городских окраинах шли ожесточенные бои между финской Красной гвардией и белогвардейцами Маннергейма, а на горизонте виднелись дымы германской эскадры. Никогда не забуду чувств, которые переполняли тогда наши сердца. Мы были бесконечно горды тем, что сумели выполнить задание Ленина и Сталина, сумели сохранить флот, необходимый для обороны социалистического Отечества.

Ледовая операция революционных балтийцев имела огромное значение для всего последующего развития Советского Военно-Морского Флота. По гениальному замыслу Ленина и Сталина, по воле партии, помимо морских сил, оставленных на защиту красного Питера от интервентов и банд Юденича, был образован стратегический резерв для других морских формирований.

Обогащенный опытом Великой Отечественной войны, вооруженный первоклассной боевой техникой, Советский Военно-Морской Флот зорко охраняет морские и океанские рубежи нашей Родины.

Группа кораблей Балтийского флота во льдах Финского залива зимой 1918 года.

Валя и Нина Колосковы. Этот снимок был напечатан в солдатской газете в 1943 году.

Призыв Вали Колосковой

1943 год. Советские войска освобождают родные города и села. Одна из воинских частей двигалась через деревню Бели, Тумановского района, Смоленской области. Из подвала вышли две девочки, веря и не веря своему счастью. Это были Валя и Нина Колосковы. О своей судьбе старшая из сестер, Валя, рассказала на страницах солдатской газеты, где был помещен и снимок девочек.

Вот этот рассказ:

«У нас нет мамы. Она была у нас, а потом ее угнали немцы. Они угоняли всех наших деревенских. Ходили по избам и кричали:

— Матка, ком!

Когда мама уходила, бабушка говорила ей:

— Возьми, дочка, узел, пропадешь в дороге.

Она не взяла и уехала в одном платье.

Она сказала:

— Я все равно убегу, не надо мне ничего.

А сама не убежала. Ее немец не пустил. Мы стояли у машины и плакали. Особенно Нина: она ведь совсем маленькая.

Мама говорит нам: «Не плачьте, детки, не надо». А сама тоже плакала.

Родненькие бойцы! Верните нам нашу маму. Ведь нам тяжело без нее, подумайте сами. Низко кланяемся вам и просим.

Прошу я, Валя, за себя и за Нину».

И вот прошло 10 лет. Бойцы одной части, которая спасла из фашистского плена детей, установили связь с Валей Колосковой. Она прислала письмо:

«Здравствуйте, дорогие бойцы! К вам обращаются Валя Колоскова с сестрой Ниной, которых ваши старшие братья освободили в 1943 году от фашистского плена. Мы испытали весь ужас войны. Фашисты угнали нашу маму. Много слез было пролито нами в то время.

Но вот наша родная Советская Армия прогнала прочь фашистов с дорогой земли. Вы, дорогие воины, вернули нам самое дорогое — маму. Она с нами. За десять прошедших лет я повзрослела, многое узнала в школе. Я закончила семилетку и в этом году поступаю в техникум.

Дорогие воины Советской Армии! Я, Валя Колоскова, вместе со своей младшей сестрой Ниной призываю вас и прошу: не допускайте впредь врагов на нашу родную советскую землю».

Советские воины слышат призыв Вали Колосковой! Зорко стоим мы на страже Родины, на страже мирного труда и светлой жизни!

Гвардии капитан Н. ЖИТКОВ

Валя (слева) и Нина Колосковы прислали свои фотографии, сделанные в 1953 году.

В гостях у пионеров

В мужской средней школе № 706 Ленинградского района Москвы ведется своя летопись. Правда, это не совсем еще летопись: школа создана лишь полгода назад. Но за это короткое время в ее жизни произошло уже столько значительных событий! Создана пионерская дружина, школьники встречались со знатными людьми, устраивались литературные диспуты...

Совсем недавно — 11 февраля — в школьной летописи появилась новая знаменательная запись. Собственно, все началось с того, что заболел Саша Краминов из 5-го «Б». В больнице он познакомился с соседом по палате, смуглым пожилым человеком, не говорящим по-русски. Это был лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» доктор Сайфуддин Китчлу. Видный общественный деятель Индии и московский пионер подружились. Когда Саша выписался из больницы, он рассказал о своем знакомстве одноклассникам, и те сразу же решили навестить больного Китчлу. В воскресенье пять представителей 5-го класса «Б» приехали в больницу. Они провели там около двух часов. Доктор Китчлу подарил мальчикам свою фотографию с автографом, значки и для любителей несколько индийских монет. Школьники от имени класса преподнесли своему новому другу шелковый пионерский галстук. В следующее воскресенье визит повторился.

— Как только выздоровеете, обязательно приходите в гости к нам, в 706-ю школу! — говорили ребята, прощаясь.

Китчлу приехал в школу утром. Пока шел урок, он с большим интересом осматривал школу, заглянул в биологический, физический и химический кабинеты. В кинозале, где шел урок географии, посмотрел часть картины «Советская Молдавия», которую показывали школьникам.

На перемене почти вся школа собралась в актовом зале. После приветствий началась живая, непринужденная беседа.

— Как живут дети Индии? Сколько в вашей стране школ? Есть ли в Индии пионеры? — сыпались вопросы.

— У нас, к сожалению, нет пионеров,— ответил Китчлу.— Наверное, я первый.— Помолчав, видный индийский деятель добавляет: — Так как среди вас я самый молодой пионер, то мне хочется дать вам торжественное обещание. Вернувшись на родину, я расскажу о вашей замечательной пионерской организации, пользу и силу которой я так хорошо понял здесь.

Бурная овация была ответом на эти слова.

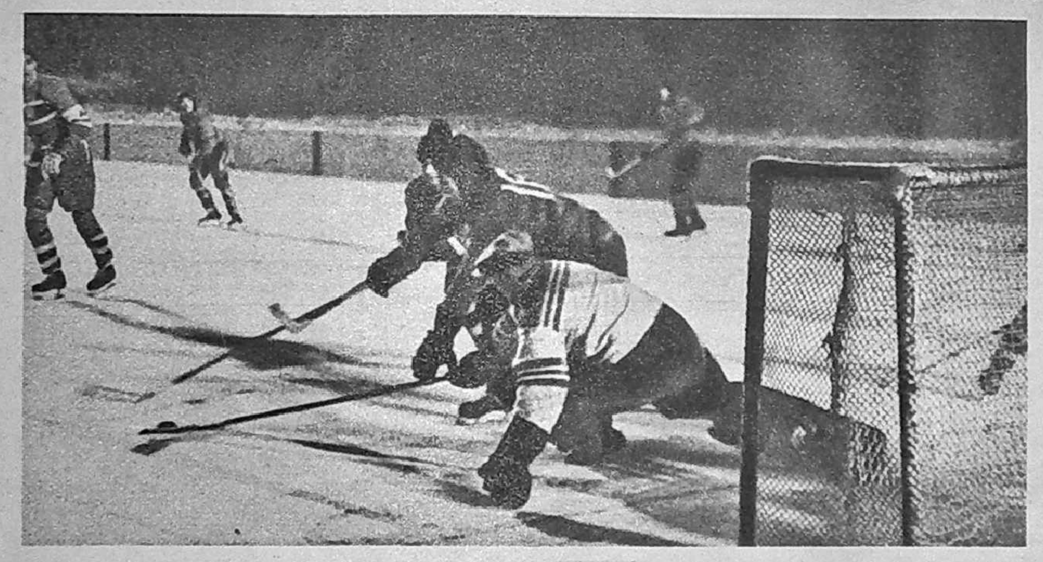
Перед отъездом Сайфуддина Китчлу ребята преподнесли ему книгу «Повесть о настоящем человеке». На титуле четким почерком было выведено:

«Быть настоящим человеком, отдать все силы на благо нашей любимой Родины — вот мечта каждого из нас. Дарим эту книгу о любимом герое наших дней доктору Китчлу, борцу за мир».

Г. БОРОВИК

Две победы

Встречи советских и чехословацких хоккеистов



Острый момент у ворот чехословацкой команды.

Фото А. Бочинина

Москву посетила сборная хоккейная команда Чехословакии. Это не первый ее визит в нашу столицу. Два года назад чехословацкие спортсмены встречались с советскими хоккеистами. Тогда победителями оказались москвичи. В нынешнем году команда Чехословакии трижды одержала победу над чемпионами Европы — шведскими хоккеистами — и тем зарекомендовала себя с самой лучшей стороны.

Естественно, что интерес к ее выступлению в Москве был велик. Несколько десятков тысяч зрителей, собравшихся на стадионе «Динамо», не были обмануты в своих ожиданиях. Гости действительно показали красивый, высоко техничный хоккей.

Сборной команде Москвы пришлось много потрудиться, чтобы сломить энергичное сопротивление и добиться превосходства. Во всяком случае, первый период первого состязания прошел в обоюдоострых атаках и закончился ничейным итогом — 1 : 1.

Однако в дальнейшем чувствовалось явное территориальное преимущество москвичей, которое вскоре выразилось в убедительном числе заброшенных шайб. Видно было, что темп, предложенный советскими хоккеистами, оказался не под силу гостям. Они не всегда успевали реагировать на четкие, красивые комбинации москвичей. В итоге Шувалов, Черепанов, Бычков, Комаров и Бабич забросили еще семь шайб, пропустив в свои ворота лишь одну. Так, со счетом 8 : 2 в пользу сборной команды Москвы, закончилась первая встреча.

В минувшее воскресенье состоялось второе состязание чехословацких и московских спортсменов. На сей раз гости избрали тактику обороны. Они дружно и умело защищались, искусно рвали нити атак, а иногда переходили в контратаку. Уверенно играл Карел Гут, сумевший очень хорошо организовать защиту своих ворот. Во всяком случае, ни в первом, ни во втором периодах москвичам не удалось открыть счет. Несколько сильных бросков было парировано чешским вратарем Загорским.

Лишь в третьем периоде москвичам, сначала Комарову, а затем Жибуртовичу, удалось забросить по шайбе и принести победу своему коллективу. Со счетом 2 : 0 в пользу сборной команды Москвы закончилось второе состязание.

Победители показали хорошую, согласованную игру, превосходили своих соперников в быстром передвижении с шайбой, проявили много настойчивости и, казалось, неисчерпаемую энергию.

Самоотверженно играли защитники Виноградов и Жибуртович. Красивые комбинации и хорошие технические приемы показали нападающие, среди которых хочется отметить Черепанова и совсем молодого Хлыстова.

Первоклассными хоккеистами зарекомендовали себя гости Вл. Бубник, Бартонь, Данда, Гут. Москвичи не раз награждали их шумными аплодисментами.

М. МАРТЫНОВ

Кохтла-ярвинский газ в Таллине

В жизни таллинцев произошло важное событие: вступил в действие газопровод Кохтла-Ярве — Таллин — крупная стройка пятой сталинской пятилетки.

...Ярким голубым снопом взлетает в небо пламя газового факела — так, по традиции, газофикаторы завершают свой труд.

Таллин получил газ. Работники газовой магистрали прошли почти 150 километров через болота, реки, овраги, каменистые гряды Северной Эстонии. Ни трудный грунт, ни дождь и снег не могли остановить строителей — они выполняли директиву пятого пятилетнего плана: «...закончить строительство и ввести в действие газопровод Кохтла-Ярве — Таллин».

Строители вынули более четырехсот тысяч кубометров грунта, откачали из траншей полтора миллиона кубометров воды. Свыше семи тысяч тонн металла было затрачено на сооружение магистрали.

На трассе работали сотни машин и механизмов. Трубоукладчики, полученные с ленинградского завода, в три с половиной раза ускорили темпы стройки. Ковровские экскаваторы заменили на трассе газопровода землекопов.

Ядро строителей трассы — опытные рабочие, трудившиеся на больших стройках послевоенной пятилетки. Лучший электросварщик трассы Павел Щербаков варил трубы в Баку и Астрахани, в Гурьеве и Красноводске. Электросварщик Алексей Сдвижков работал на большой стройке, описанной Ажаевым в романе «Далеко от Москвы». Анатолий Перешивкин, начальник стокилометрового участка, в годы Великой Отечественной войны был офицером инженерных войск. Он разминировал поля в районе Курска, форсировал Буг, участвовал в штурме Данцига и в освобождении Варшавы.

У этих мастеров учились эстонские рабочие: Вальтер Уускюла, Альберт Силлд, Антс Раенд, Фердинанд Прааман, Эдуард Кару и другие.

В Таллине предстоит газификация пятидесяти четырех тысяч квартир. Город ежегодно будет получать тридцать шесть миллионов кубических метров газа.

Газопровод сдан в эксплуатацию на полгода раньше установленного срока. В тысячах таллинских квартир уже вспыхнули газовые горелки. Жители города горячо приветствуют строителей магистрали.

Н. ХРАБРОВА

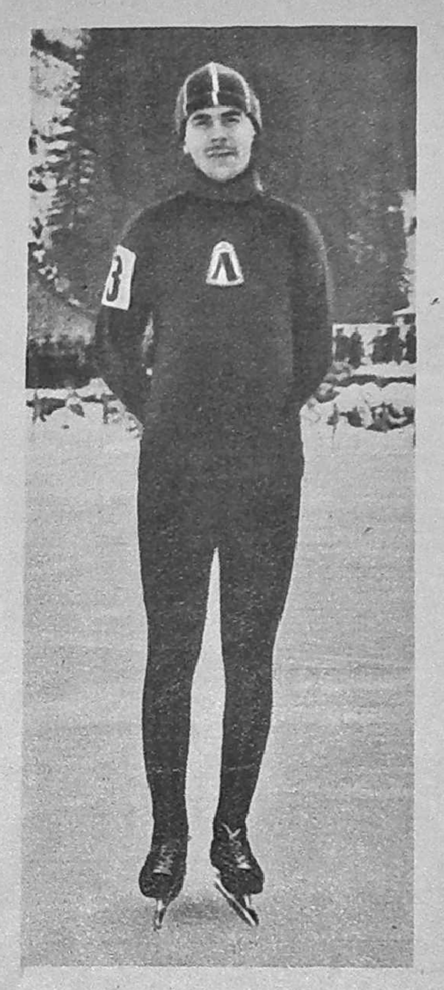
ОТ РЕДАКЦИИ

В газете «Правда» 13 февраля напечатана статья Михаила Бубеннова «О романе В. Гроссмана «За правое дело», в журнале «Коммунист» № 3 — статья А. Лекторского «Роман, искажающий образы советских людей». В этих статьях справедливо критикуется опубликованная в № 47 нашего журнала за прошлый год статья С. Львова «Рождение эпопеи», захваливающая роман «За правое дело», проходящая мимо идейных и художественных пороков его. Редакционная коллегия «Огонька» разделяет критику романа В. Гроссмана и считает опубликование в «Огоньке» апологетической статьи С. Львова ошибочным.

Олег Гончаренко—чемпион мира

От специального корреспондента «Огонька»

Чемпион мира по скоростному бегу на коньках заслуженный мастер спорта Олег Гончаренко (Москва, «Динамо»).



Заслуженный мастер спорта Борис Шилков (Ленинград, «Дзержинец»), занявший второе место.

Летом прошлого года взоры любителей спорта были прикованы к столице Финляндии Хельсинки. Здесь, как известно, проводились XV олимпийские игры. В эти морозные февральские дни снова в центре внимания олимпийский стадион в Хельсинки, на ледяной дорожке которого мерялись силами 27 сильнейших скороходов девяти стран.

Шестьдесят лет тому назад впервые состоялись официальные соревнования на первенство мира по конькам. Для того, чтобы завоевать это звание, нужно было обязательно выиграть три дистанции из четырех. В 1910 и 1911 годах чемпионом мира был выдающийся русский конькобежец Николай Струнников. Он одержал немало блистательных побед. Зарубежная печать называла его «славянским чудом»...

Теперь финские газеты называют «новым чудом», «феноменальным спортсменом» молодого советского скорохода Олега Гончаренко, увенчанного 15 февраля лавровым венком чемпиона мира. Однако расскажу все по порядку.

Не будет преувеличением, если я скажу, что участие советских конькобежцев придало состязаниям совершенно особый интерес. Недаром в Хельсинки приехали гости из Швеции, Голландии, Норвегии.

Лед на олимпийском стадионе приготовили лишь за два дня до начала соревнований. Причем залили только беговую дорожку и узкую, просто тесную, разминочную дорожку. Нужно отдать должное заливщику А. Хейнонену: он сумел подготовить отличный лед. Хейнонен без конца спрашивал нас, довольны ли мы льдом,— и был очень польщен, услышав похвалу Олега Гончаренко. Во второй день соревнований — 15 февраля — Хейнонену исполнилось 55 лет. Советская спортивная делегация преподнесла ему подарок.

Мы провели несколько тренировок. Вместе с нами тренировались финские, английские, австрийские, шведские скороходы. Норвежцы и голландцы приехали позже.

Вплоть до пятницы, 13 февраля, погода была плохая: дул сильный, порывистый ветер, шел снег. Но в день открытия чемпионата все изменилось к лучшему. Ветер утих. Термометры показывали всего лишь 5 градусов ниже нуля.

Перед стартом все участники провели разминку. Любопытно, что раньше зарубежные конькобежцы обычно выходили на дорожку и почти без всякой подготовки начинали бег. Теперь мы наблюдали иную картину: голландцы, норвежцы, шведы, так же как и наши скороходы, провели основательную подготовку, прежде чем вышли на старт.

Открыли состязания знакомый москвичам швед Сигге Эрикссон и голландец Ван-дер-Воорт. Пятьсот метров Ван-дер-Воорт пробежал за 44,4 секунды, Эрикссон проиграл ему 1,1 секунды. Валентин Чайкин улучшает результат голландца на 0,4 секунды. В четвертой паре девятнадцатилетний финский спортсмен Тойво Салонен сумел пробежать самую короткую дистанцию за самый короткий срок — 43,1 секунды. Это время осталось лучшим. Абсолютный чемпион Советского Союза Борис Шилков занял второе место с результатом 43,5 секунды. Олег Гончаренко показал 44,1 секунды.

После отдыха начались забеги на 5 тысяч метров. Ван-дер-Воорт добился хорошего результата — 8 минут 27 секунд. Теперь сомнений нет: из зарубежных скороходов он в лучшей спортивной форме.

Четвертая пара. Стартуют Гончаренко и Иожеф Мерени (Венгрия). Первые круги Гончаренко проходит сравнительно медленно. Но с четвертого круга, усиливая темп, Гончаренко развивает большую скорость. Зрители криками подбадривают молодого советского мастера. Время Гончаренко — 8 минут 26 секунд.

Шилков трижды в этом сезоне показывал отличный результат на 5 тысяч метров. Как же пройдет он сейчас? Шилков начал бег слишком бурно. Круги он проходил за 36—37 секунд. Но, не сумев удержать темп, довольствовался... восьмым местом.

После первого дня соревнований впереди были Гончаренко, Шилков, Ван-дер-Воорт.

Вечером в гостинице «Палас» собрался тренерский совет. Подвели итоги. Непрерывно звонит телефон. Нас вызывает Москва. Нам шлют приветы, сердечные пожелания.

Воскресный день 15 февраля выдался на славу. Легкий мороз. Светит яркое солнце. Дышится легко. Одним словом, погода, словно по заказу. По жребию, сначала идет Шилков, он славится своим умением бежать полуторакилометровую дистанцию. И здесь, на олимпийском стадионе, он лишний раз подтвердил свой высокий класс. Приятно было видеть, как красиво, быстро мчался Шилков по зеркальной дорожке. Результат — 2 минуты 18,1 секунды.

Волнение зрителей достигло предела, когда приняли старт Гончаренко и Ван-дер-Воорт (Голландия). Тысяча пятьсот метров — коронная дистанция голландца. За все время своих выступлений он только два раза терпел поражение в беге на 1 500 метров. Теперь ему вновь пришлось пережить горечь поражения. В острой борьбе победил Гончаренко (2 минуты 19 секунд). Ван-дер-Воорт проиграл ему 0,1 секунды. После трех дистанций впереди был Шилков, затем Гончаренко и Ван-дер-Воорт.

Теперь все решится на последней, десятикилометровой дистанции. Бегут голландец Брокман и норвежец Хаугли. Брокман проходит круги за 41—42 секунды. Не удивительно, что он показал отличное время — 17 минут 29,9 секунды. Снова встречаются вместе Гончаренко и Ван-дер-Воорт. Голландец повел бег. Три — четыре круга он шел впереди. На трибунах волнение. Зрители шумят. По разминочной дорожке вслед за Гончаренко бежит его тренер Константин Кудрявцев. Он специальным аппаратом снимает весь бег своего ученика. (После, просматривая ленту, легче установить допущенные ошибки.) На восьмом кругу Гончаренко резко усиливает темп. Ван-дер-Воорт не мог оказать серьезного сопротивления. Он отстал чуть ли не на круг. Результат Гончаренко — 17 минут 22,2 секунды, Ван-дер-Воорта — 18 минут 1,7 секунды.

По радио объявляют: Олег Гончаренко набрал 193,143 очка, занял первое место и завоевал звание чемпиона мира; Шилков остался на втором месте, Ван-дер-Воорт на третьем.

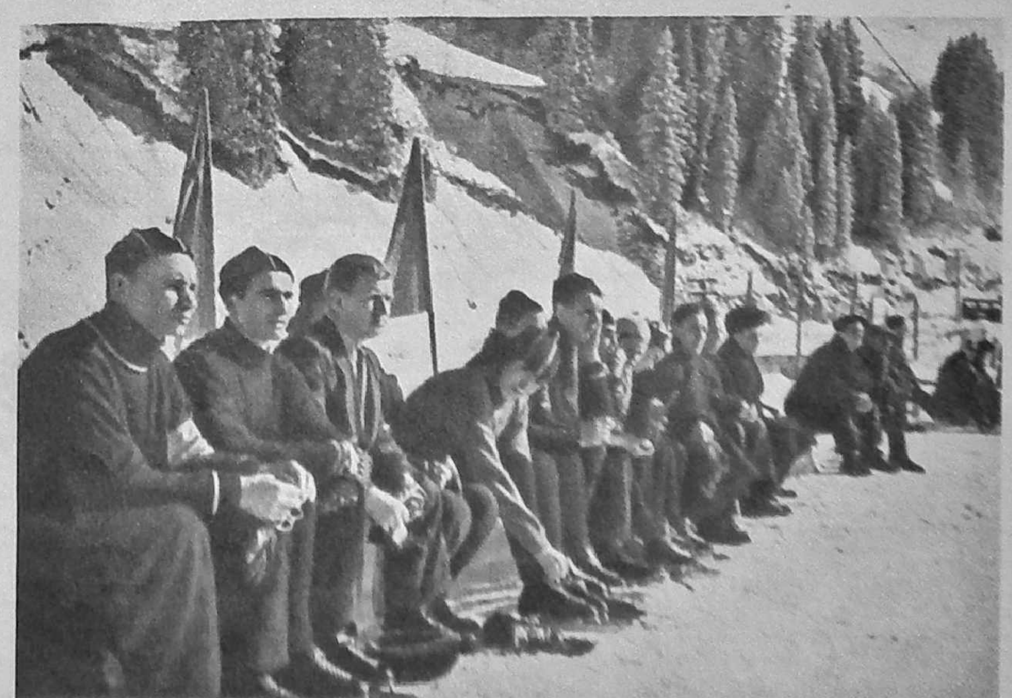
Олегу Гончаренко 21 год. Родился он в Харькове. Спортом начал заниматься с восьми лет. В прошлом году он окончил пожарно-техническое училище и получил назначение на работу в Москву.

Наступает торжественная минута. На флагштоке взвивается государственный флаг СССР, исполняется Гимн Советского Союза. Нам кажется, что мелодия гимна слышна сейчас в Москве. Мы, советские спортсмены, стоим, обнажив головы, и видим, как все зрители тоже сняли шляпы и шапки. Чувство гордости наполняет наши сердца. Мы выполнили свой долг перед Родиной.

Гончаренко совершает круг почета. Ни один из многих тысяч зрителей, заполнивших стадион, не покидает своих мест. Гром аплодисментов несется вслед новому чемпиону мира.

И. АНИКАНОВ,
заслуженный мастер спорта

Хельсинки, февраль.



О. Гончаренко (второй слева) наблюдает за соревнованиями на высокогорном катке.
Фото А. Бурдукова.

ПРАВДА ПОБЕЖДАЕТ!

Б. ПОЛЕВОЙ

Дворец культуры металлистов и машиностроителей города Пильзена размещается сейчас в просторном здании, где некогда находился клуб местных промышленных тузов. Мне показали там висящую на видном месте фотографию, увеличенную до размеров плаката. Сквозь клубы зловещего дыма, заволакивающего горизонт, видна панорама огромных заводов и примыкающих к ним рабочих окраин. Серия бомб большой силы взметывает стены зданий, обрывки стальных ферм. Все кипит в дыму, горит, рушится. На переднем плане бегущие люди с искаженными от ужаса лицами. В углу этого страшного снимка стоит дата: «Пильзен. 24 апреля 1945 года». Многозначительная надпись гласит: «Не забывай!»

Отважный фотограф откуда-то сверху зафиксировал на снимке разгар так называемого коврового налета американской авиации на этот старый индустриальный центр Чехословакии — на заводы Шкода. Этот налет, погубивший тысячи мирных жителей, был совершен воздушными гангстерами за две недели до окончания войны. Ярослав Четка, токарь, раненный во время этого налета, обратил наше внимание на подпись:

— «Не забывай!» Разве это забудешь?! Я этот день и сейчас, как вчерашний, помню. Советская Армия освобождала тогда один наш город за другим. Мы в те дни все свободное время сидели у приемника, ловили Москву. Никто уже не остерегался. Открыто говорили, что не сегодня-завтра советские войска возьмут Берлин. Нацистов на заводах наших уже не было видно: попрятались, многие удрали.

И вдруг однажды слышим: гудят самолеты. Сначала испугались: не Гитлер ли решил с нами напоследок рассчитаться? Но нет, увидели на крыльях белые американские звезды — и обрадовались: союзники. И вдруг бомбы как завизжат — и... началось! Били без разбору: и по заводу и по городу. Я было к себе бросился, семью спасать. Бегу и думаю: «Что это? Зачем же они? Когда для Гитлера оружие здесь изготовлялось, не трогали, а сейчас, когда нацисты последние часы считают, такой налет!» Наивные мы тогда были, не понимали!

— Ну, а поняли все-таки?

— Тогда-то нет, где же! Недалеко бомба разорвалась, несколько домов, как плугом, срезало, ну, и мне кирпичом руку размозжило.

— А теперь?

— Ну, теперь! Теперь-то уж понимаем, кто друг и кто враг, не ошибемся,— он постучал жестким ногтем искалеченной руки по фотоснимку,— это вот нам, пильзнякам, первым уроком стало...

Советская Армия освободила Чехословакию и, освободив, благородно оставила ее пределы, предоставив народу самому решать свою судьбу. И народ решил ее, избрав путь свободы и счастья, путь мира и дружбы со своим освободителем, великим советским народом. Под руководством коммунистической партии народы Чехословакии с энтузиазмом начали закладывать основы социализма. Но дельцы Уолл-стрита, уже начинавшие тогда готовить новую мировую войну, не могли примириться с потерей «Чехословацкого плацдарма», столь выгодного им для нападения на Советский Союз и страны народной демократии. И вот через свою агентуру в буржуазных партиях они исподволь, гестаповскими методами стали подрывать страну изнутри. Они расшатывали ее экономику, стремясь вредительским планированием, диверсиями, организациями поджогов и крушений доделать то, что американская авиация не сумела и не успела сделать своими разбойничьими налетами в последние дни войны. Буржуазные газеты, издававшиеся в Чехословакии на американские и английские подачки, вели бешеную кампанию против Советского Союза. Всячески тормозя национализацию предприятий, срывая земельную реформу, пытаясь провокационно урезывать права и завоевания рабочих, министры-предатели из буржуазных партий старались подорвать доверие к правительству, возглавляемому боевым руководителем чехословацкого народа Клементом Готвальдом.

Выступление Клемента Готвальда на Староместской площади 21 февраля 1948 года.

Наконец пять лет назад, 20 февраля 1948 года, по сигналу Вашингтона министры-предатели начали путч. Он был задуман хитро. Двенадцать министров-изменников демонстративно отказались участвовать в заседании кабинета. По расчетам организаторов путча, это должно было вызвать правительственный кризис, замешательство, под шумок которых можно было бы захватить власть или вызвать вооруженные столкновения, которые дали бы повод обратиться к западным державам с призывом ввести свои войска. Как откровенно пробалтывались тогда буржуазные газеты, американские танковые части были сосредоточены у государственных границ Чехословакии.

Но заговорщики и их заокеанские хозяева не учли того, что в гущах трудовых масс страны в течение последних лет нарастало возмущение их продажной, провокационной политикой, что программа правительства Клемента Готвальда нашла самое горячее одобрение у трудящихся и что глубоко патриотическая, народная политика, последовательно отстаиваемая Коммунистической партией Чехословакии, политика мира и дружбы с Советским Союзом, давно уже стяжала ей широкое, всенародное, вполне заслуженное доверие.

В день, когда по вашингтонскому сигналу министры-предатели начали путч, миллионы трудящихся по призыву коммунистической партии грудью стали на защиту своей свободы и счастья, на защиту дружбы с великой Страной Советов.

Мне довелось быть в Праге в те исторические для Чехословакии февральские дни. Старый город, одетый в необычайно пушистый и белый снежный покров, стал свидетелем самой грандиозной демонстрации, какую он только знал за всю свою долголетнюю историю. В величайшем порядке, шеренга за шеренгой, сплоченными рядами стягивались к центру колонны рабочих. На демонстрантах не было праздничных одежд. Они вышли на улицу прямо из цехов. Гарью горнов темнели лица металлистов «Вальтеровки» и «Шкодовки». Хлопковый пух, как снег, белел в волосах текстильщиц Смихова. За строителями в перепачканных известью комбинезонах шли в бархатных куртках и смешных цилиндрах трубочисты. За мукомолами с лицами, запудренными белой пылью, шли колонны трамвайных служащих в щеголеватых униформах. Трудовая Прага шла молча. Гнев и забота отражались на лицах людей. И только когда колонны сливались на перекрестках улиц, начиналась перекличка призывов:

— Долой министров-изменников!

— Да здравствует правительство Готвальда!

— Долой американских поджигателей и их лакеев!

— Пусть вечно живет Советский Союз!

На центральных улицах колонны районов стекались в широкие потоки; потоки уплотнялись, росли. Это была Прага, взволнованная, обеспокоенная будущим своей страны. Шел народ. Самым шествием этим он присягал на верность делу демократии, мира и социализма. Когда вся эта масса влилась в огромную чашу Староместской площади, на трибуне появился премьер-министр Готвальд. Вспыхнули овации, и потом вдруг стало так тихо, что казалось, можно было слышать, как ложатся на землю крупные пушистые снежинки.

— Мы тебя слушаем, товарищ Готвальд! Говори, что нам делать! — прозвучало откуда-то из задних рядов толпы.

Устами своего руководителя коммунистическая партия призвала народ к единству и сплоченности, к немедленному созданию «акчных комитетов» — комитетов действия. Эти комитеты, в которые вошли лучшие люди страны, со следующего утра взяли под контроль всю деятельность государственного аппарата, весь транспорт, всю промышленность.

Сила этих народных органов оказалась настолько действенной, что все попытки врагов дезорганизовать жизнь республики были пресечены в корне. Реакция усиливала свои атаки. Борьба разгоралась. Но предприятия работали, как всегда. Поезда приходили и отправлялись минута в минуту. В театрах шла обычная программа. Сердце страны билось ровно. Бывшие партизаны и рабочая милиция — крепкие парни в производственной одежде, с автоматами на шее — патрулировали перекрестки, охраняя порядок. И всюду в те дни: на митингах, по радио, в газетах, в беседах и спорах — часто повторялась фраза: «Правда витези», — что означало по-русски: «Правда побеждает». В этот старый гуситский призыв время влило новое, большое содержание, волновавшее каждого.

Народ через своих представителей, через многочисленные делегации, потоком резолюций, телеграмм, писем единодушно требовал у тогдашнего президента Эдуарда Бенеша изгнать наконец министров-изменников из правительства. Оглядываясь на Запад, агент империалистов Бенеш упорствовал. Тогда народ по призыву компартии и профсоюзов решил еще раз показать свое единодушие и

свою организованную волю. 24 февраля по всей стране была объявлена часовая всеобщая забастовка...

...Мы спешили на телеграф, когда вдруг загудели десятки гудков. Шофер нашей машины взглянул на часы. Было двенадцать. Он подвел машину к тротуару и выключил мотор.

— Простите, но я тоже бастую вместе со всем народом,— с взволнованной улыбкой пояснил он.

Было странно видеть, как на улицах большого и оживленного города жизнь вдруг сразу замерла. Остановились не только фабрики, заводы,— на пять минут было остановлено все уличное движение: стояли трамваи, автобусы, фургоны, подводы, остановились в пути поезда. Люди толпились у радиоприемников, передававших музыку и объявления. Даже шоферы голландских и датских грузовиков, возившие в те дни товары транзитом через Германию прямо в Прагу, остановили свои фургоны. Они тоже выражали солидарность с бастующими.

И правда победила! 25 февраля министры-изменники были изгнаны из правительства. Организованный и вскормленный американской разведкой путч был подавлен без единого выстрела. Демократия победила реакцию, и с этого дня начался новый, самый яркий период в истории Чехословакии, прочно ставшей на путь свободы, мира и социализма...

...Всего пять лет прошло с тех памятных февральских дней. И вот сейчас, разъезжая по Чехословакии, не устаешь поражаться, как много дали народу эти пять лет, как удивительно изменился и продолжает меняться облик страны, как выросли и как быстро продолжают расти здесь люди!

Невольно вспоминается, как пять лет назад, справляя панихиду по своему провалившемуся путчу, визжа и поливая грязью народ Чехословакии, не пожелавший подставить шею под американское ярмо, заокеанская пропаганда на всех языках каркала о том, что промышленность, после того как прогнали хозяев, обречена на развал, что страна без фабрикантов и землевладельцев будет ввергнута в хаос. Империалисты не только злобствовали: руками продажных изменников, шпионов и убийц, вроде Сланского и его сообщников, диверсиями, вредительством они старались сорвать строительство новой, счастливой жизни в Чехословакии.

Какими же жалкими кажутся все эти злобные пророчества и все эти грязные и подлые дела всякому, кто сейчас наблюдает бурный, небывалый расцвет народной республики, быстрый разворот всех отраслей ее промышленности, удивительный рост культуры!

Всемирно известные заводы Шкода, которым правительство присвоило теперь имя В. И. Ленина,— одно из самых крупных и совершенных предприятий в Западной Европе. В февральские дни руководство этими гигантскими заводами буквально свалилось на плечи рядового инженера Франтишека Брабеца. Заводы била лихорадка. Еще не залечены были тягчайшие раны, нанесенные американскими бомбами. Еще сказывались последствия вредительства агентов бывших хозяев. У Брабеца не было опыта управления таким гигантским предприятием.

Но вот сейчас, пять лет спустя, мы идем с ним по громадным цехам, размерами своими напоминающим богатырские предприятия Урала. Директор, большой энтузиаст, с увлечением рассказывает о жизни завода, о борьбе коллектива за регулярное выполнение плана, о новой сложной и небывалой продукции, выпуск которой успешно освоен, о новаторских починах и достижениях передовиков. Заводы работают так, как и не снилось барону Шкода, считавшемуся одним из лучших капиталистических организаторов. Все достижения Шкода далеко позади. Больше того, шкодовские порядки на языке рабочих и инженеров уже стали синонимом отсталости, консерватизма, а к самому названию «Шкода» вернулся его первоначальный ругательный смысл.

Когда, беседуя с инженером Брабецом, один из наших спутников применил это старое название, директор сказал, не скрывая обиды:

— Очень прошу вас не употреблять здесь этого слова. Наши заводы носят имя Владимира Ильича Ленина. Запомните это, пожалуйста.

Изменилось не только название. Как и во всей стране, изменения произошли коренные: изменилась самая суть и система работы. К переименованию заводов рабочие и инженеры отнеслись с большой ответственностью. Сам собой в цехах завода родился призыв работать так, чтобы оправдать великое имя, чтобы все цехи в любой месяц полностью выполняли план. На этой основе развернулось социалистическое соревнование, которым сейчас охвачено свыше 80 процентов рабочих. Стал неуклонно расти поток рационализаторских предложений. Увеличились ряды стахановцев.

Рассказывая о своих делах, здесь с гордостью говорят, что со дня переименования не было и месяца, когда бы завод не выполнил плана. За этим ревниво следит не только дирекция, но и вся общественность. Не раз бывали случаи, когда рабочие смежных заводов в других городах недовыполняли заказы завода и ставили под угрозу его план. «Ленинцы» — так именуют гордо себя пильзенские машиностроители — отправлялись на эти заводы, шли в цехи, в бригады, сами становились там к станкам. Они передавали свой опыт. Они агитировали словом, делом и добивались успеха. «Ленинец» — это звучит здесь, как передовик-энтузиаст. Это значит принадлежать к тому новому типу рабочего класса, который вырос и растет в Чехословакии после исторических февральских дней.

— И вы не боитесь, что однажды недовыполните программу? — спросили мы директора.

— Не боюсь. Мы учимся у вас, советских людей, работать, жить, руководить производством, организовывать соревнования, любить родину. Учимся всему. У нас хорошие учителя, и путь наш ясен! — говорит Франтишек Брабец.

В кабинете у него на стене висит табличка: «Не фнукать». По-русски это означает «не хныкать». Когда кто-нибудь из начальников цехов, инженеров жалуется на трудности, он молча указывает на эту выразительную табличку.

— Неплохо придумано.

— Неплохо... Только это не я придумал. Я вычитал о такой табличке из одной хорошей вашей книги, которую я очень люблю,— смеясь, говорит инженер...

Бодро смотря вперед, не хныкая, не жалуясь на трудности, закаляясь в их преодолении, беспощадно выкорчевывая агентуру врага, уверенно и смело идет чехословацкий народ под руководством своей коммунистической партии по пути к социализму. Великий советский пример служит ему путеводной звездой. И, оглядываясь назад, на пять лет, прожитых по-новому, труженики Чехословакии могут с гордостью сказать, что сбылся наконец старый гуситский призыв. Правда — народная правда победила раз и навсегда, и сейчас счастливые люди по всей стране начинают пожинать плоды этой своей победы.

В февральские дни в Прагу собралось свыше 100 тысяч крестьян. Они требовали быстрого проведения земельной реформы.

Бывшие партизаны и рабочая милиция патрулировали улицы, охраняя порядок.

Иван Степанович Кусля у котлована, где встанет Каховская ГЭС.

Иван Кусля — кандидат в депутаты

Глеб ГОЛУБЕВ

Когда на собрании коллектива экспедиции Гидроспецстроя выдвигались кандидатуры в городской Совет города Новая Каховка, первым было названо имя бригадира монтажников Ивана Степановича Кусли. Кусля, сдвинув брови и смущенно опустив голову, слушал выступления своих товарищей по работе и гулкие их аплодисменты.

— Завидую тебе, друже,— сказал сидевший рядом старый друг бригадира электросварщик Иван Ниц.— В первый городской Совет нового города тебя выдвигаем! Большая честь...

Домой в этот вечер Иван Степанович возвращался один, поотстав от друзей. Скрипел снег под ногами. Желтые шары фонарей сияли над улицей Ленина. Каждый день проходил по ней Кусля, спеша на работу и возвращаясь вечером домой. Но как-то никогда не приходилось вот так остановиться, посмотреть, подумать. А улица хорошая, широкая, с большими каменными домами, с электрическими часами на перекрестках. Вот новая школа, тут учатся его старшие сыновья. А рядом детские ясли с просторными застекленными верандами; там в час отдыха на свежем морозном воздухе сладко посапывают малыши. Многие из них — ровесники этого города...

А городу нет еще и года. Мысль об этом показалась такой удивительной, что Иван Степанович остановился и рассмеялся. Да, совсем недавно лежала здесь степь, ветер нес колючий песок над растрескавшейся от зноя землей. А теперь здесь город с красивыми домами, школами, детскими яслями, заводами, магазинами, клубами. Город, которому скоро исполнится год. В этом городе впервые будет избираться городской Совет, и его, Куслю, сегодня выдвинули кандидатом в депутаты этого Совета...

Иван Степанович стоял на перекрестке и смотрел на светлые окна домов. Он вдруг подумал, что всю свою жизнь прожил вот в таких новых, только что отстроенных городах. Уже четверть века строит Кусля гидростанции и заводы, и, в сущности, вся жизнь его была непрерывной стройкой. Строил он крупнейшую в Европе Днепровскую ГЭС имени Ленина, и возле нее вырос большой и шумный город Запорожье. В годы войны монтировал Кусля коксовые батареи на Урале. Закончив одну стройку, он переезжал на другую. А после него оставались новые заводы и новые города. Так было в Бакале, в Губахе, в Верхне-Чусовских Городках. Так было и на Волго-Доне, где на берегу молодого моря встал новый город — Цимлянск. Там выросли такие же красивые дома, и окна загорелись такими же веселыми огоньками...

Всюду, где встают над землей новые домны, гидростанции и заводы, где стальные мосты взлетают над руслами рек, всегда встретишь монтажников. Они работают на открытом воздухе. Летом их печет солнце, зимой обжигает морозный ветер. Тяжелые стальные детали они соединяют в сложные конструкции. Стальные балки и трубы, щиты и перекрытия, весящие не одну тонну, они пригоняют друг к другу с точностью до сотых долей миллиметра. Но тем и была по душе Кусле эта работа, что требовала и больших знаний, и выносливости, и мужества. Школа крупнейших новостроек страны дала ему много. Кусля стал мастером тонкого монтажа; тонким он называется, несмотря на огромные размеры сооружений. Ему поручали самые ответственные работы: подгонку закладных частей в пазах плотин, монтаж щитов донных отверстий и турбин.

А в Каховке его спросили:

— Вы хорошо разбираетесь в насосах? Нужно смонтировать плавучую насосную станцию на барже.

Конечно, монтаж насосов на барже не бог весть какая сложная работа после монтажа шлюзовых ворот или триумфальной арки на Волго-Доне.

— Ну что же,— сказал Кусля.— На великой стройке нет маленьких дел. Согласен.

Но задача оказалась не такой уж простой. Монтировать тяжелые насосы и моторы на барже приходилось без помощи кранов: плавучий кран не мог войти в котлован шлюза, автокраном воспользоваться мешал мягкий берег, да его стрела и не достала бы до баржи. Было над чем поломать голову.

Прежде чем приступить к работе, Иван Степанович долго бродил по берегу котлована, вдоль и поперек облазил баржу, вечерами чертил хитроумные схемы, думал, прикидывал, высчитывал.

Когда Кусля наконец приступил к монтажу станции, у него уже был четкий и всесторонне продуманный план работ. Каждое движение было рассчитано. В ход пустили все вспомогательные средства: насосы перебросили на баржу по деревянной эстакаде, тяжелые трубы монтировали с понтонов и с лодок. И тут все увидели, что Кусля успел за короткое время создать крепкую, дружную бригаду, хотя большинство в ней — молодые ребята, никогда раньше не занимавшиеся монтажными работами.

Вместе с бригадой другого старого днепростроевца, Василия Бибика, бригада Кусли смонтировала насосную станцию в двадцать два дня.

— Срок теоретически немыслимый,— с гордостью говорил всем молодой прораб комсомолец Владимир Хазей.

Так Иван Кусля был принят в новый трудовой коллектив, и монтаж насосной станции явился для него своего рода вступительным экзаменом.

Теперь бригада монтировала вторую насосную станцию, уже для котлована под здание гидростанции. Сначала ее намечали построить на берегу, но для этого нужно было устраивать специальный бетонный фундамент, и Иван Степанович предложил иное решение: поставить насосы на старом кессоне. Правда, это усложняло работу бригады, снова лишая ее возможности использовать мощные краны. Но зато позволяло сберечь время, и длина трубопровода с километра сокращалась до какой-то сотни метров.

Нет, здесь не было маленьких дел!

Кусля получил комнату в новом доме на центральной улице молодого города — на улице Ленина. К нему переехала семья из Запорожья. Отпраздновали новоселье, на стенах комнаты появились коврики со смешными детскими рисунками. Ребята пошли в школу. Появились соседи, знакомые, новые друзья захаживали в гости.

...В эти дни у всех на устах в Новой Каховке одно заветное слово: «котлован»...

— Котлован? Дайте сводку об откачке воды,— требует среди ночи диспетчер строительства.

— Что новенького на котловане? — кричат девушки в перепачканных краской комбинезонах шоферу автомашины, на миг задержавшейся у шлагбаума.

И шофер, высунувшись из кабинки, весело отвечает:

— Порядок! Отметка — одиннадцать метров!

И его понимают все.

О котловане говорят в столовых за обедом, пишут в многотиражке, спорят дома по вечерам. Котлован — это центр стройки. Им интересуются все.

В котловане встанут гидростанция и бетонная водосливная плотина. Все, что сделано до сих пор в Каховке, было подготовкой к наступлению. Теперь тылы подтянуты: построен город, проложены дороги, работает мощный асфальто-бетонный завод, скоро вступят в строй еще два бетонных завода-автомата. Пущен лесопильный завод.

— Как там, на котловане?

Первая насосная плавучая станция, смонтированная бригадами Ивана Кусли и Василия Бибика, уже откачала из котлована шлюза около миллиона кубических метров воды. Теперь она покачивается на темной воде глубоко внизу, под обрывом. Обнажились откосы котлована. В разрезе они напоминают слоеное пирожное: слой торфа, потом песок, еще ниже слой ила. Эта «слоенка» доставляет строителям много хлопот.

Насосная станция могла бы осушить котлован за несколько суток, если бы не подземные воды. Они предательскими ручейками сочи-

лись из берегов котлована, били ледяными ключами с его дна, заставляли сползать вниз огромные массы сырой земли. Плывуны и подземные воды грозили заполнить котлован до краев.

Земля вокруг котлована шлюза пронизана трубами. Иглофильтры и эжекторные насосы перехватывают грунтовые воды, не дают им прорваться в котлован. Ни днем, ни ночью не прекращается эта напряженная борьба.

А тот котлован, где разместятся плотина и гидростанция, еще скрыт под слоем днепровской воды высотою с пятиэтажный дом. Земляные дамбы, намытые землесосами, надежно ограждают котлован от близкого весеннего паводка. Вдали темнеет над водой стальная шпунтовая стенка. Скоро она замкнется, и тогда начнется выкачка воды и из этого котлована.

Сейчас котлован похож на большое озеро. С реки дует холодный ветер, обжигая лица, гонит по воде белые сердитые гребешки. Над ними кружит одинокая чайка. Баржа у причала довершает эту картину, так непохожую на большое строительство. И монтажники в своих брезентовых плащах — точно рыбаки на берегу морской бухты.

Бригада монтирует последнюю пловучую станцию без суеты, слаженно и дружно. Негромким, властным голосом отдает приказания бригадир, зоркие хитроватые глаза его все время щурятся. Автокран — тут уж ему есть где развернуться — несет тяжелую трубу. Кусля указывает ей дорогу. Щуплый, низкорослый, он идет впереди, и стальная махина плывет за ним в воздухе, послушная скупым движениям его мозолистой, исцарапанной ладони. Труба легла на свое место. Кусля вытер пот с загорелого лба.

— Торопимся,— мягко улыбнувшись, сказал он мне.— Тут, как говорится, направление главного удара — на котловане. Да и, сказать честно, надоели мне эти насосы. Скорее кончить их, тогда займусь монтажом башенных кранов. Это — дело подходящее: каждый кран по двести тонн.

— А потом?

— Потом? — переспросил он.— Ну, потом опять сюда вернемся. Плотину ставить, турбины монтировать.

Он подумал, подмигнул стоявшему рядом коренастому молодому крепышу и добавил:

— А потом махнем куда-нибудь реки поворачивать. Работы хватит...

Мы идем с Куслей в город. По дороге навстречу нам мчатся машины с песком и камнем — на котлован, на котлован...

Широкое шоссе незаметно переходит в улицу Сталина. Она пересекает весь город. Здесь не увидишь ни одного барака, ни одного здания, построенного на время, кое-как, без души. Центр занимают каменные многоквартирные дома с центральным отоплением, с водопроводом и ваннами. А от центра наступают на притихшую степь деревянные домики дачного типа, с мансардами, с верандами, с площадками для садика и огорода. Город строится по единому плану, и новые улицы еще до рождения имеют свои имена.

Город стоит над Днепром в сиянии ярких огней. И, как отражение их, дрожит и переливается электрическое зарево над котлованом, вырывая из темноты башни бетонных заводов. Сверкают огни и за рекой — в Бериславе, в новых рабочих поселках и над поймой, где экскаваторы и бульдозеры уже готовят ложе для Каховского моря.

На реке тяжело, с присвистом дышат землесосы, у причалов перекликаются паровозы. Эти звуки сплетаются с шумами большого города: с музыкой, рвущейся из репродукторов, с шорохом автобусных шин по асфальту, с говором людей на широких улицах.

Город выходит к Днепру стадионом и парком, красивой колоннадой летнего театра. Правда, парк еще выделяется только оградой, над нею не успели еще подняться кудрявые кроны тополей и лип. Что же поделаешь? Улицы и дома здесь растут быстрее деревьев. Но повсюду: и в парке, и в скверах, и на улицах, прямых, как лучи, и в садиках под окнами новых домов — уже упрямо тянутся кверху тонкие прутики-стволы. Придет весна, они впервые оденутся листвой и зашумят под ветром...

Мы идем с Куслей по улице Ленина, мимо вечернего института, гостиницы, библиотеки.

В небе рядом с мерцающими звездами сияют огни на стрелах башенных кранов. Темнеет еще не достроенное здание Дворца культуры. Город — точно огромная строительная площадка: он еще в лесах. Земля вокруг взрыта, разбросана, взбудоражена. И воздух напитан запахом смолы, сосновой стружки и красок, сыростью твердеющего цемента.

— А ведь неплохой город получается,— говорит Иван Кусля, сдвигая на затылок кепку.

Его радует «открытие», сделанное им, когда он будто впервые посмотрел на город, впервые стал думать о нем, как о целом, большом «объекте» работ.

Празднично расцвечены огнями помещения агитпунктов и избирательных участков. И повсюду висят портреты монтажников, строителей, механизаторов — знатных людей, которых выдвигает новый город кандидатами в свой первый городской Совет.

Вот портрет Ивана Кусли. Рядом портрет Ивана Григорьевича Новикова. Тридцать с лишним лет назад он дрался с врангелевцами здесь за Каховку. В Каховку он прибыл с одним из первых караванов судов с грузами для стройки. Работает старшим мастером энергоуправления.

Улыбается с портрета Наташа Сачко — славная девушка, отличный штукатур. Она окончила здесь, на стройке, среднюю школу рабочей молодежи и теперь учится в вечернем Гидротехническом институте, продолжая строить свой город. Рядом с нею другой кандидат в депутаты, студент и плотник Семен Процей, участник штурма Берлина. Молодая учительница Лидия Попелышко, начальник участка инженер Шабалин, скреперист Бодаква, начальник земснаряда Алексей Денисов...

— Отцы города — так, кажется, в старину градоправителей называли,— усмехается Иван Степанович.— А мы и впрямь отцы. Отцы-строители.

Сыновья Кусли Валерий и Анатолий учатся в новой школе. Над отделкой этого здания трудилась Наташа Сачко.

Фото П. Бернштейна.

Солдатская дума

Александр МЕЖИРОВ

Сколько раз говорил со мной
Вождь любимый,
отец родной!
Ни в походе,
ни на привале
Нас ни разу не прерывали.

В сорок первом году, в июле,
На гремящей передовой
Он со мной говорил,
а пули
Что-то пели над головой.

Тяжким летом сорок второго
Под Ростовом в ненастный час
Вождь со мной говорил сурово
(Помнит армия тот приказ).

В полыхающем Сталинграде,
Где земля от огня бела,
Он со мной говорил,
а сзади
Только Волга одна была.

И в сраженья свинцовой гуще
Каждый слышал, на штурм идя,
Голос партии всемогущей,
Слово Сталина, речь вождя.

В сорок пятом году в Берлине
В оглушительной тишине,
Как отец о подросшем сыне,
Он задумался обо мне,
И светилось в отцовских думах
Жизни будущей торжество.

Под Каховкой и в Кара-Кумах
Я опять услыхал его.

Вся земля услыхала снова
Голос партии, полный сил,
Каждый слушал вождя родного
И со Сталиным говорил.

Завоевывая победу,
Приближая желанный час,
Сталин мудрую вел беседу
По-отцовски с любым из нас.

И солдаты бригад ударных
Подхватили слова его,
В наших подвигах легендарных —
Революции торжество.

Буду счастлив до дней последних
Тем, что Вождь говорил со мной,
Тем, что я его собеседник,
Тем, что он собеседник мой.

М. Б. Греков. ТРУБАЧИ ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ. 1934 год. Государственная Третьяковская галерея

М. Б. Греков. ЖЛОБИНЦЫ ПОД НОВОЧЕРКАССКОМ. 1925 год.

Государственный Музей Революции СССР.

Н. И. Осенев. ПЕРВОЕ СЛОВО СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

Б. М. Неменский. МЕДСЕСТРА МАШЕНЬКА.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года

ГАЛЯ

Рассказ

Янка БРЫЛЬ

Рисунки П. Караченцова.

Когда-то, при панах, это был хутор. С шестью десятинами доброго поля сразу за садом, с новым, обширным гумном, двумя хлевами и маленькой, по старинке сложенной хаткой. Четырехскатная соломенная, позеленевшая от мха крыша низко надвинулась на крошечные, подслеповатые оконца. Так и глядела хатка на белый свет с прищурью, совсем как ее хозяин Данька, старик Хаменок, безлобая голова которого точно вросла в зимнюю шапку, облезлую, бывшую когда-то, если верить старику, городской каракулевой папахой.

Теперь эта шапка все еще валяется где-то на чердаке, а сам Данька Хаменок лежит на пригорке под сосенками и муравой. От хутора уцелели только сад, скрипучий журавель над колодезным срубом и та самая хатка.

В хате из всей хаменковой семьи осталась невестка Галя с детьми: хлопцем и девочкой.

Тихий августовский вечер. Солнце уже зашло. Галин хлопец, подросток Антось, ушел в поле к молотилке. На верхушке старой липы за огородом погасла рдевшая листва, скворцы вспорхнули и перенесли свой базар в деревню. Под навесом за сенцами, отдав вечерний удой, улеглась на свежей подстилке корова. В хате за столом сидит черноволосая Сонечка, большими глотками запивая хлеб парным молоком. Тонкие загорелые ее ножки, как всегда у пастушков, исцарапаны ржищем. Сонечка помыла их у колодца холодной водой, и ноги саднит до самых коленок. Она то потирает их одну о другую, то просто болтает ими под высокой лавкой. Сонечке хочется поговорить.

— Мамка,— говорит она,— а сегодня Леня Степанов надо мной смеялся. Ты, говорит, пани. Ты, говорит, хуторянка. А почему? Почему он смеется?

Галя стоит, опершись о шкафчик с посудой, даже чуть присев на него. Над головой у Гали на стене старые часы. На запыленном их циферблате не нашими буквами написано какое-то слово. За многие годы, что висят здесь часы, никто даже не полюбопытствовал, что оно означает. Вообще в часах разбирались только мужчины и Галя. Свекровь прожила свои семьдесят лет, ни разу не подумавши даже о том, какое сегодня число... Длинная стрелка часов сломалась еще во время войны, короткая застыла на месте уже недели, должно быть, три.

Жнитво. Галины руки, загорелые до локтей, гудят от усталости. Галя все еще как будто не дома. Перед глазами бесконечной цепью, одно за другим движутся свясла, свернутые ловкими пальцами, один за другим ложатся на пожню тяжелые снопы. В ушах все еще звучат стрекотание жнейки, отдельные слова, обрывки песен, смех, шум колосьев и шорох соломы...

— Мамка, почему?

Галя старается вспомнить дочкины слова.

— Почему? — переспрашивает она, еще не зная, что ответить.

И Сонечка отвечает на вопрос сама.

— Мы, говорит, в деревне живем, — повторяет она с полным ртом, — а вы на хуторе. И дед твой был пан, и отец — пан, и ты тоже паненка.

— А ты скажи ему, что он еще глупый, — отвечает Галя каким-то расслабленным, глухим от усталости голосом.

Она хотела еще что-то сказать, но вдруг умолкла. Слух ее снова уловил все тот же, на миг утерянный гул. Снова в хате, под старыми часами, осталась она не вся, словно не вся еще вернулась с поля.

— Ты ешь, дочушка, — сказала она. — Ешь и ложись. Пора.

— А ты куда-нибудь уйдешь?

— Я скоро вернусь.

Галя стоит за вишняком, опершись руками и грудью о серую слегу старой изгороди. Галя глядит в поле. Ноги в холодной росе, глаза где-то далеко, далеко... В пшенице, что морем разлилась от самого вишняка, стрекочут кузнечики. Поодаль направо стоит в пучках лен; тоже много, много льна. Еще теплый, не остыл от солнца, пахнет, вкусно пахнет, как поджаренное масло. А над пшеницей, над льном, над обильной, спокойной землей высоко в небе полная, всем довольная луна.

Но все это между прочим, все это для того, чтобы мог далеко над полем разноситься гул. Где-то там — он, сидит за рулем, единственный в мире, которому от боли в сердце, от тяжкой печали хочется крикнуть:

— Се-ре-жа-а! Се-реж-ка-а!..

Он давно уже Сергей, а не Сережка, он давно уже, верно, забыл, стер из памяти все, что когда-то было. Он теперь Сережка для другой. А ты кричи, ты вспоминай, раздирай свое сердце, глупая, хоть до крови...

А ведь было это, было, что он

стал для нее Сережкой. Ох, как давно это было! Да нет, недавно, будто только вчера.

Галя еще только в девки выходила, когда в их деревню, Гаросицу, пришли из Костюков портные-овчинники, два здоровенных хмурых брата. Оба в больших овчинных кожухах, как бы в доказательство того, что не всегда сапожник ходит без сапог; оба в огромных шапках, точно из целой овечки, в лаптях, и оба усатые.

— Девки, глядите: Торбы идут! — заметила их из окна одна из прявших куделю девчат.

Овчинников и вправду так звали — Торба. Цимох Торба и Тихон Торба. Мало знакомые и не различали, который Тихон, который Цимох.

— И какой-то хлопец с ними, девки, ой! Ей богу, хорошенький! С гармоникой!

И в самом деле, с овчинниками шел парнишка... Ну просто мальчик! В коротком кожушке, в сапогах, с гармонией за спиной. Одна из девчат постучала головкой веретена в окно, он, должно быть, услышал, обернулся. Помахал рукой и остановился, засмеялся: «Добрый день!» Может, даже и зашел бы, да один из Торбов, который шел с деревянным метром в руках, тоже оглянулся, сказал что-то, и хлопец пошел дальше. Странным показалось девчатам да и всем в Гаросице, что у одного из этих Торбов вдруг может быть такой сын. Такой беленький, складный, совсем непохожий на этих двух усатых здоровяков.

Он оказался их племянником, сиротой из дальней деревни. Звали его Сергей, а фамилия тоже чудна́я, как и у дядек, но хорошая — Юрочка. Очень она подходила Сергею. Так его и называли: кто — Сережа, кто — Юрочка.

Ну и ловкий был, веселый Юрочка, хороший! Дядьки его огромные, а все же умещались и в самой маленькой хате. Снимут шапки свои, кожухи, одни усы при них останутся, присядут у стола — только сопят над овчинами. Так и живут на свете — молчком. А Юрочке в любой хате было тесно. Понятно, не одному — с гармоникой. Иной раз и до вечера не дотерпит: воткнет иголку в рубаху на груди, обернет вокруг нее нитку, оглянется на дядек — и за свой инструмент. Все у него, как полагается. Гармоника не как-нибудь там, а в теткину косынку завернута. Развернет косынку — гармоника прямо блестит, а растянет ее — больше станет любая хата!

Один — два танца проиграет — дядьки молчат. Потом старший Торба, Цимох, тот, что с метром ходит, пробасит:

— Может, хватит, Сергей? Может, люди не любят?

В ответ на это Юрочка круто, с разгону переходил с вальса на «Микиту».

Все находившиеся в хате, казалось, сразу молодели. Девчата, ну, те, известно, тут же готовы были сорваться со скамеек в «метелицу», подымая ветер широкими юбками. Сам хозяин, если он не слишком еще стар, начинал незаметно притопывать носками сапог или лаптей. Даже бабка, которая еще барщину помнит, и та свешивала голову с печи... А Юрочка потряхивал чубом и под музыку напевал:

А Микита жито веет,
Микитиха муку сеет.
Микита́, Микита́,
Клином шубонька
сшита!..

Хорошо, звонко пел гармонист!

Только дядьки слушали молча. Даже шить не бросали. Да тоже не скажешь, что им не нравится, тем более, когда знаешь, что и гармонику Сергею купили они.

Веселый месяц был тогда в Гаросице. Танцы каждый вечер! Жаль, что не хватило овчин на всю зиму...

Ой, мамочки! Для всех веселый, а уж для Гали... и не говори!

Все это в прошлом.

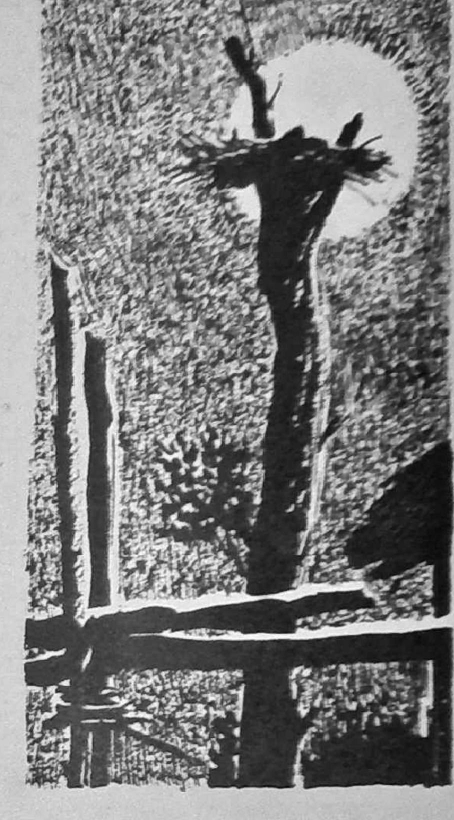
Сейчас над полем тихая полная луна. Галины ноги в холодной росе. Плечи стынут под тонким платьем... А трактор гудит и гудит... Не уйдешь от того, что было, не забудешь, что это Сережа, ее Сережа. Боже мой, как горько, как больно от этой мысли! А ведь было это: они так жарко, так горячо целовались. Да недолго, всего одну неделю, а в неделе ведь только семь ночей...

Сначала полюбила Галя, сама боясь признаться себе в этом, стыдясь лишний раз взглянуть на него, чтоб не подумали чего, не узнали. Она была моложе всех в их девичьей компании. Сирота из самой бедной в Гаросице хаты — Марыли Батрачихи. Так их спокон веков и называли. Отца у Гали не было. Никогда не было, хотя и жил он где-то, а может, и сейчас живет, даже не думая о том, что есть у него дочка. Мальчишки на выгоне обзывали ее иной раз грубым, безжалостным словом — «байстрючка». Но со временем слово это отвалилось от нее, как шелуха. Красивой, складной росла Галочка. У бедной сироты только и было — хорошо это в песне поется! — что черные брови. Зато брови шнурочками, большие карие очи, маленькие ловкие руки и легкие ножки. Красная косынка с вышитыми спереди пшеничными колосьями, как-то по-своему, на особый лад повязанная на черных густых волосах, была в этой скромной красоте чем-то очень существенным, необыкновенно удачно найденным, от чего с ума сходили чуть не все гаросицкие хлопцы. А пойдет Галочка плясать — глаз не отведешь!

Сначала и Юрочка только глаз не сводил. Глядел и почти без отдыха нажаривал на своей гармонике. Понятно, плясать под хорошую музыку каждому охота, а подменить Сережу долго некому было. Но вот однажды в воскресенье пришел из соседней деревни Степка Черногребень, парень, который здорово умел играть на трехрядке. В то время у Степки своего инструмента не было, и потому, когда Юрочка поставил ему на колени свою новую гармонику, оба они улыбнулись. Один с вежливой просьбой: «Не резанешь ли, браток, полечку?»,— другой от радости: «Давай, брат, попробую...»

И Степка резанул. Не так, правда, как Сергей, но все-таки полечка «Галка» пошла здорово.

Юрочка мотнул головой, отряхнулся, как выпущенный из ладони воробей, поправил поясок на вышитой рубахе и направился в угол, где сидели девчата. И хата, полная людей, насторожилась. «Меня возьмет, меня»,— засветились глаза, забились сердца девчат. А он подошел к Гале. Просто и ловко, как все, что он делал, Сережа поклонился. И с такой улыбкой, что все в ней было разом — и просьба и радость: «Наконец-то мы пойдем!»



И вот они вошли в круг, взялись за руки.

Мужчины привстали на лавках, женщины нажимали из угла на стоявших в середине, молодежь точно замерла в ожидании чего-то, что не каждый день можно увидеть.

Подождав такта, румяный Юрочка притопнул и завертелся. Его сапожки то чуть касались досок пола, то вдруг гулко и отчетливо — на поворотах влево или вправо — отбивали, точно выговаривали, чечетку. Возле его светловолосой головы так и мелькало румяное личико под красной косынкой. А все-таки можно было приметить, разглядеть и золотые колоски на красном фоне, и черные брови, и губы, не умевшие сдержать улыбки стыда и счастья... Все это видели, а Юрочка — лучше всех.

— Круг, круг давайте! — кричали парни, хотя никто из них пока и не думал сам идти в пляс.

А круг все сужался, не сдержать его было и десятками плеч.

Дядька Роман Кругляк, старый уже, седой человек, с валенками взобрался на лавку и оттуда, подняв кверху палец, вот-вот готов был выкрикнуть: «Эх!»

Как бы почуяв это всеобщее восхищение, Юрочка запел:

Черна галка,
Черна галка
Ты моя,
Ты моя!..

На этом песню его прервали.

— Правильно, Юрочка! Правильно! — загудела, вздохнула с облегчением хата.

И только тогда, как бы считая, что все уже в полном порядке, молодежь пустилась в пляс.

Так началась их любовь.

Это было только вступление к большому счастью, которое должно было придти, которое зародилось в ту ночь, когда он целовал ее у окна, а Галя закрывала лицо руками и просила: «Сережа, миленький, не надо...». Но разнять эти руки ему было совсем не трудно, а счастья, горячего, хмельного счастья, они никак не могли напиться вдосталь, хотя и простояли на снегу чуть не до рассвета.

Через неделю Юрочка ушел с дядьями в Костюки. Кто мог подумать, что прощание их навеки!

А теперь вот стой да слушай, как за пшеницей, за выдерганным льном гудит его веселый, деловитый трактор. Думай о первой своей любви, кричи, сходи с ума и кричи, чтоб вспомнил тебя и пришел. С ним когда-то и на снегу тепло стоять было, а теперь тебе, баба, холодно уже и от летней росы. Иди, иди, глупая, в хату, зря стоишь... Пускай гудит трактор, пускай не дает тебе спать до утра!

Галя тихо пошла.

Двери и в сенцах, и в кухне, и в горнице старые, скрипучие. Как ни остерегайся, все равно скребнут по сердцу. В хате темно. Стоит-то она окнами на юг и на восток, но оконца эти глядят из-под нависшей крыши, как хмурый человек: только под ноги. Галя идет в угол, где стоит кровать, наугад, на ходу уже расстегивая платье. Раздевшись, она ощупывает край постели и осторожно ложится. Но все это напрасно. Сонечка до сих пор не спит. Щека на подушке, рука под щекой, глаза глядят во тьму. Галя нащупывает рукой ее теплые, хрупкие плечики и прижимает девочку к себе.

— Мамка, а где наш папа?

— Спи, доченька, он скоро приедет.

— «Приедет», «приедет»... Я маленькая была, ты все говорила: «приедет» — и теперь говоришь. Мамка, а папа хороший?

— Хороший, хороший...

— А Ленька, дурак, говорит, что папа не в городе, что он в остроге сидит, что он... Как это, мамка?

— Что?

— Ну, как это?.. Ой, я забыла!..

— Ты спи. Завтра опять вставать не захочешь.

— А Ленька говорит...

— Да замолчи ты! — крикнула Галя и сама удивилась неожиданной злости.

Девочка вздрогнула и затихла. Сейчас бы ей как раз и заплакать от обиды, но она минутку помолчала, потом теплая, тонкая ручка ее потянулась к галиной шее, обняла и, казалось, неудержимой силой снова притянула мать к себе.

— Я, мамка, буду спать. И ты спи. Хорошо?

— Хорошо. Ты только повернись к стене... Вот на этот бочок...

Нелегко Гале произнести сразу столько слов. Но вот малышка затихла. И хорошо. Так лучше и для нее и для матери.

«Рано ей еще видеть мои слезы, рано знать, что я думаю о том, кто стал на горе наше ее отцом, а моим мужем... Давай, доченька, уснем лучше...»

Над низким потолком, над крышей — высоко над хатой стоит в небе тихая полная луна. За пшеницей, за душистым льном остановился где-то в поле трактор. Спи, молодица, не успеешь отдохнуть, пока луна погаснет. Спи, спеши уснуть, пока тракторист и прицепщик перекуривают... Но она, конечно, не уснула. Да и не старалась, видно. И трактор снова гудит, снова катится над полями, как волна на большом озере, его бодрый гул.

— Мамка, а я уже вспомнила: наш папа — спе-ку-лянт... А что это, мамка? Ты спишь?

Галя молчит.

«Не в том только беда, что он, твой отец, спекулянт. Но я покуда помолчу. А ты лучше спи, не забивай голову такими мыслями. Пускай уж мать — ей поделом, она заслужила, — пускай лучше мать подумает...»

...Гармонист Юрочка не пришел больше в Гаросицу — ни шить кожухи, ни целовать свою Галю. Скоро после их первого расставания комсомольца Сергея паны посадили в тюрьму. В сентябре тридцать девятого года, вернувшись в родную деревню, он узнал, что девчина его за другим.

Как это случилось, что молодой Хаменок, сын Даньки, взял дочку Марыли Батрачихи?

Глядя со стороны, пожалуй, нечему было и удивляться. Он, видно, так влюбился, что пошел против воли родителей. Ну, а на галином месте не одна бы за него вышла. Такой, людоньки мои, хутор, да и хлопец — ничего не скажешь. А что свекор лихой, так ведь не с ним же, не с Данькой слюнявым, жить. Придет час и на Даньку.

Сама Галя знала другое. Микола домогался ее давно, еще до Юрочки. Слух об аресте Сергея, галины горькие слезы были для него радостью. Сначала она, понятно, и слышать не хотела, а потом грусть немного утихла. Микола же с каждым вечером был все настойчивее и настойчивее. Даже плакал и грозился, что наложит на себя руки, зарежет и ее и себя... Защитить ее было некому. Об этом счастливом замужестве трубили не только чужие: и родные и мать были на его стороне. В первый раз он взял ее чуть ли не силой. Сразу свет застил. Оставалось только плакать и молча пойти за ним, у него же и искать спасения от позора. На данькин хутор она пришла еще совсем девочкой. Хмурый Данька в своей неизменной шапке с первого же дня иначе не называл ее, как байстрючкой. Когда же молодица не могла уже скрыть того, что стало заметно раньше, чем дома ожидали, — в вечном зудении свекра только и слышно было: «Нищая, неудаха...»

В последнее слово он вкладывал свой особый смысл. Она была и ловкая и работящая, но все это не то. И жить и работать нужно только для того, чтобы быть богатым. Он жил для гумна. Голова под облезлой шапкой и старая хатка на взгорке значили для него куда меньше, чем это гумно. Гумно должно быть всегда полным. Для этого нужно иметь поле. Больше поле — полнее будет гумно. Меньше поспишь — больше наработаешь. Не съешь, не сносишь — больше останется. Собираясь женить сына, он переложил гумно, расширил его для тех снопов, которые придут сюда с поля снохи. А сын с ума спятил... Галя была для Даньки не член семьи, она только заменила батрачку. Сколько бы она ни работала, все это не то. Никогда ей не отработать за обиду, за разочарование, за урон, нанесенный данькиному хозяйству.

Микола только сначала, до свадьбы, казался непохожим на отца. Здесь, на хуторе, когда она с ним перешагнула порог этой чертовой ямы, Хаменок показал себя Хаменком.

Свекор Данька... Три раза за все время видела она ласку от этого человека.

В первый раз после свадьбы свекровь сварила чугун картошки в шелухе и в чугуне же поставила на стол. Данька снял свою шапку, разгреб руками волосы, перекрестился и сел за стол.

— Масла, может, немного растопишь, — сказал он жене.

Это была послушная, тихая, верная женщина; лет сорок уже она молчала, как выносливая, неприхотливая кляча. Пошла в кладовку и вернулась с ложкой масла. Его было мало для целой сковородки... Еще раз возвращаться в кладовку, снова лезть в горшок — это было уже выше ее сил, да и не в обычае семьи... И старуха схитрила перед новым членом семьи: повернулась спиной к столу и плюхнула в масло три ложки горячей воды. Все это видели, но каждый смолчал. Галя удивилась, Миколе стало даже неприятно, а старик был доволен вдвойне: и хитростью своей хозяйки и тем, что этой хитрости никто, как видно, не заметил... Черными ногтями давно немытых рук он чистил свою картошку и, щурясь, молчал. Затем стал макать ее в «масло». Чем больше откусит от картофелины, тем глубже лезет щепотью в жижу.

— Ешь, невестушка, ешь, — говорил он. — Дома-то у вас не было. В бедности росла. Макай.

Во второй раз услышала она ласковое слово через полгода, в летнюю ночь. Миколы не было дома, старуха кряхтела на печи, а старик еще бродил по двору. Потом он постукал той же грязной щепотью в окно и совсем неожиданно позвал невестку по имени:

— Галя!

Она даже вздрогнула.

— Иди сюда, Галя!

Удивилась. Вышла... «Чего ему нужно?» Старик затрусил по стежке туда, где у поля разросся вишняк. Остановился. Она подошла и остановилась поодаль.

— Ночка какая, а? — сказал старик.— Клевер-то как пахнет, симонов, будь он неладен... Столько копен!.. Пойди, Галя, возьми вторую дерюжку,— сказал он.— Сходим еще разочек, принесем... Зимой лишнюю охапку где найдешь?..

Она увидела у него подмышкой смятую дерюгу.

— Я никогда не крала,— сказала она.— Надо вам, своего мало, так сами и идите.

Повернулась и пошла. Не слушала даже, что он там ворчал. Известно, что. Недаром он снимает свою шапку, только крестясь перед иконой, а разувается раз в неделю, в субботу. Недаром он построил большое гумно.

В третий раз смилостивился он, когда она родила Антося и после тяжелых родов целую неделю лежала в постели.

— Курицу надо зарезать,— на третий день объявила свекровь.

Мысль эта, рожденная в муках, не очень-то растрогала Даньку. Не действовало и то, что сын, такой послушный, разумный, тоже настаивал, что курицу зарезать все-таки нужно. Была и курица такая, не несущаяся, только ходила и квохтала под окнами, черт ее знает чего, точно сама просилась под нож. Жена и сын не отставали. Невестка, чтоб ей пусто было, лежит в самый сев... Старик заманил курицу в сени, закрылся, словил ее в уголке и взял топор. Приговор был приведен в исполнение на пороге. Данька разыскал шнурочек, связал курице ножки, занес ее в хату, кинул на пол, сказал:

— Нате. Ешьте.

Было это шестнадцатого сентября — в последний день панской власти.

Паны сбежали, а Хаменок остался. Данька протянул недолго. Не спал, не разувался всю зиму, даже креститься стал в своей шапке. «Конец... Конец света...» — кряхтел он, лежа на печи. К весне старика наконец обмыли и вынесли из хаты вперед ногами. Назавтра Микола закинул его шапку из сеней на чердак и стал хозяйничать сам. Через год умерла свекровь.

...Гудит трактор. Полная луна стоит высоко над полями. Один будет гудеть всю ночь, другая — светить трактористу до самого утра. Черноволосая Сонечка тепло дышит носиком в мамино плечо. Давно уснула. Вспомнила слово, которым называли на выгоне почти неизвестного ей отца. Пускай спит покуда, пускай не знает...

Галя встала. Хотела выйти на кухню напиться воды, но раздумала, подошла к окну. Не открывается оно, и форточки нет. А все-таки здесь слышнее, как за морем колхозной пшеницы, за душистым льном бессонно, неутомимо работает трактор.

— Сережа! — шепчут сухие, горячие галины губы.— Сережка, зашел бы? Ну, хоть напиться...

Да нет, он не зайдет.

Он заходил в эту хату один только раз.

Это было в начале сорок четвертого года.

Около полуночи разбудил Хаменков стук в окно. Ясно, кто: одни только были в то время хозяева ночей. Открывать пошла Галя. Сам хозяин в таких случаях не вставал с постели.

Следом за Галей вошли двое, остальные остались с конями на дворе. Галя вытащила фитилек в коптилке, а сама отошла в угол. Ее дело сделано, разговаривать будет хозяин сам.

— Добрый вечер! Что, болен? — спросил один из партизан.

— Да вот, товарищ, чтоб ему пусто...

— Сердце?

— Нет, оно, как бы это сказать...

— Язва?

— У меня, товарищи...

— Что ж, душа о родине болит? Лежи, лежи. Я знаю, ты справки хочешь показать.

Партизан включил электрический фонарик, и хозяин замигал на свету.

— Все нормально,— сказал партизан.— Болезнь протекает, как положено. Борода отпущена, сапоги спрятаны, самогоночка есть...

Хаменок понял это по-своему.

— Да где-то капелька оставалась, товарищи. Хорошо, что вы напомнили.

— Лежи, лежи, Хаменок, не вставай. Пускай стоит твоя самогонка. Завтра бобики[1] заедут. А с ними, может, и сам господин фельдфебель. А нам твои танцы и песни не нужны. Вахлак!

— Вот вы не верите, товарищ...— начал Микола.

— Да что нам верить, мы видим,— перебил его партизан.— Народ видит тебя насквозь. У него, друг, точно записана вся история твоей болезни, и бородатой и безбородой. Ты везде сух из воды выйдешь со своей самогонкой. Народ обливается кровью, а ты... Виляешь, как сука, и нашим и вашим. Да что с тобой говорить! Где Каштанка? Вставай!

Хаменок все еще тяжело, с видом больного человека, поднялся и сел на постели.

— Галя, дай мне валенки.

Ей не хотелось выходить из угла. Швырнуть бы их, эти нарочно изорванные валенки, в эту рыжую, нарочно отпущенную бороду!.. Заплакать бы от обиды и стыда... Но она взяла с печи валенки и понесла их перед собой, чтоб хотя бы таким способом подольше не обнаружить перед людьми, от кого она опять ходит тяжелая...

— На,— произнесла она единственное слово, которое смогла вымолвить.

И тогда он, Сережа, сказал:

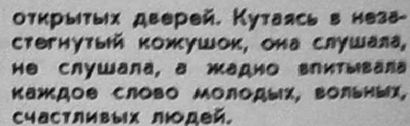
— Добрый вечер, Галя! И ты от нас прячешься?

Ах, зачем ты, глупая, не крикнула ему тогда: «Забери меня отсюда, родной!»? Почему не назвала его именем, которое дороже тебе всех имен на свете,— Сережей? Почему?.. Потому что и слова и слезы иссякли — от жалости к себе, от стыда.

— Добрый вечер,—сказала она, опустив глаза.

Хорошо еще, что при коптилке было темно, что он не осветил ее фонариком. Видно, хоть немножко еще уважал ее.

Она не пошла за ними на гумно, осталась в сенях, на пороге, у



открытых дверей. Кутаясь в незастегнутый кожушок, она слушала, не слушала, а жадно впитывала каждое слово молодых, вольных, счастливых людей.

Вся хаменкова хитрость оказалась просто смешной. Два дня выгребал он в скирде соломы берлогу, три месяца мучилась в темноте раскормленная кобылка. А тут один из хлопцев постучал, должно быть, по ведру и, точно поп, возгласил:

— Где ты там, грешная душа? Выходи на божий свет!

Каштанка в ответ зафыркала, и фырканье это покрыл веселый смех и говор на току.

Он, Хаменок, все еще ныл:

— С виду она, и правда, как будто ничего, а на деле падаль, без ног...

— Хе! Та у неї справді тільки чотирі ніжки, хлопці! — послышался приятный голос одного из тех шутников, которые мастера бывают петь. Украинец.— Так що, товаришу взводний, — говорил он, — біда моя, а ваш наказ останеться, мабуть, у силі. Я конячку сідлаю, так?

— Седлай, Артем, только поскорее,— послышался голос Сережи.

«Он командир. Я так и знала!» — с невольной радостью подумала Галя.

Тем временем тот, которого звали Артемом, снял с небольшого конька седло и надел его на их Каштанку.

— Гей, здоровеньки були, ластівко,— сказал он.— А мого Чалого ти, борода, бери. Тільки у яму свою не став. Приїду, то побачу, як ти його годуватимеш. Він заслужений кінь. Ну, господи, благослови!

Хлопец поставил ногу в стремя, и вот на светлом фоне снега вырисовался над Каштанкой его силуэт. Взнузданная кобылка затанцевала возле гумна.

— Бывай, борода! — послышался еще один голос.— Ты, кстати, ту пакость сбрей. Мы как-нибудь зайдем, проверим. Вообще, разочка два в неделю бриться — это на здоровье.

— Не слушай его, дядька! Ты лучше пчел в ней разведи.

— Точно! Медку не будет, но и заснуть не дадут.

— За мной! — снова раздался голос Сергея.

Они уехали, а Хаменок продолжал стоять. Оставленный, выбившийся из сил конек, которого он держал за повод, поднял голову, заржал как-то грустно, с надрывом вслед их молодому смеху, цокоту подков по обнаженным камням дороги.

— Не плачь, иди ложись, чего ты...— бубнил Хаменок из-под одеяла.— Ты думаешь, мне ее не жаль. Такая, чтоб им пропасть, кобыла!

— Пошел ты к черту! — сказала Галя и полезла на печь.

Хаменок молчал недолго.

— Ага!..— послышался в темноте его злорадный голос.— Так ты это по нем, по этому висельнику! Ну, погоди!..

Он и тогда все еще стращал, уже в конце хозяйничанья чужаков, уже накануне светлого, радостного дня.

...За окном начинает светать. Большая, полная луна вот-вот побелеет, закончит свое дежурство над полем, передаст его солнцу. А трактор гудит и гудит...

«Зайди, Сережа, зайди еще раз! Последний разок!»

[1] Бобиками называли фашистских полицаев.

Галя смотрит вдаль, опершись руками и грудью на подоконник.

А гул будто все приближается. Да, он ближе, с каждой минутой ближе!.. «Приди, приди, дорогой мой, оттуда, куда ты ушел под песню своей гармоники, под цокот подков на дороге, с той светлой стороны, откуда ты так долго не возвращался!..»

Сбылось!

Трактор остановился. Рокот утих.

Галя встала и отошла от окна. Невольным движением она поправила волосы, затем так же невольно закрыла руками лицо.

Идет Сергей. Все еще молодой, как и тогда. Только теперь — в синем испачканном комбинезоне, с пшеничным чубом над голубыми веселыми глазами, с кепкой в руке. Вот-вот зашелестит под его сапогами росистая трава, захрустит песок у завалинки, протянется к окну родная рука, постучит тихонько в стекло — и кончится все, что было...

«Иди, иди, я жду давно... Ох, давно!..»

Но что это?

Ну, а ты как думала?..

Трактор снова гудит. И гул этот теперь с каждой минутой дальше. Как это все просто, как понятно, что он повернул, и как страшно!.. Сядь и сиди у окна. Хочешь — кричи, а хочешь — молчи, поглядывай. И еще одно тебе осталось — поплачь.

И Галя выбрала последнее. Не выбрала — это пришло само. Припав лицом к подоконнику, она заплакала — горько, навзрыд. Плакала долго, как обиженный ребенок, когда его бросят в такой вот чужой и темной хате. А потом, как ребенок, устала от слез. Тяжелая истома смежила глаза, мягко, властно легла на душу...

Галя уснула.

...За садом — пшеница, колхозное хлебное море. Над колосьями — густая туманная пелена, сквозь которую спокойно смотрит на землю румяное летнее солнце. Сегодня, в воскресенье, оно словно само отдыхает и хочет дать отдых от зноя всему живому.

Такой пшеницы не видели здесь, на месте недавних полос и межей, никогда. Присмотришься — почти не колышется тяжелый, несгибающийся колос, теплый, слегка влажный от тумана, точно вспотел... Хороша пшеница! Так и надо! Еще один удар по тем, кто против мирной и счастливой жизни, еще одна радость для чистых сердец. Над медной щеткой хлебов — серые суетливые воробьи. Так и летают, так и щебечут, так и садятся на колосья, словно пчелы на цветы. Только те всегда в трудах, поют свою песню деловито, а воробьи просто беззаботны и счастливы. Легкомысленный народ!

А трактор все еще гудит и гудит...

Кто там сменил гармониста Сергея?..

На дворе у колодца умывается галин сын — Антось. Натаскал в корыто студеной воды, снял сорочку, и на весь двор слышно, как он фыркает и покрякивает от удовольствия. Славный хлопец, живой, работящий. Хорошо, что тянет его к людям, к учебе, к труду. Он уже понимает, что за отца не за что и не на кого обижаться. «Обижайся, старый дурень, на самого себя. Еще и сыну за тебя стыдно. Мать — дело другое». Антось утирается свежим льняным полотенцем. И снова, кажется, на весь двор слышно, как чуть ли не скрипит его загорелое лицо, крепкие руки, заслужившие отдых.

Галя очень любит Сонечку. Галю в детстве никто не снимал. Какие там могли быть снимки! Хорошо, что хоть зеркальце было у Батрачихи. Но Галя глядит на свою Сонечку, как в зеркальце. Такой, верно, именно такой была она сама когда-то: большеглазая, черненькая, щебетунья...

Сонечка стоит на постели в короткой чистенькой рубашонке. Еще сонная, с улыбкой в прищуренных карих глазах, она протягивает Гале тонкие, загорелые ручки. Мама надевает на них маленький кремовый лифчик, потом застегивает его, быстро перебирая пальцами белые пуговки. А тонкие, теплые ручки девочки уже обвились вокруг галиной шеи. Черноволосая головка сама склонилась на мамино плечо. Ох, и прилегла бы она еще на подушку!.. Но ничего, Сонечка и встанет тоже охотно. Она знает, что сейчас, в жнитво, она должна заменить Антося — пастуха. В саду уже ходит по росистой траве ее подружка — ласковая, спокойная Буренка. В желтом чистеньком жбанке стоит на столе возле кружки парное молоко.

— Ты, мамочка, спала со мной?

— С тобой... Так мы же вместе с тобою заснули...

— Сегодня, мамка, воскресенье!

— Воскресенье. Платьице ты наденешь новое, доченька. Вот это.

— А ты, мамка, пойдешь в поле. Жито дожали, так теперь надо овес... И овес и пшеницу. Антось тоже пойдет.

— Он поспит. Он всю ночь молотил.

— Антось у нас большой. Он у нас, мамка, хороший.

— Хороший, дочка, хороший.

— И я хорошая, мамка. Я тебя слушаюсь.

— И ты хорошая, доченька моя. Ты лучше всех нас.

Галя натягивает на девочку такие же, как лифчик, свежевыглаженные трусики, а потом прижимает ее к груди, такую родную, теплую. «Солнышко мое! Почему я не родила тебя от того, кто был мне люб?!»

А за окном слышно, как гудит, рокочет неутомимый работяга-трактор... Кто это там сидит за рулем? Кто сменил Сережу?

— А я вчера думала-думала, думала-думала,— щебечет Сонечка,— и вспомнила: спе-ку-лянт! А что это, мамка? Что?

— Вырастешь еще немножко, дочка, и тогда поймешь, тогда я и расскажу. Ты хорошая, ты больше не будешь спрашивать?

— Не буду.

...Галя идет по росе мимо пшеницы туда — в поле.

«Нет, он не только спекулянт,— мысленно говорит она, как бы все еще продолжая разговор с дочкой.— Он трус, злобный, мелкий, вредный человечек. Он никогда не был твоим отцом, дочушка моя, не был моим мужем. Никогда!»

Она вспоминает его бороду. Кудлатую, рыжую, чуть ли не с пчелами. Назавтра, после того как забрали Каштанку, он долго скреб эту бороду тупой бритвой, кряхтел, стонал перед облезлым обломком зеркальца, а все ж таки скреб. И каждую неделю брился, до самого прихода нашей армии, каждую ночь ожидая тех, кто обещал приехать проверить. Они, конечно, не приехали, но и он, конечно, не стал другим. Пошел на фронт. Где-то прострелили ему руку. Куда он только не совался с этой рукой, чтоб доказать, что он за советскую власть! А сам разъезжал за дрожжами и в Столбцы и в Минск...

И вот доездился. Сидит четвертый год.

Может, нехорошо это, что она его не жалеет? Ведь он же отец ее детей, столько лет прожили... Но нет, не жалеет, ни разу даже не подумала! И хорошо.

А трактор гудит... Скоро рассеется туман, и за пшеницей, за льном откроется черный простор свежей, душистой пашни, станет видно, сколько за ночь поднял земли ее Сережа.

Кто-то идет по дороге.

Он!..

Гале хочется рвануться, побежать туда, но она останавливается, глядит. Сережа идет без шапки, в синем, распахнутом на груди комбинезоне — такой точно, каким она видела его в окно.

«Нет, он не должен меня видеть!..»

Галя сошла со стежки в пшеницу.

Сергей идет, и ему ее не видно: голова в белой косынке над колосьями сливается с туманом. Да он сюда и не смотрит. А ему вслед глядят галины карие грустные очи.

«Вернись ты хоть на миг, моя хорошая, моя загубленная молодость! Вернись, спой мне веселую песню про черную Галку, которая и сейчас твоя, глянь мне в очи, и я сама подожгу этот хутор, возьму детей, пойду за тобой, куда захочешь!..»

А пшеница, какая пшеница кругом! Густая, чистая, высокая... Так и надо!

Это еще не мысль, это—только чувство. Мозолистая, ловкая рука жнеи прошлась по колосьям, и нежные прикосновения их разбудили в душе что-то светлое, легкое...

Ну, о чем ты просишь, зачем ты напрасно болишь, мое сердце? Пускай живет, пускай будет счастлив мой Сережа! Неужто не прожить мне без него, неужто я лишняя или хуже всех на этом вольном, солнечном свете?..

«Иван Степанович! Дядька Иван! Вы поможете мне, дядька Иван...»

Галины губы шепчут эти давно заученные слова. И дядька Иван, добрый, умный Иван Степанович, председатель их колхоза, смотрит на Галю из-под густых, уже седоватых бровей.

«Чего ты хочешь, Галина?» — спрашивает он.

«Дядька Иван, я не могу там жить, возьмите вы меня назад в нашу деревню. Постройте мне хатку, и мы с Антосем отработаем, за все, за все отработаем! Снимите с меня его имя, дядька Иван. Ведь вы и сами все знаете: кто он, кто я и кто мои дети...»

«Не плачь, Галина, не надо. Не плачь!» — говорит дядька Иван.

А Галя плачет. Идет по дороге и плачет. Сквозь туман и сквозь слезы, заслонившие от нее этот еще не стертый с лица земли хутор, она видит протянутые к ней тонкие загорелые ручки; они тихо ложатся ей на шею, и у самого уха слышен голосок:

«Ты хорошая, мамка моя!»

Нет, это ты хорошая, солнышко мое, ты лучше всех! И доля у тебя будет не такая, как у мамы. Никто не надругается над твоей жизнью...

Галя идет. А ночью снова будет гудеть трактор Сережи. Снова будет болеть по нем ее душа, болеть до самого рассвета. Пускай! Только бы гудел!

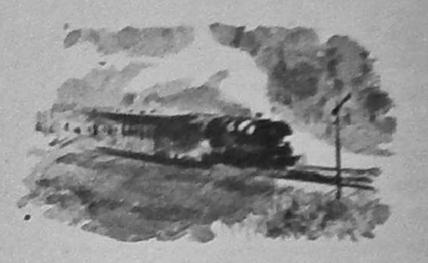
Перевел с белорусского
А. Островский

Поэты советской Белоруссии

Осень

Из повести в стихах «Граница»

Аркадий КУЛЕШОВ



События, описываемые в стихотворной повести А. Кулешова «Граница», относятся к началу тридцатых годов. В повести, в частности, рассказывается, как самоотверженно боролась молодежь и в том числе студенты, приехавшие на каникулы, с лесным пожаром. Лес был подожжен диверсантами для того, чтобы уйти от погони и чтобы нанести ущерб нашему государству и вызвать панику среди населения. В тушении пожара активное участие принимали Максим и Марина, о которых говорится в печатаемом отрывке. Руководил тушением пожара секретарь райкома Бударин.

Здесь печатается заключительная глава повести с некоторыми сокращениями. Полностью повесть будет напечатана в журнале «Новый мир».

Официально
еще не закончилось лето —
Время его
календарь не успел отсчитать,—
А уж за далью,
что дымною мглою одета,
Осень хозяйство свое
начала́ принимать:
Дождь, моросящий
над лугом притихшим, над полем,
Низкий туман,
что ползет из болот и лесов,
Солнце, что светит
часа лишь четыре, не боле,
А не четырнадцать в сутки
законных часов.
Вот приняла паутины,
что вереск бесшумно
Сбросить готов,
чтобы в небо летели они.
Вот сосчитала машины,
что нынче на гумнах
Шумно и звонко
работают целые дни.
Вот она по полю
красным колхозным обозам,
Свадьбам веселым
уже проложила пути.
Все семафоры
открыла она паровозам,
Чтоб караваны вагонов
по рельсам вести.
Птицы еще не отправились
в теплые страны —
Только еще собираются, —
путь их далек,
А уже осень
стальные свои караваны
Движет все дальше —
на север, на запад, восток.
Нынче она их
в дорогу затем снаряжала
И для того, снарядивши,
отправила их,
Чтобы студентам,
чье лето уже миновало,
К сроку, ко времени
быть в институтах своих.

Лету конец...
И хотя ничего неизвестно
Этим колесам,
что мчатся и ночью и днем,
Этим машинам,
но только уже повсеместно
Осень отныне их числит
в хозяйстве своем...

. . . .

Сели студенты, поехали
Вместе с Максимом,
Вновь до весны покидая
Родные края.
В лес обожженный
Бросая и паром и дымом,
Поезд летел... Остановка.
И к окнам друзья!

Здесь после грозных
Недавних событий
Жизнь постепенно
Входила в свой круг:
Лес расчищали,
И гарь перепахивал плуг...
— Хлопцы, девчата, взгляните!
— Бударин... взгляните!..

Вместе с народом,
С великою силой людскою
Здесь он работал,
Был весел и рад.
Крики услышал.
Узнавши парней и девчат,
Он улыбнулся,
В ответ помахал им рукою.

А паровоз,
Будто этого лишь и хотел,
Свистнул раскатисто... Поезд
Пошел, полетел.

Было похоже:
Бударин не просто рукою
Им помахал, а что он им
Открыл семафор
И проводил —
Было именно чувство такое —
В жизненный путь,
На великий простор!

Ехали...
Лес, что сгорел, миновали давно.
Завечерело...
Бродя по холмам и равнинам,
Бросила ранняя осень
открытку в окно,
Ту, что слетела сама
с придорожной калины, —
Вестницу леса...
Бесшумно упавши, она
Скромно лежала на столике
возле окна.
Молча по ней
и Максим и Марина читали
Повесть о лете,
которое здесь покидали.
Скоро они задремали...

Пускай же им снится
Летняя встреча, граница,
Где с плеском криница[1]
Белые гладкие камешки
перемывала
И колыхала травинки
на тихой волне...

Ласково поезд баюкал.
Марина во сне
Голову ниже и ниже
свою опускала
И, прикоснувшись
к плечу паренька головой,
Щеку косынкой
ему обожгла огневой.
Парень проснулся.
И сразу прошло утомленье.

Целую ночь у окна
он сидел без движенья,
Целую ночь охранял он
девический сон.
Вот за окном посветлело.
И жаль, что вагон
Вдруг остановится.
Все заспешат на перрон.
Там, на перроне,
Марина с Максимом простится.
На год? Иль на два? Кто знает...
А может случиться,
И навсегда...
А хотел бы Максим между тем
С нею всю жизнь
в этом общем вагоне
Ехать все дальше и дальше,
как ехал сегодня,
И о разлуке не знать
и не думать совсем.

Вот и вокзал.
И повысыпали из вагона,
Словно птенцы из гнезда,
что завидели даль.
Скрылись, пропали
в толпе говорливой перрона
С кладью своей — с сундучками,
с баулами.
Жаль!..
Снова их всех поезда подхватили
и где-то
Мчатся с друзьями моими.
Один я стою,
Все поезда проводивши...
Позвольте ж на этом
Точку поставить
и повесть закончить мою.
С нею мне вспомнилась юность,
начало дорог,
Дружба, граница,
любовь, молодые желанья.
Светлые образы!
Вновь соберу их в свой срок.
Я не сказал им: — Прощайте!..
Сказал: — До свиданья!
С ними я вырос,
и, выросши, с ними я жил
Возле границы,
возле той самой межи,
Что нам покою
ни ночью, ни днем не давала,
Той, что для нас
блиндажами, траншеями стала
В дни, когда с Запада
свора фашистов напала,
Той, у которой
мы насмерть с врагами дрались
Той, по которой
не реки весной пролились,—
Слезы и кровь...

По-солдатски мы все поклялись
Смыть ту границу,
стереть ее до основанья!..
Много еще предстоит нам,
видать по всему.
Мы еще встретимся с вами, друзья!
Потому
Я не скажу вам: — Прощайте!
Скажу: — До свиданья!

Перевел М. Исаковский.

[1] Здесь криница — родник, ручей.

Свадьба

Максим ТАНК

Эй, полные чарки
Дружней наливайте,
А вы, музыканты,
Сердечней играйте,
И первой сегодня
Споем мы по праву
Про Сталина песню,
Про нашу державу.

А после споем
Про широкое поле,
Колхозное счастье
И светлую долю,
Споем про невесту,
Свет-ясную зорьку,
И про молодого...
— Ой, горько, горько!

Давно про любовь
Жениха и невесты
В нашем колхозе
Всем было известно.
Недаром на свадьбе
Одна поговорка,
Что полные чарки
С горелкою горькой.

Ну, что тут поделать?
И молодую
Парень невесту
Крепко целует.
В круг он выводит
Ее под цимбалы...
Белое платье,
А ленты алы.

Эй, расступись
От стола до порога!
Песне с танцорами
Шире дорогу!
Шире дорогу
Юности ясной,
Жизни веселой,
Любви прекрасной,

Чтоб помнили свадьбу
Хорошую эту,
И песни, что были
Нами пропеты,
И вечер майский,
И на́ небе зорьки,
И чтоб никому у нас
Не было горько.

Перевел Сергей Орлов.

Река

Петро ГЛЕБКА

Ты берешь свое начало,
Беспокойная река,
Где ни моста, ни причала,
Ни лодчонки рыбака.

Обходя корней сплетенье
Пу́сторосли да лозы,

Тонкой струйкой в час рожденья
Льешься медленней слезы.

Из трясины выбегая,
Струйка к струйке жадно льнет,
И ручьем — уже другая —
Ты уходишь от болот.

Не ленивой — работящей
Ты бежишь и день и два
Через нивы, через чащи
В даль, где небо да трава.

А к тебе с холма, с пригорка
(Не проведать ведь нельзя!)
Со своей скороговоркой
Пробираются друзья.

На раздолье на широком
Их в одну семью сплотишь,
Станешь матерью притокам,
Имя дашь, — опять спешишь.

Веет силою от плеса —
Честно трудишься всегда:
Мельниц крутишь ты колеса,
Шлешь росу, поишь стада,

Поднимаешь пароходы...
Пусть холмы — пробьешься все ж!
Ты несешь не только воды —
Электричество несешь.

Если б не был человеком
И не знал путей иных,
Я завидовал бы рекам,
Силе их, работе их.

Но под синью небосвода,
Знаю, лучшей доли нет:
Строю мельницы, заводы,
Зажигаю всюду свет.

Править мне водой, и снегом,
И работою станка,
И твоим извечным бегом,
Беспокойная река!

Перевел Анатолий Кудрейко.

О дорогах

Петрусь БРОВКА

Та жизнь не летела, не мчалась,
А тихо волами брела.
Для деда она умещалась
В масштаб волостного села.

Ни моря не видел ни разу,
Ни гор под папахами льда.
Да где там! И царь до Кавказа
Скакал целый месяц тогда.

Сегодня посмотришь — и просто
Всему, что достигнуто, рад.
Посмотришь, дитя и подросток
Уже на машине сидят.

Для нас расстоянья и сроки —
Как настежь раскрытая дверь,
И то, что казалось далеким,
Становится близким теперь.

И кажется, всё здесь в дороге:
И люди, и хлеб, и вода,
И даль за леском белоногим,
И туч снеговая гряда.

Бежит, километры считая,
Садами украшенный шлях.
Чумиза — подарок Китая —
Пришла и растет на полях.

Смотря и стремясь в поднебесье,
Повсюду стоят земляки:
Дубки — уроженцы Полесья —
Шумят возле Дона-реки.

И чувство и время другое,
И дружбе не видно конца,
И радость и счастье людское
Навечно сближают сердца.

Перевел Сергей Смирнов.

Последние известия

Пимен ПАНЧЕНКО

До чего ж пытливое созданье —
Дочка Таня у меня растет!
Лишь включу приемник ранней ранью,
Тут как тут она. Притихла, ждет.

Слушаем в известиях последних
Про Корею, где гремит война,
Где стреляют янки в малолетних...
Хмурюсь я. Мрачнеет и она.

Хочется трехгодовалым людям
Необъятный мир узнать скорей.
Но всего, о чем мы смело судим,
Не представить, не осмыслить ей.

Я давно учительствую в школах,
Знаю силу, данную словам,
Но событий грозных и тяжелых
Доченьке никак не передам!

По Пхеньяну бьют орудья люто...
Как же ей растолковать о том?
Кроме первомайского салюта,
Ей неведом орудийный гром.

Что видала, кроме самолета,
На котором в Крым летели с ней,
Кроме ясноглазого пилота,
Что сластями баловал детей!..

Кто-то жаждет смерти нашей, знаю.
Позже расскажу об этом я.
Дочку к сердцу крепче прижимаю...
Таня, Таня, ясочка моя!

Только бы не смел тебя тревожить
Горький смысл необъяснимых слов!
Замысел злодейский уничтожить —
Первый долг, священный долг отцов,

Чтобы впредь о пушечных раскатах
Уолл-стрит не помышлял впотьмах,
Чтоб не знали дети слов проклятых,
Подлых слов: «бомбежка», «голод»,
«страх».

Перевела Мария Петровых.

Писатели и книги

Лишенные детства

«Детям всех тех, кто сам не знал детства» посвятил свою талантливую повесть прогрессивный португальский писатель Перейра Гомес. Член ЦК португальской компартии, он отдал все свои силы борьбе за освобождение своего народа от фашистской неволи. Объявленный вне закона, он умер в подполье, и похороны его превратились в демонстрацию против диктатуры Салазара.

Издавая книгу в условиях реакционного режима, автор вынужден был прибегать к иносказанию, чтобы выразить всю глубину страдания португальского народа и пафос его освободительной борьбы. И все же повесть Перейры Гомеса, вышедшая в Португалии под названием «Эштейрос», вскоре была запрещена.

Смысл этой книги, вышедшей у нас под названием «Лишенные детства», раскрывается уже в предпосланном ей эпиграфе: «Эштейрос — это крошечные каналы, расходящиеся по берегам Тежо, словно растопыренные пальцы жадной руки. Это цепкие пальцы кирпичных заводов, высасывающих драгоценный ил у воды и жизненные силы у работающих там детей».

Меткий, гротескно заостренный образ, полный большого социального смысла!

Книга открывается описанием унылой осени: «Кирпичные заводы закрывались один за другим. Предвестники осени — первые дожди — затянули рябью черную топь каналов, порывистый ветер пронизывал до костей одетых в лохмотья мальчиков»... Несколько выразительных штрихов — и перед глазами читателя встает трагический образ сегодняшней Португалии: «Тут все бедны: и оборванные мальчуганы и взрослые землекопы, приехавшие сюда издалека — семь часов езды по железной дороге — в тщетной надежде получить хорошо оплачиваемую работу». Гонимые нуждой люди стекались сюда, к кирпичным заводам, которым они отдавали все свои силы, но этот тяжкий труд, обогащавший хозяев, не сулил самим рабочим ничего, кроме полуголодного прозябания.

Перейра Гомес создал живые образы детей, не знающих детства,— Жинето, Гайтиньяша, Саги и других, — предоставленных улице, испытывающих на себе ее влияние, но мечтающих о лучшей, светлой доле и в глубине души не теряющих надежды на то, что рано или поздно в их беспросветной жизни наступят перемены.

Просит подаяние скиталец Саги, рассказывающий своим друзьям фантастические сказки о неведомом счастье.

Гайтиньяш вынужден оставить школу и вступить в «мир босых и неграмотных мальчиков», которых нещадно эксплуатируют на кирпичных заводах. Его отец, Педро, хотел, чтобы он стал «врачом и входил в дома бедняков, как живительный луч солнца». Но увы! сам Педро потерял место только потому, что увлекся мыслью основать ясли для детей ткачих, и должен был покинуть родные края. Мать прилагала все свои усилия, чтобы дать образование мальчику, но вечное недоедание истощило ее силы, и она умерла.

Бунтует против живодеров, вроде сеньора Каштро, непокорный и отважный Жинето, испытывая к эксплуататорам еще слепую, но жгучую ненависть.

У сеньора Каштро земли видимо-невидимо, а он выгоняет мальчиков, оставшихся без работы и пришедших к нему просить милостыню. Во время наводнения, принесшего крестьянам горе и слезы, сеньора Каштро беспокоит не судьба погибающих людей, а лишь, «не причинит ли буря серьезных убытков его хозяйству на ферме», не пострадают ли его коровы. Гомес беспощадно разоблачает цинизм, духовное убожество и вырождение таких хищников, как сеньор Каштро, как господа, прибывшие на автомобилях из Лиссабона полюбоваться картиной наводнения и причиненных им бедствий.

Перейра Гомес показывает острую конкурентную борьбу между хищниками, где самые наглые и изворотливые поглощают более мелких. Такая участь постигла Зе-Висенте, и чем ближе был его крах, тем больше он угнетал работавших на фабрике детей, заставляя их даже вытаскивать из печей горячие кирпичи, чтобы ускорить оборот и спастись от банкротства.

Повесть «Лишенные детства» полна скрытых и все же ощутимых предчувствий того, что волна бурного наводнения смоет в грядущем с лица земли всякую нечисть.

О другой, свободной жизни мечтает мальчик Макинета: «Пусть бы мысль его свободно плыла, как вон та виднеющаяся вдали рыбачья лодка с парусом... Увидеть бы во сне, что он получил работу на заводе с чудесными цехами, где нет злых мастеров, вроде Ма-Кара...»

Попадает в беду Жинето, но его друзья не теряют надежды спасти его. В сознании Гайтиньяша встает образ отца, поборника социальной справедливости. Он временно скрылся куда-то, но он неминуемо должен вернуться, и тогда попранная справедливость восторжествует. Гайтиньяш вместе со своим другом Саги «отправился по дорогам света на поиски своего отца. И когда он его найдет, он возвратится вместе с ним, чтобы освободить своего друга Жинето и послать в школу всех этих мальчиков с кирпичных заводов — мальчиков, которые не знали детства».

Повесть Перейры Гомеса — значительное достижение современной прогрессивной португальской литературы.

В. БАЛАШОВ

Перейра Гомес. Лишенные детства. Перевод с португальского. Издательство иностранной литературы. М. 1952. 188 стр.

Он призывал к бдительности

К пятидесятилетию со дня рождения Юлиуса Фучика

Ю. Фучик в форме солдата чехословацкой армии.

«Люди, я любил вас! Будьте бдительны!»

Эти слова были сказаны незадолго до смерти Юлиусом Фучиком, чешским писателем-коммунистом, казненным гитлеровцами в 1943 году.

Эти слова мог оставить как свое завещание только человек, страстно желавший счастья людям, не пожалевший отдать жизнь ради установления справедливого порядка на земле.

Непосредственное участие в борьбе революционного чехословацкого пролетариата; личное участие в социалистическом строительстве в СССР, где он прожил два с половиной года, наконец, упорное изучение теоретических работ классиков марксизма-ленинизма — все это обострило революционное чутье Юлиуса Фучика, закалило его мужество и непримиримость в борьбе за дело трудящихся.

Каждая политическая статья Фучика — писателя, коммуниста — имеет один лейтмотив: для построения коммунизма необходима активная, решительная, непримиримая борьба со всеми врагами трудящихся, врагами прогресса! Настойчиво и последовательно борется он против фашистов (фашистская партия Гайды была организована в Чехословакии в 1926 году), против социал-фашистов, на словах превозносящих «социализм», а на деле отступающих перед фашизмом и действующих заодно с ним. Он пламенно выступает против лжедемократизма буржуазного правительства своей страны и с такой же страстью — против обывательского равнодушия, в котором он видит одно из существенных препятствий в борьбе с силами реакции.

Со всей остротой Фучик ставит всегда вопрос о революционной бдительности.

В августе 1936 года в газете «Руде право» он рассказывает о том, как трудящиеся города Канжварт в Чехословакии разоблачили целую свору пособников испанского фашизма, посылавших в Испанию своих агентов и оказывавших Франко финансовую помощь.

«Будьте всюду на страже! — зовет Юлиус Фучик.— ...Действуйте так, как вам велит международная солидарность трудящихся!..»

В том же году в статье «Разоблаченная тайна», опубликованной журналом «Творба», Фучик дает отпор гнусной кампании клеветы на Советский Союз. Она была начата в то время чешскими реакционерами, стремившимися выручить разоблаченных советским народом изменников-троцкистов. Фучик расценил эту кампанию как идеологическую диверсию. «Такие кампании не прекратятся, пока мир будет разделен на два лагеря, пока страну социализма будут окружать капиталистические страны». И потому, заключал Фучик, «необходимо, чтобы каждый революционно настроенный и прогрессивный человек с этим считался. И был бдительным!» На страницах «Творбы» и «Руде право» Фучик публикует статьи о Советском Союзе, в которых рассказывает рабочему классу правду о великой стране социализма, дает своим соотечественникам оружие против клеветников и предателей.

Накануне мюнхенских событий Фучик бьет тревогу, предупреждая о предательской политике чешской буржуазии во главе с правительством. Он ясно и твердо говорит, что главных пособников фашистского агрессора нужно искать на Граде, то есть в резиденции президента Бенеша.

Во время немецко-фашистской оккупации Фучик особенно ясно видел, что единственным средством защитить народ от жертв, спасти от гибели лучших людей, лучших борцов за свободу является революционная бдительность масс. В тюрьме огрызком карандаша на клочках бумаги после очередного допроса, избитый до полусмерти, Фучик писал книгу, писал свой «Репортаж с петлей на шее», и звал «тех, кто переживет это время», не забывать о бдительности, уметь разглядеть врагов «во всем их жалком ничтожестве, во всей их бессильной жестокости».

Враги чехословацкого народа, тайные слуги империалистов, ненавидели Юлиуса Фучика, они не могли простить ему его патриотической честности, любви к трудящимся, непримиримости к угнетателям. На процессе заговорщицкого центра Сланского было установлено, что это они, презренные изменники родины, наемные агенты империалистических разведок, были прямыми виновниками гибели Юлиуса Фучика. Это они навели гитлеровских фашистов на след Фучика, боровшегося в подполье за счастье и независимость своего народа.

На процессе шпиона Сланского и других жена Юлиуса Фучика Густа привела слова своего мужа: «Каждый, кто был верен будущему и умер за то, чтобы оно было прекрасно, достоин памятника. Тот же, кто из праха прошлого хотел соорудить плотину и остановить половодье революции, тот — лишь марионетка из трухлявого дерева. Что из того, что на плечах у нее были золотые галуны!»

И Густа Фучикова повторила еще раз предсмертный завет Юлиуса Фучика, великого патриота своей родины:

«Люди, я любил вас! Будьте бдительны!»

Н. НИКОЛАЕВА

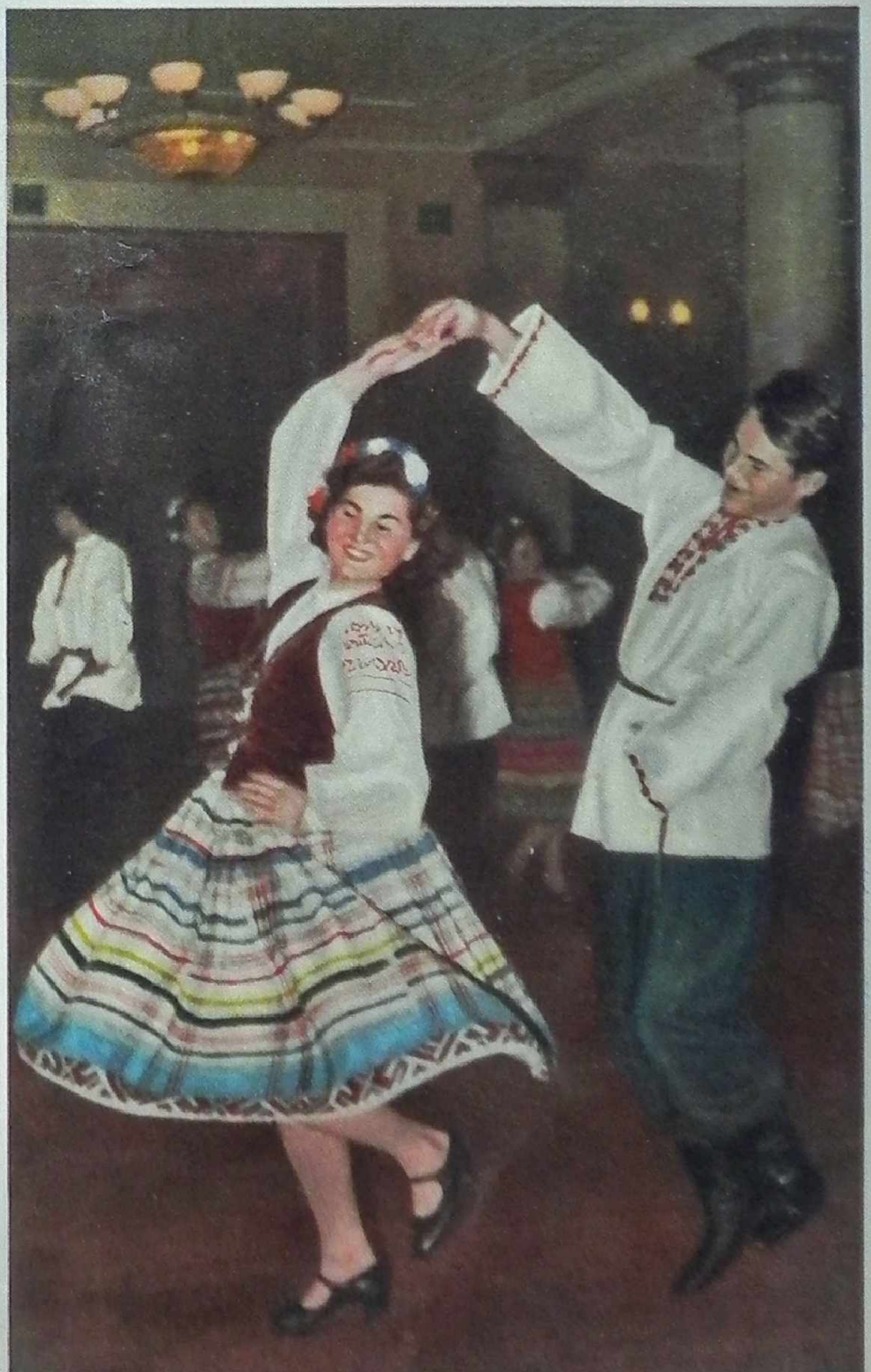
Здание Минского окружного Дома офицера.

Минский окружной Дом офицера

Фото М. Савина.

Участники танцевального коллектива Нина Кубарева и Игорь Копанев.

В музыкальной гостиной. У рояля офицер Н. М. Лукьянов.



На тактических занятиях. Сержант А. Ткаченко и рядовой Т. Чехов в дозоре.

Фото Г. Макарова и А. Становова.

СУХЭ-БАТОР

К 30-летию со дня смерти

В середине 90-х годов прошлого века на окраине Урги[1] прибавилась еще одна дырявая юрта «серяка» — так называли монголы разорившихся аратов-скотоводов, тех, у кого скот и имущество были отняты в уплату непосильных налогов. Соседи, увидев пришельца, уныло покачивали головами. Что ждет его здесь?

Тяжелой работой Дамдин и его жена Ханда стали добывать скудные средства к жизни. Сухэ было пять лет, когда он стал помогать отцу и матери.

Четырнадцатилетним подростком Сухэ стал батраком. Не раз он в качестве погонщика лошадей измерил путь от Урги до Кяхты. Юрта, в которой рос Сухэ, стояла неподалеку от тюрьмы. Нередко Сухэ наблюдал, как рано утром выводили из тюремного двора группы заключенных, смелых и непокорных сынов народа, и угоняли их по направлению к Шархаду— месту казни.

Скоро Сухэ узнал, что такое гнев народа. Над страной уже прошумели, будоража умы, вести о мятеже солдат-цириков в Улясутае, об аратском восстании, руководимом аратом Аюши. В 1910 году возмущенное население Урги выгнало представителей нескольких особенно ненавистных иностранных капиталистических фирм, грабивших народ. Падение маньчжурской династии, около трех веков угнетавшей Китай и Монголию, дало толчок новому подъему национально-освободительной борьбы. В декабре 1911 года народ разоружил в Урге военный гарнизон и изгнал маньчжурского наместника. Но монгольские феодалы использовали силы народа для захвата власти в свои руки.

Вскоре на Сухэ надели хантаз и шапку цирика. С первых дней службы в военном лагере в Худжир-Булане, близ Урги, Сухэ обнаружил большие способности к военному делу. Боевое крещение Сухэ получил в походе против изменника родины Бабужаба, совершавшего с чахарской территории грабительские налеты на восточную окраину Монголии. За проявленный героизм в боях при Тамцаг-Булаке он получил звание Батора (богатыря), и с тех пор его имя стало двойным — Сухэ-Батор. Он смело защищал перед начальством права цириков, живших впроголодь. Беседуя с ними, он старался разбудить в них политическое самосознание. Солдаты называли Сухэ самым почетным словом: «бакша» (учитель).

Весть о великом Октябре долетела и до бескрайних степей Монголии. Сухэ-Батор узнал о том, что в России рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки. Всем сердцем патриота-революционера потянулся Сухэ-Батор к Советскому государству, стал искать путей для связи с Советской Россией.

Между тем феодальное монгольское правительство пошло на сговор с агентурой японских империалистов и предало интересы своей родины. Монголия была оккупирована войсками японского ставленника генерала Сюй Ши-чжена.

В эти дни Сухэ-Батор решил стать на путь профессионального революционера. Чтобы быть в курсе замыслов захватчиков, он устроился работать наборщиком в типографии. Но скоро угроза ареста заставила его уйти в подполье. Из числа близких товарищей-единомышленников он организовал подпольный революционный кружок. Тогда же включился в активную политическую борьбу другой славный сын монгольского народа, Чойбалсан, объединяя вокруг себя самоотверженных, революционно настроенных патриотов.

Вскоре произошла встреча Сухэ-Батора и Чойбалсана. Вспоминая об этой встрече, Чойбалсан писал, что Сухэ-Батор произвел на него сильное впечатление ясностью и глубиной политической мысли, непреклонной решимостью, верой в силы народа. Чойбалсан в лице Сухэ-Батора увидел подлинного народного вождя и подружился с ним навеки. В начале 1920 года разрозненные революционные кружки объединились, положив начало созданию Монгольской народно-революционной партии.

После нескольких неудачных попыток Сухэ-Батор вместе с Чойбалсаном приехали в Советскую Россию. Встреча с представителями советской власти Дальнего Востока окрылила посланцев монгольского народа, нашедших дружескую поддержку и обещание братской помощи. «Отныне открыт путь нашей великой работе»,— говорил Сухэ-Батор, вернувшись на родину.

Самоотверженная, упорная работа Сухэ-Батора, Чойбалсана и руководимой ими партии увенчалась победой народа. Отряды Народно-революционной армии под командованием Сухэ-Батора при поддержке частей Красной Армии изгнали из страны войска оккупанта Сюй Ши-чжена и белые банды японского ставленника барона Унгерна.

11 июля 1921 года на площади в Урге, которую когда-то перебегал босоногий мальчик Сухэ, выступил с речью вождь народа Сухэ-Батор. Он призвал народ крепить дружбу с Советской республикой, отдать все силы на строительство новой, свободной Монголии.

Счастливейшим в своей жизни Сухэ-Батор считал день встречи с великим Лениным; встреча состоялась в том же году. Сопровождавший Сухэ-Батора его боевой друг Мягмар рассказывает, что Сухэ-Батор очень волновался, входя в Кремль. Но когда появился невысокий человек в простом черном костюме, с приветливым, внимательным взглядом, Сухэ-Батор приободрился, уверенно приветствовал Ленина и, по народному обычаю, вручил ему «хадаг» (шелковый платок)—символ дружбы, чистоты намерений и пожеланий блага. 5 ноября 1921 года Сухэ-Батор подписал в Москве советско-монгольский договор об установлении дружественных отношений. Этот акт ликвидировал все неравноправные договоры, заключенные царским правительством с Монголией. Освобожденному монгольскому народу великий советский народ обещал экономическую и культурную помощь.

Как яркий факел, понес Сухэ-Батор в монгольские степи великую ленинскую идею о некапиталистическом развитии Монголии при помощи дружественной Страны Советов. С великой энергией взялся Сухэ-Батор за строительство нового государства, вызывая к жизни творческие силы народа.

Ламские лекари-убийцы, орудие еще сильной в то время феодальной клики, оборвали кипучую молодую жизнь Сухэ-Батора. В возрасте 29 лет, 22 февраля 1923 года, его не стало. Знамя народной революции Сухэ-Батор передал своему другу и соратнику Чойбалсану, Монгольской народно-революционной партии, которые с честью понесли это знамя к заветной цели, крепя тесный, нерушимый союз с великой страной социализма. Каждый раз, когда нависала угроза над Монгольской Народной Республикой, Советский Союз неизменно оказывал ей братскую поддержку. Монгольский народ, руководимый маршалом Чойбалсаном, показал себя верным и стойким союзником СССР в годы Великой Отечественной войны.

Сухэ-Батор похоронен близ Улан-Батора, у подножья горы Чингильтуула, на месте, где стояла когда-то юрта его отца. Пройдемся сегодня дорогой, ведущей к столице от могилы Сухэ-Батора.

Спустившись вниз, вы попадаете на проспект имени Сталина. По широкой асфальтированной магистрали, проходящей через весь город, проносятся легковые и грузовые автомашины. Здесь, на восточной окраине города, расположены промышленные предприятия, учебные заведения. Всюду новые корпуса жилых домов, строительные леса. По проспекту, застроенному многоэтажными зданиями государственных и культурных учреждений, вы приходите на площадь имени Сухэ-Батора. Солнце, поднимаясь над лесистой горой Чойбалсан-Ула, первые свои лучи бросает на стоящий в центре площади памятник... На разгоряченном коне, застывшем в мощном порыве, типичной монгольской посадкой — немного наклонившись набок — сидит рослый человек в остроконечной шапке главкома, с советским орденом Красного Знамени на груди.

Мимо памятника идут рабочие промкомбината — одного из крупных предприятий национальной монгольской промышленности, созданной за годы народной власти. Идут по площади студенты университета, школьники. Идут приехавшие из аймаков араты; мать привела сюда ребенка и читает ему слова Сухэ-Батора, высеченные на памятнике, зовущие монгольский народ идти дружной семьей к вершинам счастья.

Во всем своем величии торжествует новая жизнь монгольского народа. За это новое боролся и отдал свою жизнь названный товарищем Сталиным неустрашимым человеком Сухэ-Батор.

Памятник Сухэ-Батору в Улан-Баторе. Фото Б. Кузьмина.

Я. РЫЖАКИН

[1] Прежнее название Улан-Батора.

У КИТАЙСКИХ ДРУЗЕЙ

Б. АЛЕКСАНДРОВ,
народный артист РСФСР

Краснознаменный имени А. В. Александрова ансамбль песни и пляски Советской Армии недавно вернулся из большой концертной поездки по Китайской Народной Республике. Дни нашего пребывания в Китае полны волнующих переживаний, незабываемых встреч.

В каждом городе, куда приезжал ансамбль, к поезду, обычно заранее, собирались многочисленные толпы, встречавшие нас восторженными рукоплесканиями, провозглашая здравицы в честь товарища Сталина и вождя китайского народа Мао Цзэ-дуна:

— Вансуэй Сталин! Вансуэй Мао Цзэ-дун!

Радостные возгласы сопровождались звуками ударных музыкальных инструментов. Бывало и так: в одной части вокзала духовой оркестр играет китайский марш, в другой — сотни молодых голосов поют: «Москва — Пекин! Москва — Пекин! Идут, идут вперед народы...»

Повсюду улыбающиеся лица, сверкающие радостью живые черные глаза. Тысячи рук тянутся к советским гостям для крепкого рукопожатия, пионеры подносят цветы каждому артисту ансамбля, и, окруженные детьми и молодежью, мы выходим на привокзальную площадь, где устраивается торжественный митинг. Выступающие товарищи горячо приветствуют народы Советского Союза, великого Сталина, непобедимую Советскую Армию.

Выступления ансамбля большей частью проходили на стадионах, при огромном скоплении публики. Концерт мы начинали с исполнения «Кантаты о Сталине» А. В. Александрова и песни о Мао Цзэ-дуне «Алеет Восток», которую мы пели на китайском языке.

Имена И. В. Сталина и Мао Цзэ-дуна неразрывно связаны в сердцах китайского народа. Поэтому две первые песни вызывают особенно бурную овацию, десятки тысяч голосов снова и снова возглашают здравицы в честь И. В. Сталина и Мао Цзэ-дуна.

Некоторые песни ансамбль исполнял на китайском языке, что восторженно встречалось слушателями. Случалось, что зрители запевали свои любимые песни вместе с нами, и мне приходилось дирижировать вдруг выросшим составом ансамбля.

На наших концертах побывало около миллиона зрителей. Кроме того почти повсюду, где мы выступали, были организованы радиопередачи: в клубах, на предприятиях, в воинских частях, в учебных заведениях собирались тысячи людей, чтобы коллективно слушать трансляцию концерта.

Нам предоставили широкие возможности всесторонне познакомиться с театрально-музыкальной жизнью страны. Мы прослушали и просмотрели большое количество старинных и современных китайских опер, выступления профессиональных и самодеятельных хоров, танцевальных коллективов и отдельных исполнителей — певцов, музыкантов, танцоров, артистов эстрады и цирка. В Шанхае нам довелось увидеть гоголевскую «Женитьбу», талантливо сыгранную китайскими артистами. Приятно отметить, что значительных успехов достигли наши «младшие братья» — ансамбли песни и пляски Китайской Народно-Освободительной армии.

Большое впечатление произвели на нас шедевры национальной архитектуры, превращенные ныне в художественные музеи,— «Храм Неба» и бывшие императорские дворцы в Пекине, доступные широким массам народа, памятники старины в Ханчжоу. Китайский народ бережно хранит эти создания искусства.

Наш коллектив навсегда сохранит в памяти дорогие нам встречи, все чудесные впечатления этой поездки.

В Китайской Народной Республике. На снимках: на концертах Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии.

ГОДЫ БОЕВЫЕ...

И. САХАРОВА

Наша литература и наше искусство снова и снова возвращаются к темам гражданской войны, к той героической поре, когда в боях с врагами закалялась и мужала молодая Красная Армия, когда только что возникшее Советское государство на радость трудящимся всей земли выдержало бешеный натиск интервентов и белогвардейцев, доказало свою жизнеспособность, отстояло свою независимость, свое существование.

Часто обращается к этой теме и сценическое искусство. На подмостках театров снова и снова ставятся пьесы, написанные в свое время по горячим следам гражданской войны: «Любовь Яровая» К. Тренева, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Шторм» В. Билль-Белоцерковского, «Разлом» Б. Лавренева. Всем нам дороги и благородный, озаренный преданностью делу революции облик Любови Яровой, и колоритная фигура матроса Шванди, никогда не теряющего ни самообладания, ни юмора, и суровый, волевой комиссар Кошкин, и многие другие персонажи пьесы Тренева. Близки нам привлекающие своей достоверностью портреты Братишки и председателя укома в пьесе В. Билль-Белоцерковского, Берсенев и Годун из «Разлома» Б. Лавренева. И, наконец, сравнительно недавно показанный в «Незабываемом 1919-м» Вс. Вишневского наряду с образами вождей революции облик моряка-балтийца Шибаева, согретый сердечным юмором.

Заключая свой доклад о проекте Конституции Союза ССР, Иосиф Виссарионович Сталин сказал:

«Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты. Это вооружает духовно наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию. Это двигает вперед и поднимает чувство законной гордости. Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма».

Именно такие чувства рождаются в душе советского человека, когда с высоты величайших завоеваний сегодняшнего дня он обращается мыслью в героическое прошлое своей социалистической Родины. С волнением смотрят наши люди сегодня новые спектакли, посвященные теме гражданской войны. Вот почему на сцене московских театров с успехом прошли в этом сезоне и «Северные зори» Н. Никитина, и «Этих дней не смолкнет слава» Л. Рудого, и «Сергей Лазо» Е. Бондаревой, и «Никогда не забудем!» М. Максимова.

На двух последних спектаклях мы и остановимся подробнее, чтобы проследить, насколько успешно развивают наши драматурги и театры опыт, нажитый советским сценическим искусством в творческой разработке тематики гражданской войны.

Драма Марка Максимова «Никогда не забудем!», поставленная Драматическим театром имени К. С. Станиславского, привлекает яркостью и значительностью выведенных в ней человеческих характеров, пристальным вниманием молодого писателя к языку героев, заботой о завершенности каждой роли. Все это дает актерам богатый материал для создания многогранных образов, радующих жизненной полнокровностью.

Режиссер Ю. Мальковский и артисты Театра имени Станиславского сумели хорошо использовать эти достоинства драмы Максимова и одновременно преодолеть отдельные ее недостатки, в частности, несамостоятельность некоторых драматических положений, вызывающих в памяти сходные положения других пьес. Получился сильный, темпераментный, запоминающийся спектакль об одном из самых значительных этапов гражданской войны — о разгроме колчаковщины.

Лучше всего удались драматургу, а вслед за ним и театру образы мужественных патриотов молодой Республики Советов, собиравших силы для борьбы против интервентов в тылу у Колчака — «правителя омского», к которому тяготела вся контрреволюция в России. М. Максимов сумел убедительно показать в своей пьесе тех замечательных коммунистов, которые боролись в подполье в тылу белогвардейских армий Колчака и подымали рабочих и крестьян на восстание против интервентов.

В центре спектакля обладающий большой привлекательностью образ партийного руководителя Масленникова, весьма выразительный в исполнении артиста А. Головина. Рядом с этим самоотверженным организатором подпольной и партизанской борьбы стоит

«Сергей Лазо» Е. Бондаревой. Постановка Центрального театра Советской Армии.

его верный помощник Степной, просто и правдиво обрисованный артистом В. Нещипленко. И в пьесе и в спектакле партийные руководители, готовящие свержение ненавистной, навязанной американо-английскими интервентами власти Колчака, показаны в тесном окружении рабочих и крестьян.

Теплыми, жизненными красками обрисована в спектакле семья омского машиниста Бугрова. Сам Бугров (артист В. Бубнов), по-сибирски кряжистый, сильный и прямой человек, его скромная, терпеливая жена Марфа Игнатьевна (артистка Е. Соколова), шустрый и сметливый сын Гошка (роль, талантливо сыгранная И. Козловым) и в особенности его старшая дочь, Ирина, прозванная в подполье «Железной» и предстающая перед зрителями в одухотворенном, сердечном исполнении Л. Гриценко, — все они мужественно и беззаветно служат революции. Трудной дорогой приходит к революции при помощи страстного и умелого агитатора Масленникова сибирский крестьянин Верюга (артист С. Маркушев). Судьбы всех этих людей заинтересовывают зрителей, завоевывают глубокую симпатию. Этим определяется успех спектакля в целом.

Значительно бледнее показан в постановке вражеский лагерь. Несмотря на ряд актерских удач (атаман Крапильников — Е. Весник, американский генерал Гревс — С. Мартьянов, французский генерал Жанен — В. Белановский, предатель Соло — А. Кулешов), представители армии интервентов и белогвардейцев зачастую кажутся условно-театральными, а не реальными историческими фигурами. Особенно относится это к зловещей фигуре ставленника Антанты — Колчака, бесцветно и невыразительно сыгранного артистом В. Куманиным. Международная шпионка Дранг в испол-

«Никогда не забудем!» М. Максимова в постановке Московского драматического театра имени К. С. Станиславского. Сцена из 2-го действия. Ирина Бугрова (Л. Гриценко) и Александр Масленников, один из руководителей большевистского подполья (А. Головин).

нении И. Прейс выглядит злодейкой из старинной мелодрамы. Эти недостатки в спектакле, сохраняющем живое ощущение атмосферы гражданской войны, вызывают досаду.

Если М. Максимов ставил перед собой задачу создания живых драматических портретов героев гражданской войны, то в пьесе Е. Бондаревой «Сергей Лазо» столь же отчетливо чувствуется иное намерение автора — дать широкие картины народной борьбы против интервенции, показать на сцене воодушевленные революцией массы. Это намерение автора увлекло и режиссеров Центрального театра Советской Армии И. Ворошилова и А. Харламову. Огромная сцена театра хорошо приспособлена для создания больших батальных полотен, для показа многолюдных и ярких сцен. Подобная задача в свое время с успехом была решена театром в спектакле «Пархоменко» Всеволода Иванова. Ныне в центре спектакля стоит вдохновенный образ другого героя, самородка — полководца гражданской войны Сергея Лазо. Самая же пьеса, в которой добрых полсотни действующих лиц, не считая еще множества безыменных — партизан, белогвардейских офицеров и других персонажей, — подсказывает решение широкое, в духе народной драмы.

Но, к сожалению, Е. Бондаревой не вполне удалось реализовать свой интересный замысел. Неопытность молодого драматурга, недостаточное внимание автора к живой речи героев его произведения привели к схематизму в обрисовке персонажей пьесы и, естественно, к недостаточной яркости образов спектакля.

В спектакле есть несколько запоминающихся, наделенных жизненной правдой лиц. Сухо написанную роль товарища Гордея, одного из партийных руководителей владивостокского подполья, с редким мастерством играет П. Константинов. Актер привнес в этот образ свои собственные жизненные наблюдения, и зрители увидели на сцене человека большого, проницательного ума, крепкого организатора, настоящего воспитателя. Н. Колофидин, правдиво, с множеством ярких деталей сыгравший командира партизанского отряда Черняка, К. Нассонов, блестяще исполнивший маленькую роль солдата Корнея Скалки, Андрей Попов, создавший остро характерный образ белого офицера Строганова, наконец, Л. Фетисова, точно обрисовавшая шпионку Белову, — все эти исполнители полностью реализовали возможности, предоставленные им автором пьесы.

Но зато такие известные и опытные мастера, как народные артисты РСФСР В. Ратомский (Никанорыч) и А. Хохлов (Уолтер Вуд), не сумели преодолеть предельной сухости и отрывочности текста своих ролей. В трудном положении оказались и многие другие исполнители: торопливо, фрагментами набросанная пьеса не дает им раскрыть свое мастерство.

Особо следует сказать о центральном образе спектакля — образе Сергея Лазо. Наряду с Котовским, Чапаевым, Щорсом, Пархоменко Лазо навсегда останется в памяти советского народа воплощением подлинного героизма, полководческого таланта и беззаветной преданности делу революции. Е. Бондаревой удалось в своей пьесе раскрыть некоторые черты этого замечательного образа: показать личную храбрость Лазо, его ум, его решительность и целеустремленность. Но попытки драматурга раскрыть облик Лазо как партизанского вожака, организатора народных масс, пламенного агитатора не увенчались успехом. Это объясняется не только хроникальной дробностью пьесы, но и особенной сухостью речи, которой автор несправедливо наделяет Лазо. Неполный в пьесе, этот образ остается неполным и в спектакле. М. Майоров, играющий роль Лазо, не сумел показать широкую душу и ясную мысль героя-самородка, передать его человечность. Образ Лазо в спектакле Центрального театра Советской Армии менее значителен, духовно обеднен в сравнении с подлинным Лазо, о котором так страстно и красноречиво рассказывают страницы истории.

Искусство народной драмы — искусство сложное и трудное. Оно требует от автора умения показать конкретные и яркие образы героев, а не только «живые картины» борьбы. Оно требует от режиссуры создания динамичных, проникнутых энергией и страстью массовых народных сцен. Мы хорошо помним такие народные сцены в спектаклях Центрального театра Советской Армии — в «Пархоменко» и «Незабываемом 1919-м», в «Сталинградцах» и «Южном узле». Мы не увидели их в спектакле «Сергей Лазо».

Сказанное, думается, свидетельствует о том, что даже такая заведомо волнующая зрителей тема, как тема гражданской войны, требует от драматургов, от режиссеров и актеров более высокого и точного художественного мастерства.

«Никогда не забудем!». Сцена из 4-го действия.

Образ труженика

Заметки художника

Читая и перечитывая директивы XIX съезда коммунистической партии по пятому пятилетнему плану, каждый человек видит в них величественную картину прекрасного будущего своей Родины. Близкое и реальное, это будущее уже входит в свои права, на наших глазах преображая, делая все краше облик страны.

Для художника в директивах съезда непочатый край тем. За строками точных формулировок, за цифрами роста производства он видит воочию мощные корпуса новых заводов и электростанций, богатейшие урожаи на родных полях, молодые леса, преображенные пустыни, цветущие сады. И самое дорогое и ценное — за всем этим стоит герой наших дней, прекрасный в своем творческом порыве советский простой человек.

Как используют наши художники тот богатейший, разнообразный материал, который предлагает им жизнь? Как отражаются в их полотнах мирные творческие будни страны, какие новые грани в образах советских людей-тружеников открывают эти произведения? Вот вопросы, которые волнуют особенно сильно, когда пытаешься оценить работы, представленные на Всесоюзной художественной выставке 1952 года.

Отрадно, что многие показанные на выставке полотна повествуют о днях нашей жизни, о главном ее содержании — созидательном труде.

Мне кажется, что наиболее ценными являются те произведения о трудовом творчестве строителей коммунизма, в которых неотделимы друг от друга «проза» и «поэзия» повседневности: строгая, документально точная верность изображения фактов трудовой деятельности и лирическое, сердечное, теплое ее раскрытие.

Из показанных на выставке картин этими качествами в той или иной мере обладают, на мой взгляд, такие работы, как «Свежий номер цеховой стенгазеты» А. Левитина и Ю. Тулина, «На рассвете. (Молодые изыскатели)» В. Гаврилова, «Подшутили» Н. Данилина, «Проба стали» Е. Данилевского, и некоторые другие произведения.

А. Левитин и Ю. Тулин разработали увлекательный, острый сюжет: в обеденный перерыв рабочие окружают только что вывешенный номер цеховой стенгазеты. Ее содержание всех задело за живое. Юноша в майке — о нем, видно, и написано в газете, — должно быть, подвел свою бригаду: недаром таким осуждающим, даже гневным взглядом смотрит на него белокурая девушка, стоящая справа от него. Пытаясь оправдаться, виновник события нерешительно жестикулирует, но позиции его шатки: все вокруг смотрят на него, кто чуть улыбаясь, кто с явной насмешкой. Убедительно охарактеризован мальчуган-ремесленник, очень довольный тем, как его товарища «прохватили». Рабочий в тельняшке строго, без улыбки рассматривает газету, — должно быть, это ее редактор, бросающий последний оценивающий взгляд на свою работу. Правдоподобны и некоторые другие персонажи. Вся эта конфликтная ситуация предоставила художникам большие возможности для создания ярких и разнообразных характеристик. Надо отдать должное А. Левитину и Ю. Тулину: они этими возможностями хорошо воспользовались, создав целую серию убедительных, жизненных образов. Мы получаем многогранное представление о людях завода.

И все же в работе молодых авторов этой картины есть пробелы: не все персонажи имеют свою определенную роль в изображенной сцене, колориту полотна не хватает насыщенности и единства. Но художники сумели по-новому показать заводскую жизнь, и отдельные шероховатости их произведения бесспорно перекрываются значительными достоинствами его в целом.

Столь же свежо и смело, без оглядки на традиционные решения темы построил свое полотно и В. Гаврилов. Оно легко и с интересом «читается».

...Должно быть, экспедиция проходит удачно и принесла массу нового материала. Но молодым геологам, быть может, впервые самостоятельно отправившимся на сложные изыскательские работы, явно приходится нелегко. Ночь на исходе, в палатку геологов через откинутый полог вползает голубоватый туман рассвета, а трое изыскателей так и не прилегли отдохнуть после напряженного дня. Двое бьются над решением какой-то сложной задачи, третий, погруженный в глубокое раздумье, стоит у входа в палатку, всматриваясь в виднеющиеся вдали горы.

Во всем полотне Гаврилова — простом, но выразительном сюжете, четких характеристиках, скромной, скупой манере испол-

нения — чувствуется единство мысли живописца. Он стремился рассказать о высоком удовлетворении, которое ждет тех, кто смело идет по непроторенным дорогам, рассказать о счастье творчества.

В. Гаврилов совсем недавно окончил художественный институт, он находится в начале своего творческого пути. И очень хочется пожелать молодому одаренному живописцу, чтобы он уже с первых лет жизни в искусстве воспитал в себе высокую требовательность к своим произведениям. Ведь отлично задуманное полотно Гаврилова все же страдает незавершенностью.

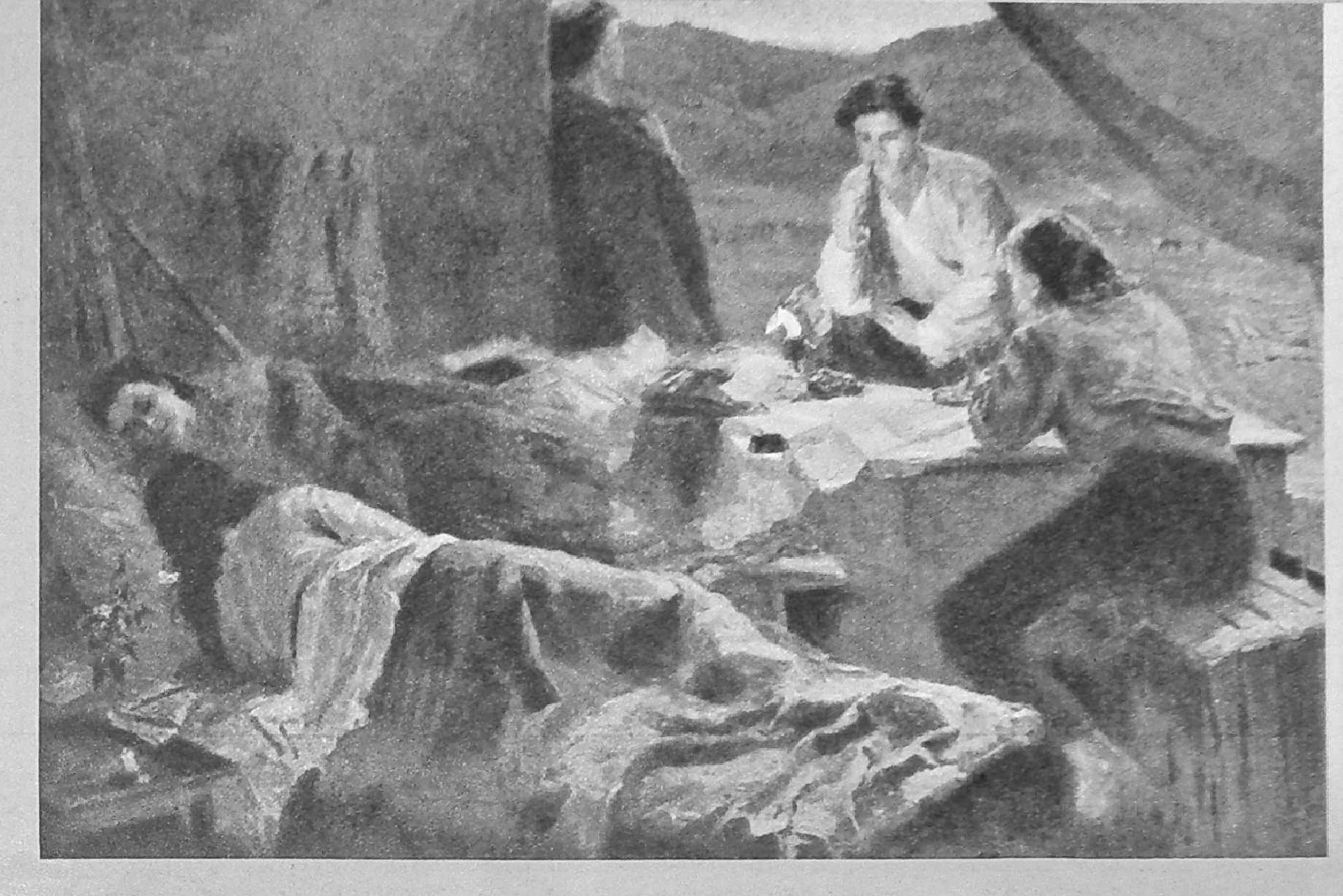
Правдивость, убедительность картин Гаврилова, Левитина и Тулина во многом объясняются тем, что они сумели подойти к жизни своих героев как участники общего дела, до тонкости знающие его характер и обстановку. Вот такая же подкупающая достоверность рассказа есть и в картине Н. Данилина «Подшутили» — непритязательной на первый взгляд жанровой сценке, трогающей своей жизнерадостностью.

Хорошая картина Данилина была бы еще лучше, если бы живописец более тщательно и вдумчиво поработал над психологическими характеристиками. Духовный облик молодых колхозников показан им несколько обедненно. В еще большей степени этот упрек следует адресовать автору полотна «Клевер убирают» Ю. Подляскому. Он нешаблонно, со знанием дела показал момент уборки, но довольно-таки поверхностно отразил душевную жизнь своих героев.

Полотно «Клевер убирают» примыкает к серии произведений, показывающих определенные трудовые процессы. В их числе «Проба стали» Е. Данилевского, «В мартеновском цеху» В. Ховаева, «Хлеба созрели» Л. Фаттахова и некоторые другие. Это неравноценные работы: наиболее живой и содержательной мне представляется картина Е. Данилевского.

Несомненно, что изображение трудовых процессов с каждым годом будет все более и более привлекать внимание художников. Поэтому крайне важно вдуматься в причины одного общего недостатка произведений на подобную тематику. А. М. Горький говорил на Первом съезде советских писателей: «В нашей стране поставлено целью... превратить труд людей в искусство управления силами природы». Вот именно этого — изображения свободного труда как искусства, в котором широко и полно раскрывается творческая натура наших людей, — не хватает многим произведениям, стремящимся отобразить трудовые процессы! Порою художники ограничиваются показом мощной современной техники (на нынешней выставке это особенно заметно в целом ряде графических циклов), порою, показав на первом плане людей, не раскрывают в их действиях поэзии творческого труда.

В преодолении подобных недостатков картин на темы труда огромную помощь может оказать нам, художникам, обращение к опыту классического русского искусства. Например, зритель получает ясное и полное представление о том, что именно делают репинские бурлаки или кочегар в



В. Гаврилов. НА РАССВЕТЕ. (МОЛОДЫЕ ИЗЫСКАТЕЛИ).

известной картине Н. Ярошенко. Но ценность этих замечательных полотен, разумеется, не сводится к тому, что они хорошо иллюстрируют профессиональные особенности труда бурлаков и кочегаров XIX века. Показав людей в момент труда, Репин и Ярошенко отразили его подневольный характер, нарастающее в рабочих чувство социального протеста, все индивидуальное своеобразие физического облика и душевного строя каждого из работающих.

Наши художники должны стремиться к показу свободной и радостной жизни своих современников в такой же тесной связи с характерными чертами эпохи, с такой же полной и цельной обрисовкой людей труда, какую мы встречаем у классиков.

Было бы глубоким заблуждением отделять так называемую «производственную тематику» от всякой другой. Одна из причин неудачи некоторых из художников, изображающих рабочих, колхозников, ученых, в том и заключается, что они даже не пытаются представить себе своих героев за пределами обычной рабочей обстановки, а это неизбежно приводит к схематизму, ограниченности образов людей труда. В искусстве должны быть показаны все важнейшие стороны жизни советских тружеников: их быт, повседневные их радости и горести, их дружба и любовь, отношение к природе, спортивные и иные увлечения.

У советского искусства есть свои ценные традиции изображения трудовой жизни, людей труда. Эти традиции начали складываться еще в двадцатые годы, когда были созданы такие значительные полотна, как «Рабфак идет» Б. Иогансона, «Транспорт налаживается» Б. Яковлева, и другие. Много работали наши художники над темой труда в тридцатые годы, на вторую половину которых приходится организация специальной выставки «Индустрия социализма». На этой выставке было показано классическое произведение советского искусства — «На старом уральском заводе» Б. Иогансона — и большая серия работ других художников о трудовой жизни страны социализма. В послевоенные годы эту тематику успешно разрабатывали Т. Яблонская, Г. Горелов, П. Котов, А. Пластов и другие мастера.

Всесоюзная художественная выставка 1952 года продолжает эти традиции, особенно в области создания живописных повествований о повседневной жизни людей труда. Но мы, жанристы, все еще в огромном долгу перед партией, народом.

Ф. РЕШЕТНИКОВ

Ю. Подлясский. КЛЕВЕР УБИРАЮТ.

Как это было

Альберто **ЯКОВЬЕЛЛО**

Письмо из Рима

Если вы спросите, чем живет трудовой Рим в последние недели, ответ может быть один: Рим борется за конституцию, за республику, за политические свободы, которые хотят отнять у итальянского народа те, кто служит американским миллиардерам.

Во время демонстрации протеста против закона-ловушки полицейские ранили в голову депутата парламента, члена ЦК Итальянской компартии, ответственного редактора газеты «Унита» товарища Пьетро Инграо.

Долго будет жить в памяти итальянцев день 20 января. В этот день столица была похожа на огромную машину, у которой внезапно замерли в полной неподвижности бесчисленные колеса, колесики, рычаги, приводные ремни.

Вечером, в половине шестого, по улицам Рима прошли последние автобусы и трамваи. Они спешили в парк, чтобы там и остаться на время забастовки. Площади центра были забиты неподвижными вагонами трамвая. Всюду люди собирались группами, всюду вспыхивали горячие разговоры. Население Рима обсуждало то, что непрерывно в течение двух суток происходило в парламенте: там депутаты оппозиции от имени народа твердо и мужественно боролись с правительством войны и нищеты, задумавшим навязать Италии фашистский избирательный закон.

Правительство не заставило себя ждать: на улицах Корсо, Тритоне, на всех магистралях центральной части Рима очень скоро появились крупные моторизованные отряды полицейских и солдат. На массы народа, запрудившие тротуары, были направлены дула винтовок и пулеметов.

Парламент, со всех сторон окруженный полицейскими отрядами, казался огромной тюрьмой. Доступ к нему был прекращен — ни одна машина, ни один пешеход не мог туда пробраться. В радиусе 200 метров от здания палаты депутатов прохожих останавливали, требовали документы, обыскивали.

Еще с утра министр внутренних дел созвал экстренное совещание. Был разработан «стратегический» план размещения полицейских сил по городу. Правительство больше всего было озабочено тем, как помешать жителям столицы выразить свое возмущение по поводу мошеннического избирательного закона и нарушения конституции.

Но, как это случалось уже не раз, правительство недооценило силы народа.

Около 6 часов перед кордонами полицейских, «защищавших» центр Рима, вдруг взвилось огромное знамя, поднятое руками молодых рабочих и студентов. Тысячи голосов запели патриотический гимн. Полицейские в первую минуту остолбенели. Взбешенные начальники приказали пустить в ход дубинки. Но песня не умирала — она затихала в передних рядах, чтобы тотчас быть подхваченной тысячами других голосов. Знамена развевались на ветру, переходя из рук в руки. Вой сирен полицейских машин, свирепый и беспомощный, не мог заглушить возгласов: «Да здравствует конституция!»

Голос народа прорвался через стены парламента.

Несколько депутатов оппозиции, а с ними и мы, корреспонденты, вышли на улицу.

Вокруг парламента и на прилегающих улицах действовали уже не сотни, а тысячи полицейских. Они хватали людей без разбора. Было арестовано около полутора тысяч мужчин и женщин. Но с грузовиков, на которых их увозили, продолжали звучать песни борьбы и мира.

Появление депутатов оппозиции, среди которых были Пьетро Инграо, ответственный редактор центрального органа Итальянской компартии «Унита», и Альдо Натоли, секретарь Римской федерации компартии, вызвало новый взрыв патриотических чувств демонстрантов. Со всех сторон неслись приветствия депутатам оппозиции, люди хором провозглашали лозунги: «Да здравствует конституция!», «Да здравствует республика!»

Все это приводило в исступление вооруженных до зубов молодчиков Шельбы. Жертвой их бессильной злобы оказался депутат Пьетро Инграо: он был ранен в голову ударом полицейской дубинки. Взволнованная, возмущенная толпа проводила Инграо до самого входа в парламент. Там он, обливаясь кровью, бросил со своего парламентского места гневные слова обвинения премьеру де Гаспери, верному прислужнику американского капитала.

А на улицах Рима народ продолжал мужественно отбивать нападения полицейских свор, спущенных властями.

Вся Италия, не только Рим, была единодушна в эти дни в своем боевом протесте против плана правящей клики — удушить свободу народа.

В Болонье полиции не удалось рассеять пятитысячную толпу женщин, которые собрались в центральной части города, чтобы выразить свое возмущение действиями врагов конституции. Всеобщая забастовка вспыхнула в Реджо-Эмилии. В Модене, Турине, Милане огромные демонстрации проходили под лозунгом недоверия правительству и верности конституции и республике. Кипел народным гневом юг Италии — от больших городов, как Неаполь и Палермо, до маленьких крестьянских сел, как Рионеро ин Вуотурэ, в провинции Лукания, где полиция стреляла в крестьян.

...Как корреспонденту «Унита» мне пришлось побывать за последнее время во многих районах Италии. Я вел долгие разговоры с рабочими и крестьянами, с женщинами и молодежью, с мелкими предпринимателями и ремесленниками. Борьба против жульнического избирательного закона, за демократические права принимает повсюду самые разнообразные формы. Эта борьба пронизана живой, разносторонней инициативой масс.

Маленький городок Пиомбино, в провинции Ливорно... В свое время он прославился мужественной борьбой против гитлеровских оккупантов и муссолиниевских фашистов. Сейчас все жители поголовно оказали поддержку рабочим одного из крупных металлургических заводов, когда те подверглись репрессиям со стороны хозяев и властей за забастовку в защиту конституционных свобод.

В области Марке, в провинции Анкона, в конце января выпал снег. Но дороги области были оживленны, как никогда. Крестьяне спозаранку покидали деревни и отправлялись в районные центры. Там на митингах и собраниях они резко и сурово протестовали против избирательного закона-ловушки, который служит интересам угнетателей трудового крестьянства.

Рим видел за это время и продолжает видеть на своих вокзалах и улицах группы людей, направляющихся к парламенту. Это делегации от широких масс населения провинциальных городов и сельских районов. Несмотря на то, что избирательный закон, грубо нарушающий конституцию, уже принят палатой депутатов и перешел на обсуждение сената, делегации со всей Италии продолжают прибывать в столицу.

Среди делегатов я видел стариков — родителей двух крестьян, убитых полицией в маленьком калабрийском селении Мелисса. За что их убили? За попытку занять пустующую землю одного из крупных помещиков. Престарелые крестьяне впервые посетили столицу своей страны. Они хотели узнать: когда же наконец будут преданы суду убийцы их сыновей? По мнению этих тружеников-земледельцев, всю свою жизнь не видавших довольства и обеспеченности, правительству следовало бы лучше заняться вопросом о наказании тех, кто убивает честных итальянцев, чем обманывать народ и навязывать ему бесчестные законы.

Приехала в Рим сестра семерых партизан Чэрви из Реджо-Эмилии. Она сказала: «Не для того отдали свои жизни мои братья-партизаны, павшие в боях с немецкими фашистами, чтобы теперь правительство топтало ногами демократические свободы, завоеванные стольними жертвами». Она добавила, что народ ее родного города не согласен с законом-ловушкой.

Много мы перевидали в Риме таких посланцев народа — пастухов из Сардинии, рабочих из Ливорно, рыбаков из Гаеты. Все они были выбраны делегатами на многолюдных митингах и собраниях, и все они направлялись в парламент, имея в руках наказы от народа — требовать отмены закона, с помощью которого хотят извратить и фальсифицировать волю народа Италии.

В этих наказах простые люди Италии требуют строить жилые дома и школы, чинить дороги, требуют земли для безземельных крестьян. Я читал эти страницы, написанные простым, безыскусным народным языком. В них говорится об огромной нужде, в тисках которой задыхается Италия. «Вот чем надо заниматься парламенту, а не протаскиванием закона, придуманного для того, чтобы украсть у многих миллионов итальянцев право иметь в парламенте своих представителей».

В самом парламенте, как известно, против закона-ловушки голосовали не только коммунисты и социалисты. К ним примкнуло семь депутатов социал-демократов. Голосовали против закона также депутат от партии либералов Корбино, бывший депутат демократической партии Терранова, либерал Джузеппе Нитти.

Но, главное, против закона-ловушки голосовали миллионы граждан Италии, понявших всю опасность закона, который должен, по мысли его изобретателей, «подарить» большинство мест в парламенте христианским демократам, которым никак не удавалось до этого времени собрать в стране более сорока процентов голосов избирателей.

Глубоко прав Пальмиро Тольятти, который сказал в парламенте, обращаясь к правительству:

«То, что вы теперь совершаете, еще раз убедительно доказывает, что законность, конституционность, дух и буква закона — только пустые слова для привилегированной группы правителей-капиталистов, как только дело касается того, чтобы помешать росту авторитета и престижа народных масс, помешать приходу трудящихся к власти».

Миллионы и миллионы мужчин и женщин Италии жаждут коренных изменений положения в стране, они хотят, чтобы нацию возглавили люди, выражающие волю к миру, к прогрессу, способные бороться за мир и прогресс.

Народ во всех концах Италии во весь голос заявляет свою волю помешать беззаконному нарушению демократии.

Рим, февраль.

Все магистрали столицы в этот день были запружены моторизованными отрядами полиции.

Волк в шапке

Среди монголов-скотоводов широко распространена охота на волка верхом на лошади с ташуром в руках. Ташур — это кнут, к рукоятке которого прикреплен коротких ремешок.

...Обнаружив волка в степи, охотник начинает его преследовать. Зверь, чувствуя опасность, напрягает все силы, чтобы спастись. Но, гласит монгольская поговорка, как коню, когда он один, не уйти от волка, так и волку не уйти от коня, если на нем сидит хороший всадник. Вот охотник сблизился с волком, заехал слева и наметился на уязвимое место хищника — немного повыше носа. Точный, короткий удар ремешком — и волк, кувыркнувшись через голову, растягивается на траве...

Я слышал любопытный рассказ об охотнике, который уничтожил шестьдесят волков, но на шестьдесят первом осекся и упустил зверя.

Один арат верхом на лошади возвращался домой. В пути его застала ночь. Светила луна. Вдруг конь резко бросился в сторону, вскинул голову и захрапел. Всадник заметил пробегавшего впереди волка. Как ни спешил арат домой, но дать уйти волку невредимым он не мог: таков закон степей. Приподнявшись на стременах, он отпустил поводья. Конь помчался вперед и настиг хищника. Арат заехал сбоку и занес над головой ташур, но... рука его точно окаменела. Глазам представилось нечто странное: на голове волка была надета высокая, остроконечная шапка. Арат даже не заметил, как остановил коня...

Утром необыкновенного зверя увидели еще несколько скотоводов, и скоро молва о волке в шапке разнеслась по всей округе. На хищника была устроена облава. Когда его свалили на землю, все разъяснилось.

Это был гобийский волк, случайно забравшийся в так называемую хангайскую полосу. Здесь он встретился со зверьком, который не водится в Гоби,— с тарбаганом. Волк-пришелец решил, что взять этого жирного неуклюжего зверька — дело простое, но он жестоко ошибся. Разъяренный в минуту смертельной опасности тарбаган впился зубами в голову волка между ушей и мертвой хваткой сжал челюсти. Часть зверька волку удалось отгрызть, а часть так и осталась висеть на голове. Под палящими лучами солнца остатки тарбагана высохли и издали были похожи на меховую шапку, надетую на голову волка.

Любопытный тарбаган

Охоту на тарбагана в Монголии можно без преувеличения назвать народной охотой. Ежегодно добываются миллионы шкурок этого зверя.

Мой спутник кинооператор Джиг-Жит рассказал, как эти зверьки поставили его однажды в смешное положение:

— Сотрудники нашей кинофабрики взяли на себя обязательство добыть 250 шкурок. В бригаду охотников включили и меня. А я человек севера, тарбагана у нас нет. Мне было неловко признаться, что в охоте на тарбагана я ничего не смыслю. Думал, дело несложное, освою.

Рано утром с мелкокалиберной винтовкой в руках я вышел к тарбаганьим норам. Зверьки, выглядывавшие из нор, заметили меня, раздались пронзительные крики. Затем тарбаганы скрылись под землей. Я растерялся. Как же приблизиться к ним на расстояние выстрела? Я прибегал к разным способам: продвигался согнувшись, ползал на животе, залегал недалеко от нор... К вечеру, усталый и разбитый, не добыв ни одной шкурки, я зашел отдохнуть в ближайшую юрту. Хозяином ее оказался опытный охотник. Он посмеялся над моими неудачами и раскрыл тайну охоты на тарбагана.

У тарбагана есть одна слабость — он чрезвычайно любопытен. Любопытство он проявляет к необычному, странному, непохожему на все то, что он видел до сих пор...

На другой день я снова вышел на охоту, одевшись во все белое, на голове у меня торчал белый колпак. Направляясь к тарбаганьим норам, я выделывал руками и ногами причудливые движения, точно исполнял какой-то танец. Тарбаганы на этот раз кричали особенно пронзительно. Выбираю одного и все время наблюдаю за ним. Мой вид и мой танец так увлекли его, что он продолжал выглядывать из норы и тогда, когда я подошел совсем близко. Теперь оставалось выманить зверька из норы. Не переставая исполнять свой «танец», я стал приседать к земле, постепенно уменьшаясь в росте. Чем ниже я приседал, тем больше любопытный тарбаган высовывался из норы. Я лег на траву. Зверек совсем вылез наружу и, присев на задние лапы, стал искать меня. Вспоминаю наказ охотника: стрелять только в голову; если попадешь в корпус, тарбаган успеет уползти в нору — и оттуда его не достанешь. Спокойно спускаю курок, и первый зверь мягко опускается на землю у норы.

Я. ЖАКИН

Рисунки В. Высоцкого.

Улетевшая уха

На льду одного из заливов канала имени Москвы я сидел около проруби и ловил рыбу. У моих ног возвышалась порядочная горка плотвичек, окуньков, ершей.

— Э-э!.. Да, у вас славная уха!

Я повернул голову. Около меня стоял человек в шапке-ушанке и пристально смотрел на мой улов.

— А у вас какие успехи? — в свою очередь поинтересовался я.

Человек махнул рукой:

— Какие там успехи! Хоть бы раз пошевелило.

— Садитесь по соседству, веселей будет.

— Придется попробовать.

Рыболов отошел от меня на почтительное расстояние и стал долбить лед. Через несколько минут он уже действовал своими снастями.

Примерно через час я пошел навестить своего соседа. У его больших валенок возвышалась такая же горка рыбы, как и у меня.

— Поздравляю... Вот и вы с ухой.

— Пожаловаться не могу,— проговорил он, снимая с крючка только что пойманного ощетинившегося ерша.

— К вам просьба,— обратился я к рыболову.— Посмотрите, пожалуйста, за моим хозяйством, а я сбегаю вон в тот заливчик. Видите, сколько там рыболовов: очевидно, очень хороший клев.

— Будьте покойны.

Я отсутствовал не более четверти часа. А когда вернулся к своим лункам, то не нашел около них ни одной рыбешки. Удочки и все остальное находилось в том же порядке, в каком я его и оставил.

«Что случилось?» — удивился я и пошел объясниться к своему соседу.

— Что вы говорите! — выслушав меня, виновато вскрикнул мой сосед и вскочил со своего ящика.— Как же так могло получиться? Ни одного человека тут не проходило. Пойдемте-ка вместе обследуем...

Мы подошли к моим лункам и внимательно осмотрели то место, где еще недавно находился мой улов.

— Представьте, совершенно верно,— пожимая плечами, пробормотал рыболов.— Ну, как это я мог проворонить?! Но, во всяком случае, ваши интересы не должны пострадать. Я обязан...

Рыболов оказался очень щепетильным человеком и настаивал на том, чтобы я воспользовался его уловом. В свою очередь я старался его успокоить.

Случайно я перевел взгляд в сторону лунок моего соседа. Около них молча хозяйничала стая ворон. Среди них мелькали и белые бока «воровок» сорок.

Пока мы добежали до лунок, и у моего соседа не осталось ни одной рыбешки.

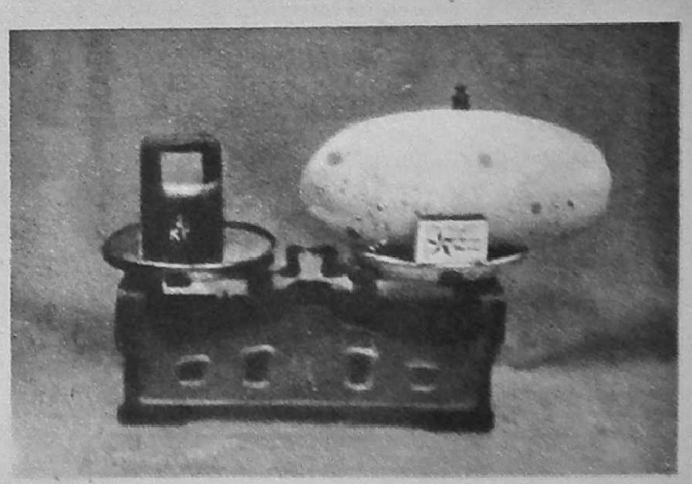
Мы взглянули друг на друга и расхохотались.

Так и улетела наша уха...

С. МИНАЕВ

Из почты «Огонька»

ОГУРЦЫ «СИБИРЬ»



На фотоснимке огурец, экспонированный на областной сельскохозяйственной выставке в городе Молотове.

Огурец весит 1 970 граммов. Этот сорт крупноплодных огурцов выведен овощеводом-опытником М. Г. Репиным и назван им «Сибирь».

Огурцы «Сибирь» — белого цвета, с тонкой коркой. Форма огурца удлиненная, оба конца одинаково закруглены. Средний вес — от 900 до 1 500 граммов.

Ранние огурцы «Сибирь» в условиях Урала выращиваются в парниках, позднее — в открытом грунте.

А. КОЩЕЕВ
город Молотов.

В тайгу соболи поехали на оленях.

Звери путешествуют

Поезд идет из Восточной Сибири. В одном из вагонов необычные пассажиры: темные баргузинские соболи. Они сидят в переносных клетках.

Ценные зверьки едут на Урал и в Тюменскую область. Они отловлены для улучшения породы уральских соболей. В прибайкальской горной тайге звероловы отыскивают «квартиры» баргузинских соболей, которые любят жить в каменных россыпях или дуплах упавших кедров. Эти места обметывают особыми сетями — и звери пойманы.

Свердловская областная контора «Заготживсырье» с помощью работников Уральского отделения Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего промысла трижды выпускала в леса Свердловской области соболей-переселенцев.

В 1952 году более ста баргузинских соболей было выпущено также в Ларьякском районе, Тюменской области, на берегах таежной реки Вах. В Тюмени дальневосточные гости покинули вагон. До Ханты-Мансийска их везли на транспортном самолете, в Сургуте перегружали на маленькие самолеты, летевшие до устья реки Вах, затем до Ларьяка соболей перебрасывали на лошадях, от Ларьяка в тайгу — на оленях.

Соболи путешествовали сорок пять дней.

Н. РОЗИНА

Свердловск.

Вот и приехали... Кажется, здесь неплохо!

Фото Н. Полузадова

Их образ жизни

ПОЧЕМУ УВОЛЕН СКРИПАЧ

После того как в штате Мичиган (США) было произведено следствие о «коммунистических происках», там был в числе других уволен со службы скрипач Яновер.

В чем состояла «коммунистическая деятельность» этого человека, никто не мог сказать. Но председатель союза музыкантов в Детройте, состоящий агентом Федерального бюро расследований (охранки), дал по поводу этого увольнения такое разъяснение:

«Раз Яновер не заявил, что он не коммунист, значит, он коммунист. А если он коммунист, то он не имеет права играть на скрипке».

ТАМ, ГДЕ ПРАВЯТ ГАНГСТЕРЫ...

Американский журналист Говард Уитмен приводит в своей книге «Террор на улицах» несколько иллюстраций к «американскому образу жизни»:

«Священники вынуждены отказаться от вечерних церковных служб, так как прихожане не решаются с наступлением сумерок выходить на улицу. Ежегодно в стране арестовывают два миллиона детей и подростков, совершивших разные преступления — от краж до убийств. Семь телевизионных центров Лос-Анжелоса в течение одной лишь недели показали в своих вечерних передачах девяносто одно убийство, семь вооруженных нападений, три похищения, десять краж и т. д.».

А вот история, которую поведал Уитмену один полицейский из Филадельфии:

«Как-то я задержал содержателя тайного притона. Это был первый арест, произведенный мной. Арестованный предложил мне взятку в сто долларов, но я с достоинством отверг ее. Потом арестованный предстал перед судьей, и тот прекратил дело «за отсутствием улик». Это было мне хорошим уроком: я отказался от ста долларов, а кто-то чином повыше получил двести; я вел себя, как дурак».

«Ля демокраси нувель».

Из воспоминаний о Марке Твене

Молодой Марк Твен поступил учеником в типографию и оказался под начальством у старого мастера, ворчуна-ирландца. Он перед тем, как допустить Твена к работе, решил «проинструктировать» его.

— Ты заметь себе, — сказал он, — у нас не должно быть с тобой никаких лишних разговоров. Если мне потребуется позвать тебя, я свистну, ясно?

На что Твен ответил:

— У нас с вами в этом отношении одинаковый склад характера. Так что и вы заметьте себе: каждый раз после вашего свистка вам придется смотреть в мою сторону. Если я кивну головой,— значит подойду к вам, а если замотаю головой из стороны в сторону,— значит ваш свист оставлен без последствий...

Марка Твена однажды пригласил к себе в гости богатый сосед; в его библиотеке были интересные книги, которые Твену хотелось бы взять на несколько дней для прочтения. Когда писатель заговорил об этом, сосед ответил ему, что принципиально не дает другим своих книг, но готов предоставить писателю возможность прочесть их в самой библиотеке.

Несколько дней спустя этот же сосед прислал к Твену слугу с просьбой одолжить ему на несколько часов машинку для стрижки газонов и тотчас получил ответ:

«Не в моих принципах позволять моей газонной машинке покидать мою усадьбу, но если вам угодно использовать ее на моем газоне, то к вашим услугам в любое время».

Первая пьеса Твена, «Полковник Селлерс», имела большой успех. Писателя стали осаждать директоры театров с просьбами написать и для них пьесы. Однажды к Твену явился репортер и сказал, что он слыхал, будто писатель работает над большим драматическим произведением, и хотел бы узнать, как далеко продвинулась его работа. Великий юморист ответил:

— Можете сообщить в вашей газете, что я пишу драму, состоящую из четырех актов и трех антрактов, и что я уже закончил все три антракта.

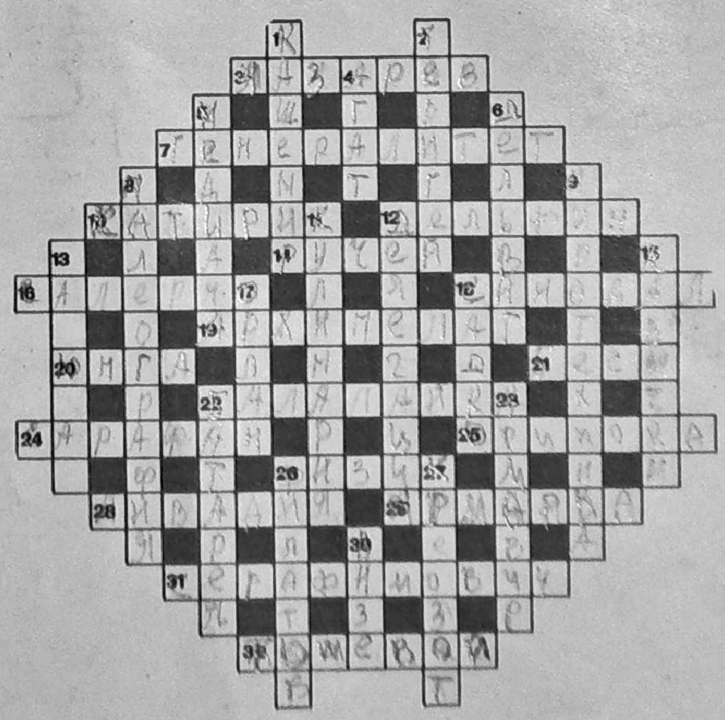
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Русский адмирал. 7. Высший командный состав. 10. Писатель-обличитель. 12. Морское млекопитающее. 14. Небольшой водный поток. 16. Город в Италии. 18. Персонаж оперы А. Рубинштейна «Демон». 19. Группа морских островов. 20. Ученик во флоте. 21. Стихотворение А. С. Пушкина. 22. Музыкальный инструмент. 24. Род женского платья. 25. Река в Южной Америке. 26. Специальность ученого. 28. Курорт в Крыму. 29. Торг. 31. Советский писатель. 32. Один из участников «Молодой гвардии».

По вертикали:

1. Тонкая шерстяная ткань. 2. Ближайшая к Земле точка лунной орбиты. 4. Минерал, разновидность кварца. 5. Отрезок прямой, соединяющий вершину треугольника с серединой противолежащей стороны. 6. Русский поэт, друг А. С. Пушкина. 8. Наука о внешнем виде и письме древних рукописей. 9. Изготовление горючих светящихся и взрывчатых составов. 11. Искусство приготовления пищи. 12. Группа уполномоченных представителей. 13. Приток Оби. 15. Знаки в правописании. 17. Морской орел. 18. Советская кинокартина. 22. Артиллерийское или минометное подразделение. 23. Город в Краснодарском крае. 26. Известный советский ученый-медик. 27. Жидкость, получаемая перегонкой древесного или каменноугольного дегтя. 30. Советский полярный исследователь.



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

5. «Воскресение». 8. Экран. 9. Гагра. 11. Чибис. 13. Москвин. 15. Мандрил. 16. Иваново. 17. Навага. 18. Нарова. 19. Патока. 22. Любовь. 23. Реклама. 24. Подруга. 26. Наречие. 28. Майор. 29. Лиман. 30. Пекин. 31. Цивилизация.

По вертикали:

1. Бовари. 2. Оригинал. 3. Осьминог. 4. Цитата. 6. Экскаваторщик. 7. Предположение. 10. Корнеплод. 12. Кибальчич. 14. Ниагара. 15. Монблан. 20. Акварель. 21. Лаконизм. 25. Графит. 27. Афелий.

В этом номере помещены репродукции картин Н. К. Осенева «Первое слово Советской власти», Б. М. Неменского «Сестры наши» («Медсестра Машенька»), М. Б. Грекова «Трубачи Первой Конной Армии», «Жлобинцы под Новочеркасском» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

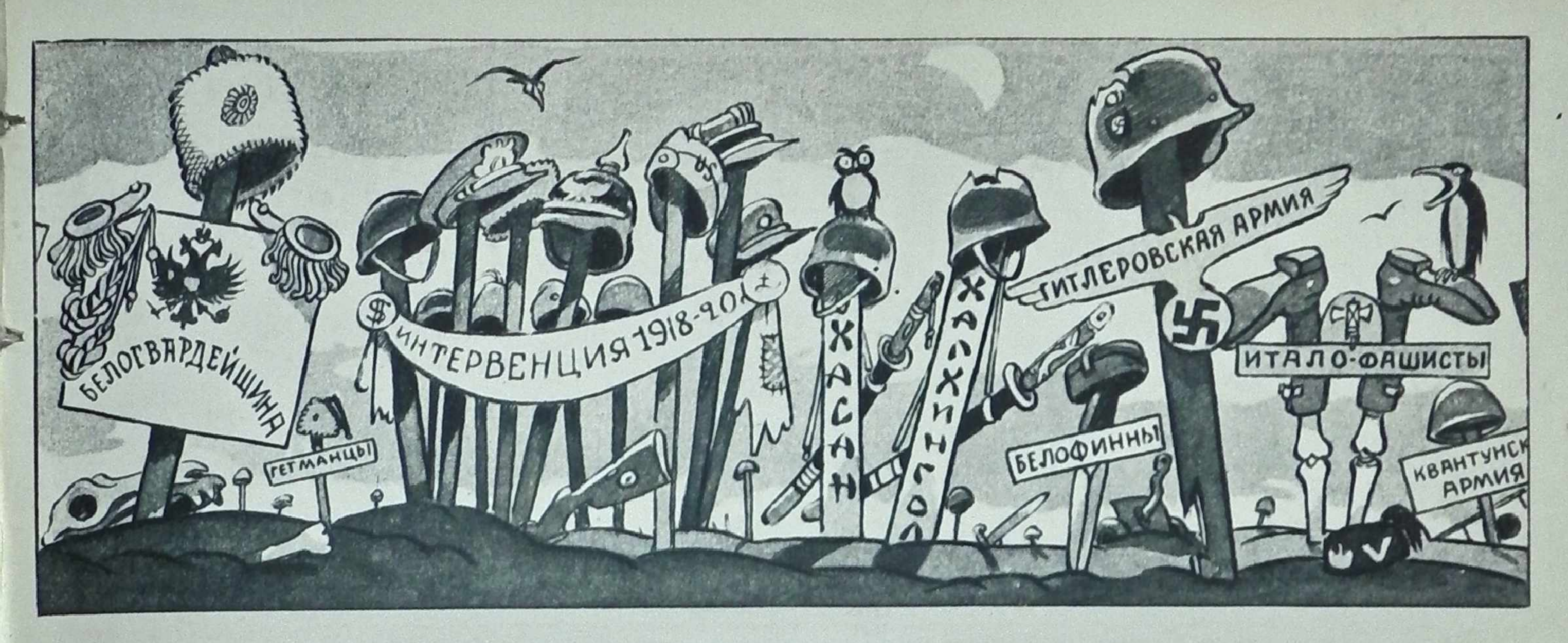
Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление А. Котельниковой.

А 01423. Подп. к печ. 17/II 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 151. Заказ 208. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.



ДЛИННЫЙ СПИСОК...

...КОРОТКАЯ ПАМЯТЬ.

Рисунок Ю. Ганфа.

Цена 3 руб.